

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР

Российский междисциплинарный журнал социально-гуманитарных наук

Зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия
(Свидетельство о регистрации *ПИ № ФС 77-21093*)

2009

Ежеквартальное издание

№ 2

Основан в 2001 г.

Проблемным Советом РФ «Интеллигенция. Культура. Власть»

Министерство образования и науки Российской Федерации
ГОУ ВПО «Ивановский государственный университет»

Редакционная коллегия:

В. С. Меметов (главный редактор),
В. П. Раков (заместитель главного редактора), **В. В. Комиссаров**,
С. С. Садина, **В. В. Селезнев**,
Н. Г. Юркин (ответственный секретарь)

*Издается НИИ интеллигентоведения
при Ивановском государственном университете*

Адрес редакции:

153025 Иваново, ул. Ермака, 39
Факс: (4932) 32-66-00
E-mail:
vs_memetov@mail.ru

Над номером работали:

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редактор *М. Б. Балябина*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Н. Г. Юркин*,
Т. Б. Земскова

Точка зрения авторов публикаций может не совпадать с мнением редакционной коллегии.
Перепечатка без разрешения редакции журнала «Интеллигенция и мир» не допускается.

ISSN 1993-3959

© НИИ интеллигентоведения при ИвГУ, 2009
© ГОУ ВПО «Ивановский государственный
университет», 2009

Подписные индексы

Почта России 60320

Пресса России 41533

Электронная копия журнала размещена на сайте www.elibrary.ru

INTELLIGENTSIA AND THE WORLD

Russian Interdisciplinary Journal of Humanities

Registered by Federal Service for Control of Observation
of the Law on Mass Communication
and for the Preservation of Cultural Heritage
(Registration License *ПН № ФС 77-21093*)

2009

Quarterly

№ 2

**Founded in 2001 by the Council of the Russian Federation
on the Problem of Intelligentsia, Culture and Power**

**Ministry of Education and Science of the Russian Federation
State Educational Establishment of Higher Professional Education –
Ivanovo State University**

Editor-in-Chief **Valery S. Memetov**

Editorial Board:

Valery Rakov (Deputy Editor-in-Chief), **Vladimir Komissarov**,
Svetlana Sadina, **Vladimir Seleznev**,
Nikolay Yurkin (Secretary of the Board)

*Edited by the Research Institute on Intelligentsia Studies
at the Ivanovo State University*

Address of the Redaction:

153025 Ivanovo ul. Ermaka 39
Tel./ Fax: 8-4932-32-66-00
vs_memetov@mail.ru

Working team:

Director of the Publishing House
Lyudmila Mikheeva
Redactor *Marina Balyabina*
Technical Redactor *Irina Sibiryova*
Computer Design *Nikolay Yurkin*,
Tatyana Zemskova

The authors' views may differ from the viewpoint of the Editorial Board.
No reprints without the Editorial Board permission allowed.

ISSN 1993-3959

© Research Institute on Intelligentsia Studies
at the Ivanovo State University, 2009
© Ivanovo State University, 2009

Subscription indexes

The Post of RF 60320

Press of RF 41533

The e-copy of the issue can be accessed at www.elibrary.ru

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ

- Соколова Ф. Х.* Интеллигенция во власти: российские реалии 9
Сибиряков И. В. Интернет-интеллигенция: миф или реальность? 18

К 70-ЛЕТИЮ В. С. МЕМЕТОВА

- Умное делание всегда приносит плоды (Интервью *В. П. Ракова*
с *В. С. Меметовым*) 27
Письма друзей 40
Веселов В. Р. Верность теме 46
Волков В. С. Школа историка В. С. Меметова: взгляд
из Петербурга 52
Кондрашева М. И. К вопросу о традициях российской
интеллигенции: теоретические аспекты исследования
проблемы и их перспективы 57

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

- Зябликов А. В.* «Союз 17 октября» и «Новое время» 61
Гусев А. В. Подготовка инженерно-технических кадров
в системе промысловой кооперации губерний
Верхнего Поволжья в 20–30-е годы XX века 75
Раскатова Е. М. Власть и художественная интеллигенция
позднего социализма: методологические ракурсы
современного исследования проблемы 85

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

- Репников А. В.* От сумы и от тюрьмы... (Послевоенная судьба
В. В. Шульгина на основе архивных материалов,
документов и воспоминаний) 98
Ахунзянова Ф. Т. Роман Д. С. Мережковского «Данте»
в культурологическом контексте русской эмиграции 120

ДЕБЮТ

- Мурванидзе Б. Ю.* Грузинские интеллектуалы эпохи
Эдуарда Шеварднадзе 125

ПО СЛЕДАМ ПРОЧИТАННОГО

Раков В. П. Заметки дилетанта (О книге доцента Д. Смирнова) 134

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ

Красина Г. П., Маркова Т. Н. Формирование сущностных черт
интеллигенции в процессе преподавания культурологии
(Из опыта использования музейных экспозиций) 143

Аннотации 151

Информация для авторов 157

CONTENTS

ACTUAL PROBLEMS OF CONTEMPORARY INTELLIGENTSIA STUDIES

- Sokolova F. H.* Intelligentsia in authority: Russian reality 9
Sibiryakov I. V. Internet-intelligentsia: myth or reality? 18

TO THE 70th ANNIVERSARY OF V. S. MEMETOV

- Clever actions are always fruitful (Interview of *V. P. Rakov* with
V. S. Memetov) 27
Letters of friends 40
Veselov V. R. Following the subject 46
Volkov V. S. The school of historian V. S. Memetov:
view from St. Petersburg 52
Kondrasheva M. I. To the Problem of Russian intelligentsia tradi-
tions: theoretical aspects of the problem and their perspectives . . 57

FROM THE HISTORY OF INTELLIGENTSIA

- Zyablikov A. V.* «Union of October, 17» and «Novoe Vremya» 61
Gusev A. V. Training of technical-engineering specialists
in the system of provinces' trading cooperations of upper towns
on the Volga river in 20s-30s of the 20th century 75
Raskatova E. M. Authority and artistic intelligentsia of late
socialism: methodological foreshortenings in the contemporary
research of the problem. 85

PERSONALITY IN THE DISCOURSE OF INTELLIGENTSIA STUDIES

- Repnikov A. V.* «No fence against a flail» (Post-war destiny
of V. V. Shulgin according to the archive materials, documents
and memoirs) 98
Akhunzyanova F.T. The Novel of D.S. Merezhkovsky «Dante»
in the cultural context of Russian emigration 120

DEBUT

- Murvanidze B. Y.* Georgian intellectuals in the epoch of Eduard
Shevardnadze 125

RESUMING THE WORK

<i>Rakov V. P.</i> Notes of the dilettante (About the book by senior lecturer D. Smirnov)	134
---	-----

EDUCATIONAL-METHODOLOGICAL PROBLEMS OF CONTEMPORARY INTELLIGENTSIA STUDIES

<i>Krasina G. P., Markova T. N.</i> Formation of essential features of intelligentsia in the process of culturology teaching (From the experience of the use of museum expositions)	143
<i>Summaries</i>	151
<i>Information for authors</i>	157

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ

ББК 60.561.322+283.2

Ф. Х. Соколова

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ ВО ВЛАСТИ: РОССИЙСКИЕ РЕАЛИИ

В отечественном интеллигентоведении устойчивый интерес исследователей вызывают проблемы власти и интеллигенции. В дореволюционной историографии проблема рассматривалась преимущественно через призму оппозиционности интеллигенции власти и нередко трактовалась с диаметрально противоположных позиций. Представители народнической идеологии рассматривали борьбу интеллигенции с царским режимом как фактор обновления общества. В свою очередь сторонники «Вех» — как деструктивный компонент, ведущий к разрушению культурных основ общества. В первом случае интеллигенция воспринималась как группа самоотверженных борцов за свободу и достойную жизнь народа. Во втором — на интеллигенцию возлагалась вся вина за революционные катаклизмы начала XX века.

В советской историографии отношение интеллигенции к власти трактовалось преимущественно в контексте социально-классового подхода, но приоритеты расставлялись в пользу ана-

© Соколова Ф. Х., 2009

Соколова Флера Харисовна — доктор исторических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Поморского государственного университета им. М. В. Ломоносова. flera@atnet.ru

лиза государственной политики, действия которой якобы были направлены на мирное завоевание интеллигенции, на создание условий для постепенного и добровольного признания последними социалистических ценностей.

В постсоветском научном пространстве начала 90-х годов XX века заметно возрос интерес к дореволюционным концептуальным подходам. Одновременно усилилась репрессивная составляющая при оценке политики государства по отношению к интеллигенции. В свою очередь, при анализе обратной системы связей возросли ноты обвинения интеллигенции в сервилизме и рабском подчинении, неспособности противостоять новому антигуманному режиму. В целом не претендуя на категоричность суждений, отметим, что практически на протяжении более столетней исследовательской практики поставленная проблема рассматривалась преимущественно через призму двух составляющих: власть — интеллигенция, интеллигенция — власть.

Принципиально новое направление в исследовании поставленной проблемы было обозначено в середине 90-х годов XX века известным ученым, руководителем Межвузовского Центра Российской Федерации «Политическая культура интеллигенции, ее место и роль в истории Отечества» В. С. Меметовым. Широко известный мировой и российской научной общественности ученый в числе значимых исследовательских задач обозначил необходимость всестороннего и комплексного изучения исторического опыта «хождения» российской интеллигенции во власть¹.

С подачи крупного интеллигентоведа-методолога в последнее десятилетие заметно активизировался научный поиск в данном направлении. Предпринимаются попытки выявления существенных и содержательных характеристик понятий: «служилая интеллигенция», «управленческая интеллигенция», «чиновничество», «бюрократическая интеллигенция» и др.² На уровне монографических и диссертационных исследований начали подвергаться анализу структурно-функциональные характеристики и социокультурный облик лиц, представленных в политических структурах власти³. В контексте осмысления роли и места интеллигенции в системе государственно-политического управления, степени ее востребованности властью значительный интерес представляет работа В. А. Мансурова и К. Г. Барбаковой⁴. Импо-

нирует обозначенная для интеллигенции историческая миссия — стать реальным субъектом власти в целях спасения человечества и российского общества.

В развитие исследуемой темы хотелось бы отметить, что, прежде всего, требует конкретизации сущность и содержание самой поставленной проблемы «интеллигенция во власти». По мнению автора настоящей статьи, она может трактоваться как в узком, так и широком смысле. В частности, вряд ли будет правомерной идентификация с политической властью всех лиц, работающих в системе государственной службы. Наличие власти предполагает обладание властными полномочиями, возможность влиять на поведение других людей, участие в процессе принятия управленческих решений. В данном контексте преобладающее большинство чиновников не обладает реальной властью, они работают простыми специалистами. В связи с вышеизложенным, суть проблемы «интеллигенция в системе политической власти» скорее должна заключаться в выявлении степени вовлеченности интеллигенции в представительные органы власти и государственно-политические управленческие группы высшего и среднего звена.

Одновременно власть имеет место быть во всех сферах общественной жизни. Соответственно в широком смысле анализ обозначенной проблемы видится во всестороннем и комплексном изучении личностного потенциала руководителей различного ранга и сфер жизнедеятельности общества, в анализе места и роли интеллигенции в управленческом процессе в целом.

Вне всякого сомнения, тема чрезвычайно сложная, многогранная и является предметом многочисленных самостоятельных исследований. Но она требует своего разрешения, так как многочисленные деформации и кризисные явления российского общества обусловлены не только недостаточной компетентностью и нравственной коррозией политических органов власти, но и тем, как принятые государственные решения транслируются и реализуются на уровне конкретных организаций и учреждений.

Не претендуя на полноту освещения, хотелось высказать ряд суждений по поводу того, в какой мере востребованы в системе управления и могут в нем удержаться так называемые интеллигентные интеллигенты, имеющие здоровые духовно-нравственные ориентиры, обладающие высокими профессиональными компе-

тенциями, отличающиеся самостоятельностью суждений, инициативностью, способные к творческому саморазвитию.

С точки зрения формально-образовательных характеристик не подлежит сомнению тот факт, что сегодня преобладающее число управленцев имеют диплом (иногда несколько) о высшем образовании. В последнее десятилетие среди них возрос удельный вес лиц, обладающих дипломами кандидата и доктора наук.

Одновременно профессиональные и этические кодексы многих учреждений предписывают работникам следование принципу сочетания личного интереса с общественным, высокий профессионализм, честное и добросовестное выполнение своих обязанностей, уважение прав и достоинств других людей.

Не подлежит сомнению, что сегодня в системе власти работает множество лиц, находящихся на разном уровне профессионального и духовно-нравственного развития. Автор не исключает, что среди них есть слой тех, кого можно назвать интеллигенцией.

Вместе с тем, общественные реалии страны дают основания для сомнений в широкой востребованности интеллигенции во властных структурах. Исторический опыт России подтверждает, что знания, способности, умения интеллигенции, ее критический ум бывают востребованы лишь на переходных этапах развития общества и при разработке и концептуализации инновационных проектов и структур. В значительной степени интеллигенции принадлежит заслуга в теоретическом обосновании революционных процессов начала XX века, так называемых демократических преобразований 90-х годов XX века. Но плодами деятельности интеллигенции нередко пользуются другие: умеющие перехватить инициативу, приписать лавры победы себе; способные к интригам; более формализованные, умеющие найти общий язык с руководством более высокого звена; зачастую беспринципные, под прикрытием демагогических лозунгов реализующие собственные амбиции и интересы.

Невысокая степень вовлеченности интеллигенции в структуры власти может быть объяснена, с одной стороны, традициями социально-политического, экономического и культурного развития страны, с другой — профессиональными и личностными предпочтениями самой интеллигенции.

Авторитарная традиция России: авторитарный режим, авторитарный стиль управления широко представлены в политической и иных сферах жизни общества и типичны для страны как сегодня, так и в историческом прошлом. Характерными чертами авторитарных методов воздействия на подчиненных являются: централизация властных полномочий и командно-административные методы воздействия; малая вовлеченность членов организации в процесс обсуждения и принятия управленческих решений; ориентация на принудительные формы власти. Эти явления имеют следствием ужесточение системы контроля, бюрократизацию аппарата и деформацию системы подбора персонала. Социометрические исследования, проведенные среди работников различных учреждений г. Архангельска и Архангельской области, свидетельствуют, что элементы демократического стиля управления проявляются только у 20 % руководителей. В свою очередь по откликам самих руководителей, им скорее нужны не инициативные и творческие работники, а, прежде всего, хорошие исполнители, беспрекословно выполняющие распоряжения руководства. Среди работников существует твердое убеждение, что «инициатива всегда наказуема». В этих условиях шансы интеллигенции, самостоятельно мыслящей, имеющей свое видение решения проблемы, свои принципы и убеждения, смелой в высказывании критических замечаний, стремящейся к самореализации, удержаться во властных структурах чрезвычайно сложно.

Вышеприведенные тенденции проявляются и в системе государственной службы. Социологические опросы, проведенные среди государственных служащих Архангельской области, свидетельствуют, что сегодня в государственные структуры без протекции попадают лишь 10–20 % сотрудников. 80 % опрошенных указывают на низкую возможность сотрудников влиять на дела в организации. По данным исследований, российский чиновник отличается тем, что неохотно берет инициативу на себя, предпочитая выполнять распоряжения и команды сверху. С одной стороны, у гражданского служащего наблюдается желание занять должность повыше, а с другой — нежелание решать проблемы, которые он, соответственно, приобретает вместе с новой должно-

стью. Как свидетельствуют данные опроса, типичной для государственной службы является такая карьерная практика, как скоростная карьера. Смысл ее состоит в стремительном продвижении по должностной иерархии или просто занятии («десантирование») государственной должности, причем весьма высокого уровня, без всякой практики государственной службы и соответствующего профессионального опыта, при этом человек активно продвигается по службе вышестоящим руководством.

Как справедливо отмечают в своей работе В. А. Мансуров и К. Г. Барбакова, в числе факторов, деформирующих духовно-нравственный и профессиональный облик управленческих структур и, соответственно, осложняющих процесс закрепления интеллигенции во власти, являются ментальность, стереотипные формы поведения российского народа и, одновременно, сравнительно низкий уровень общей культуры и воспитанности населения. Безусловная вера в доброго царя-батюшку, хорошего руководителя, который рассудит по справедливости, пассивность, низкая гражданская активность, неспособность быть противником власти и защитить свои права порождают другую крайность: среди лиц, приходящих во власть, формируется комплекс непогрешимости и вседозволенности. В сочетании с невысоким уровнем культуры они содействуют формированию типа руководителя с нравственной коррозией, действующего по принципу: «я начальник — ты дурак». Многие из них упиваются собственной властью, страдают болезненным тщеславием, проявляют черты снобизма и пренебрежительного отношения к достоинствам другой личности.

В свою очередь, жесткое подавление разномыслия, инаковидения, ведет к уничтожению альтернативных позиций, что, по справедливому выражению В. В. Кримника, является источником исторической неэффективности самой власти⁵. С сожалением приходится также констатировать, что значительной части российского народа присущ авторитарный тип мышления, ориентированный исключительно на уважение и признание силы. Люди подобного плана, как правило, не приемлют цивилизованных, основанных на уважении человеческого достоинства, так называемых интеллигентных методов взаимодействия, что заметно

осложняет управленческую деятельность и без того малочисленной части интеллигенции, представленной во власти.

Основы экономической жизнедеятельности российского общества, в частности отсутствие традиций свободного предпринимательства, систематически имеющее место перераспределение собственности, малочисленность экономически независимых от власти собственников и в целом низкий уровень жизни основной массы населения также оказывают плохую услугу в оздоровлении властных структур. В связи с тем, что социальные блага и привилегии оказываются доступны, прежде всего, тем, кто в нужный момент оказался у властной кормушки, к ней нередко стремятся лица, преследующие собственные корыстные цели. Ибо «имеешь власть — имеешь все». Коррупционность власти, использование служебного положения в личных целях стали своего рода российской традицией. На фоне данной категории лиц, стремящихся к власти любыми путями, в ней практически не остается вакантных мест для интеллигенции.

Однако незначительное представительство интеллигенции во власти нередко обусловлено личностными и профессиональными установками самой интеллигенции. Интеллигенция в силу своих личностных качеств, ориентации на общечеловеческие ценности и гуманные, правовые методы воздействия на окружающих нередко оказывается бессильной перед злом. Общеизвестно, что принцип мультипликационного героя — кота Леопольда: «Ребята, давайте жить дружно!», которого во многом придерживалось Временное правительство России, а в последующем окружение М. С. Горбачева, оказался неэффективным. Интеллигенции, широко представленной в структурах власти в обозначенные периоды, пришлось уйти с политической арены в связи с потерей кредита доверия со стороны народа. Вне всякого сомнения, сказанное — не упрек в адрес интеллигенции, а сожаление по поводу общего уровня культуры российского народа. Но одновременно в контексте теорий лидерства, авторитетный руководитель, способный вести людей за собой на достижение конкретных целей, это, прежде всего, человек, умеющий в зависимости от ситуации и способностей подчиненных находить адекватные методы воздействия на них, но в то же самое время не ущемляю-

щий их чувства собственного достоинства. Российской интеллигенции, дабы быть представленной во властных структурах, видимо, предстоит пройти серьезную школу современного менеджмента, чтобы обучиться искусству эффективного управления людьми, но через призму человеческих отношений.

К числу профессиональных ориентаций интеллигенции, нередко осложняющих процесс закрепления во власти, относится ее невысокая степень приспособляемости к жизни организации. В научной дисциплине «организационное поведение» выделяется несколько типов личности по степени приспособляемости к жизни организации⁶. Среди них более успешным во власти оказывается организационалист, который отождествляет себя с организацией, стремится к продвижению и делает карьеру через солидаризацию с вышестоящими лицами. В свою очередь профессионал, как правило, выходец из образованной среды, сосредоточен на работе, а не организации. Он связывает свою роль в обществе с профессией, старается достичь совершенства в этой области. Он нередко склонен рассматривать требования организации как неприятность, затруднение, увлечение формализмом, которые мешают работе. Соответственно интеллигент-профессионал зачастую по собственной инициативе стремится дистанцироваться от власти как источника зла и ищет признания и самоутверждения среди себе подобных.

Наконец, следует признать, что интеллигенция представляет собой множество ярких и неповторимых личностей, отличающихся многообразием взглядов и суждений по различным проблемам общественного развития. Нередко она демонстрирует нетолерантное поведение, претендуя на безусловную правоту собственного видения перспектив развития. Соперничество, малая способность к кооперации и групповому сотрудничеству, склонность к многочисленным дискуссиям, как правило, осложняют процесс принятия решений и координацию действий в группе, организации, что в критических условиях, когда требуется быстрое принятие решений и адекватная реакция на возникающие проблемы, может обернуться ситуацией упущенного шанса. В системе властных структур востребованы не только высокие духовно-нравственные ориентиры, творческие способности, про-

фессионализм и принципиальность, но одновременно организованность, хорошая исполнительская дисциплина, соблюдение групповых и организационных норм и требований.

Резюмируя в целом, приходится констатировать, что в России в извечной триаде: власть — интеллигенция — народ, чаще находят общий язык между собой первые и последние. Вне всякого сомнения, интеллигенция должна быть представлена в структуре власти, обеспечивая ее профессионализм и задавая соответствующую нравственную планку. Но она не должна отрываться от культурной почвы, из которой произросла. Одновременно шаг навстречу друг другу должны сделать как власть, так и сама интеллигенция.

Примечания

- ¹ Меметов В. С., Заховаев А. А. В поисках новых методологических подходов в изучении истории интеллигенции России // Проблемы теории и истории изучения интеллигенции: поиск новых подходов : межвуз. сб. ст. Иваново, 1994.
- ² Юркин Н. Г. Управленческая интеллигенция // Интеллигентоведение в системе гуманитарных наук : исследования и учебно-методические разработки. Иваново, 2008.
- ³ Гимпельсон Е. Г. Советские управленцы 1917—1920 гг. М., 1998; Пашин В. П., Свириденко Ю. П. Кадры коммунистической номенклатуры: методы подбора и воспитания. М., 1998; Саранцев Н. В. Большевицкая партийно-политическая элита: возникновение, становление, трансформация (начало 1900-х — конец 30-х годов) : дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2002; Юркин Н. Г., Тарасова Л. М. Уровень образования и профессиональный потенциал органов исполнительной власти г. Иваново и Ивановской области // Интеллигенция и мир. 2007. № 2.
- ⁴ Мансуров В. А., Барбакова К. Г. Интеллигенция в структуре власти — миф или реальность // Интеллигенция и мир. 2008. № 1.
- ⁵ Цит. по: Там же. С. 14.
- ⁶ Зайцева Л. Г., Соколова М. И. Организационное поведение. М., 2005.

И. В. Сибиряков

ИНТЕРНЕТ-ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

На рубеже XX—XXI веков в развитии многих государств, цивилизаций, культур проявились качественно новые моменты. Часть из них связана с процессами экономической и политической глобализации, часть является результатом стремительного развития науки и техники, природа некоторых изменений до сих пор остается неясной для большинства ученых. Одной из стран, в развитии которой сегодня происходят серьезные перемены, безусловно, является Россия. Важным фактором этих перемен стала российская интеллигенция, в свою очередь так же претерпевающая сегодня масштабные и очень болезненные трансформации. Причины этих трансформаций, основной вектор развития столь важной для российского социума социальной группы, возможные стратегические и тактические последствия происходящих перемен являются предметом острых дискуссий среди социологов, культурологов, историков. Одной из наиболее эффективно работающих дискуссионных площадок, где проходит обсуждение дальнейших перспектив существования российской интеллигенции, является Ивановский государственный университет. В сентябре 2008 г. в его стенах прошла международная научно-практическая конференция, посвященная проблемам рождения и развития так называемой новой российской интеллигенции¹. Дискуссия, которая состоялась в ходе конференции, во многом и предопределила сюжет данной статьи.

Практически для всех участников конференции было очевидно, что рождение феномена новой российской интеллигенции

© Сибиряков И. В., 2009

Сибиряков Игорь Вячеславович — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и культуры Южно-Уральского государственного университета (Челябинск). sibirjkovig@mail.ru

связано с комплексом вполне объективных причин, главные из которых, на наш взгляд, можно определить следующим образом.

Во-первых, это серьезные, почти революционные, изменения в технологии получения, хранения и передачи информации, касающейся всех сторон жизни человеческого сообщества. Прежде всего, речь идет о развитии интернет-технологий, которые стали важной составной частью современной цивилизации и качественно изменили отношения, существующие между различными социальными группами, профессионально работающими с информацией.

К середине 2008 г. число людей, «регулярно использующих Интернет», составляло «около 1,4 млрд человек»², т. е. почти 15 % жителей Земли.

Динамика расширения русскоязычной интернет-аудитории очень показательна. Если в конце 1996 г., по данным «КОМКОН», в России насчитывалось примерно 409 тыс. человек, имеющих возможность выхода в Интернет со своего домашнего компьютера или компьютера на работе, то на конец 1999 г. интернет-аудитория в России по различным оценкам составляла от 2 до 5 млн человек³.

А по данным, приведенным в марте 2007 г. ТНС Гэллап ЭдФакт, в России пользовались Интернетом уже более 28 млн человек, что составило 77 % от всех опрошенных студентов, 77 % от всех опрошенных руководителей и 71 % от всех опрошенных специалистов. Самой активной возрастной группой российской интернет-аудитории оказались молодые люди от 12 до 25 лет (они составили 80 % российских пользователей Интернета)⁴. Большинство из них, в первую очередь, пользовались услугами электронной почты, системами поиска информации, услугами разнообразных социальных сетей.

Возможности применения интернет-ресурсов постоянно расширяются, вовлекая в круг активных пользователей Интернета представителей все новых возрастных, этнических, профессиональных групп. По данным ряда исследовательских компаний, в 2008 г. число пользователей русскоязычного сектора Интернета (рунета) впервые в истории сети выросло в основном благодаря аудитории старше 55 лет⁵. До 80 % пользователей ру-

нета составляют люди, имеющие высшее или незаконченное высшее образование.

Снижение стоимости услуг интернет-провайдеров, повышение уровня доходов многих групп населения, расширение технических возможностей интеграции в виртуальное пространство позволили включить в круг активных пользователей Интернета представителей тех социальных групп, которые еще несколько лет назад почти полностью игнорировали интернет-технологии, например пенсионеров или лиц со средним образованием.

Во-вторых, это качественно новые нравственные приоритеты того поколения российских интеллектуалов, чьи ценностные ориентиры были сформированы в 90-е годы XX века. Эмоциональное отрицание старых «советских» нравственных норм и ценностей, которое было продекларировано многими представителями политической и интеллектуальной элиты на стадии распада СССР, мощное давление со стороны новых средств массовой информации, разрушение тех структур, которые занимались нравственным воспитанием советской молодежи, привели в итоге к тому, что на первое место в иерархии моральных ценностей многих россиян вышли ценности успеха и материального благополучия. Так, по данным Института социально-политических исследований РАН, если в первые годы реформ Б. Н. Ельцина «две трети населения России отдавали приоритет ценности свободы над ценностью материального благополучия, то с 1996 г. более половины населения страны стало оценивать материальное благосостояние значительно выше ценности свободы. Причем коренные изменения в предпочтении этих двух базовых жизненных ценностей затронули примерно 30 % россиян. Аналогичным образом поменялись местами ценность интересной работы с ценностью высокой зарплаты. И опять же в количественном плане смена этих ценностных предпочтений охватила почти треть населения страны... Особое внимание обращает на себя тот факт, что в середине 90-х годов произошел серьезный сдвиг в отношении к такой очень важной для подавляющего большинства россиян ценности, как спокойная совесть. Если в течение первых лет социологического мониторинга именно эта ценность прочно занимала лидирующее положение в иерархии ценностных предпочтений населения страны и носителями ее являлись почти 95 % рос-

сиян, то с 1996 г. ценность спокойной совести, хотя и оставалась ведущей, но с меньшей долей поддержки. А вот число людей, которые власть стали ценить выше сохранения спокойной совести, возросло к 1997 г. в три раза (с 6,0 % до 18,0 %)…»⁶.

В-третьих, это резкое изменение социального статуса основных групп российской интеллигенции в условиях стремительного перераспределения базовых ресурсов страны между отдельными представителями новой политической элиты. Статус «социального аутсайдера», который получила значительная часть интеллигенции в ходе реформ 90-х годов, существенно снизил ее политический и моральный авторитет в глазах социума, породил серьезный кризис самоидентификации и самооценки.

Мощный удар, нанесенный по советской интеллигенции в конце 80-х — начале 90-х годов XX века, дал очень интересные исторические результаты. Еще недавно формально почти единая социальная группа с вполне устойчивым социальным статусом, набором социальных ролей и функций, многократно декларируемым комплексом особых моральных ценностей, стала стремительно распадаться на множество самостоятельных локальных социальных групп. Каждая из этих групп пыталась найти собственную стратегию выживания⁷ в условиях перманентного экономического кризиса и почти полного разрыва взаимоотношений с официальными государственными органами.

Часть представителей бывшей советской интеллигенции деградировала, утратив в силу разных обстоятельств свои профессиональные навыки и моральные ориентиры. Часть ушла от политического противостояния и сосредоточилась почти полностью на реализации собственных микропроектов, изначально не имевших никакого общегосударственного или даже регионального значения. Как правило, эти микропроекты позволяли сохранить прежнюю специальность, невысокий уровень жизни и столь же минимальную нравственную самооценку, которая при этом не позволяла продолжить социальную деградацию и покинуть традиционную социальную страту.

Часть представителей советской интеллигенции попыталась поменять сферу приложения собственных знаний и жизненного опыта и, таким образом, покинула ряды учителей, врачей, музыкантов, художников и других, традиционных для отечест-

венной интеллигенции профессиональных групп. Примечательно, что в сфере политического противоборства эти бывшие советские интеллигенты тоже не пришли.

Часть представителей бывшей советской интеллектуальной элиты попыталась реализовать себя за пределами нового российского государства, но, как правило, без заметных успехов и признания на родине.

Часть сумела заручиться поддержкой властвующей элиты и фактически монополизировала рынок интеллектуальных и эстетических услуг, который все-таки сформировался в стране на рубеже веков. Существовали и другие модели поведения, которые требуют самостоятельного глубокого исследования.

Но вот что показательно. Из рядов советской интеллигенции стремительно выделилась группа тех, кто открыто продекларировал полный разрыв с «советским прошлым» и попытался позиционировать себя как настоящую подлинную российскую интеллигенцию, возрождающую традиции дореволюционной интеллектуальной элиты. В первой половине 90-х годов XX века этим людям еще удавалось поддерживать тесные контакты с представителями средств массовой информации, политическими организациями и даже некоторыми властными институтами, но в середине 90-х годов и, особенно, в конце XX века эти контакты приобрели откровенно формальный характер или были полностью разорваны.

Кризис старой интеллигенции, который носил крайне болезненный характер, очень существенно ослабил ее авторитет в глазах молодежной части российского общества. Механизм воспроизводства социальных институтов и нравственных ценностей интеллигенции был почти полностью разрушен, а традиционный для индустриальных обществ конфликт «отцов и детей» неожиданно для многих ускорил процесс рождения новой российской интеллигенции. Линией своеобразного водораздела между старой и новой интеллигенцией стали интернет-технологии, появившиеся в России в 90-е годы XX века⁸.

Скорость проникновения этих технологий в различные сферы жизни российского общества (в том числе и в те, которые считались на протяжении многих десятилетий неприкасаемой вотчиной отечественной интеллигенции) и масштаб тех перемен, к которым привели эти технологии, оказались для старой россий-

ской интеллигенции абсолютно неожиданными. Отторжение Интернета, как самобытного явления современной культуры, долгое время считалось особой доблестью среди учителей, музыкантов, художников и даже ученых гуманитариев. Тезис о том, что Интернет является «помойной ямой» низменных человеческих страстей и пороков, воспринимался многими деятелями российской интеллигенции как аксиома и не требовал никаких доказательств.

И лишь после того, как в начале XXI века Интернет стал стремительно расширять свою аудиторию в России, а на Западе появились первые серьезные исследования, посвященные применению интернет-технологий в гуманитарном образовании, искусстве, литературе, отдельные представители старой российской интеллигенции почувствовали опасность происходящих перемен.

Новая российская интеллигенция стала формироваться столь стремительно и быстро, что буквально за 4—5 лет стала уже реальным фактом социальной истории XXI века. Наши познания об этой группе носят ограниченный характер, но уже позволяют сделать ряд выводов, которые могут стать стартовой площадкой для более детального исследования данного феномена.

Во-первых, несколько лет назад была предпринята попытка осуществить социальное и интеллектуальное самоопределение этой группы через понятие «интернет-интеллигенция». На сегодняшний день крайне трудно определить автора данного понятия, но его активное использование, как в сетевом пространстве, так и за его пределами, позволяет предположить, что этот термин очень точно обозначает новую социальную реальность, возникающую буквально на наших глазах⁹. Кто же входит в эту группу? С одной стороны, это те, кто решает технические проблемы работы сетевого пространства: «печально» знаменитые сетевые администраторы, модераторы, разработчики программного обеспечения и т. д. Люди, которые играют важную роль в интеллектуальном производстве, т. е. занимаются умственным трудом. С другой стороны, это те, кто насыщает технические конструкции информационной составляющей, т. е. передающие в сетевое пространство информацию самого разного вида (текст, изображение, музыка и т. д.). Журналисты, писатели, художники, музыканты первоначально размещали в Интернете уже готовые произведения, выполненные с помощью традиционных технологий. Но постепенно в Интерне-

те появились люди, создающие именно «сетевой продукт», то есть произведения, изначально ориентированные на то, что они будут востребованы в первую очередь в рамках сетевого пространства. И, наконец, это те, кто интенсивно работает с информацией, размещенной в сети, либо обеспечивая ее дальнейшее распространение, либо используя ее для получения качественно новой информации и превращения последней в знание.

По мере решения технических и финансовых проблем, сопровождающих сегодняшнее развитие интернет-технологий, доля людей, активно использующих эти технологии для получения, сохранения и распространения информации, по-прежнему, будет нарастать.

Интернет существенно упростил и ускорил процесс передачи любой информации, дал возможность индивидуализировать процесс работы с этой информацией. Таким образом, создана качественно новая техническая основа для исполнения традиционных для интеллигенции социальных функций. Это не означает, что прежние инструменты работы интеллигенции, такие, как театр, книга, живая музыка, уже утратили свою эффективность. Но скорость распространения интернет-технологий именно в области искусства, науки, культуры заставляет предположить, что магистральный тренд развития цивилизации на ближайшие годы уже определен. Победу интернет-технологий в этом незримом споре очень точно фиксирует повседневный русский язык, который стремительно насыщается новыми терминами, так раздражающими поклонников литературной старины (модератор, спам и т. д.).

С другой стороны, развитие указанных выше процессов идет далеко не прямолинейно. Показательно, что попытка широко распространить в массах особый интернет-слэнг («Превед, медвед...», «кросачег», «афтар жжот нипадецки» и т. д.) пока потерпела неудачу, но можно предположить, что она была далеко не последней.

Во-вторых, важно обратить внимание на попытки выработать некие новые нравственные нормы для тех, кто интенсивно трудится или отдыхает в русскоязычном сегменте мировой паутины. Речь даже не о том, чтобы сократить использование так называемой ненормативной лексики или языка «настающих падонкофф», которые так шокируют многих интеллектуалов, толь-

ко начинающих работу в сети в рамках различных, особенно молодежных, форумов и чатов. Более ценным, на наш взгляд, является поиск алгоритма решения такой серьезной нравственной проблемы, как анонимность используемой в сети информации. Отсутствие правовой и моральной ответственности за распространение сознательно искаженной информации создает в интернет-сообществе очень много проблем. Активные участники общества осознают эти проблемы и пытаются их разрешить. Очень остро для части сегодняшнего интернет-сообщества стоит проблема сохранения «приватности» не только коммуникационной, но и творческой, без которой крайне сложно выйти на тот уровень доверия, что необходим представителям художественной и научной интеллигенции для нормального общения и нормальной работы. Не менее остро в интернет-сообществе сегодня стоит вопрос о сохранении того, что вне виртуального мира принято называть «авторским правом», как в юридическом, так и в более широком смысле этого слова. Для каждого деятеля науки и искусства этот вопрос напрямую связан с проблемой признания или непризнания социумом его исторических заслуг. В этой связи показательно, что «герои», «кумиры», «духовные гуру» сегодняшнего Интернета (такие, как Артемий Лебедев, Сергей Ледоколов и др.), как правило, слабо известны тем, кто находится вне интернет-пространства. В основной своей массе они не стремятся к широкому признанию за пределами интернет-сообщества, сохраняя тенденцию к самоизоляции, столь знакомую всем специалистам по истории русской интеллигенции XIX — начала XX века.

В-третьих, обращает на себя внимание стремительная политизация интернет-сообщества, что является вполне естественным в той ситуации, в которой оказалась Россия в начале XXI века. Потеряв возможность для публичной критики тех или иных решений власти в традиционных средствах массовой информации, политически активная часть интеллигенции стремительно ушла в интернет-пространство, воспринимая его как единственную возможность сохранить сегодня ценности свободы и демократии для российской цивилизации.

В качестве первых итогов размышления о феномене новой российской интеллигенции мы готовы выделить несколько положений, не только и даже не столько констатирующих достигну-

тые результаты, но открывающих возможность для дальнейшего исследования данного явления.

Интернет-интеллигенция — это качественно новая социальная группа, которая рождается на рубеже XX—XXI веков, профессионально связанная с производством, сохранением и распространением информации в интернет-пространстве. Она позиционирует себя как самостоятельное явление в структуре современного российского социума и пытается обособиться через выработку собственного языка общения, норм поведения, технологии распространения результатов собственного творчества. При этом интернет-интеллигенция теснейшим образом связана с так называемой старой интеллигенцией. Их объединяет общий набор социальных ролей и функций, негативное отношение со стороны других социальных групп, высокая степень политизации.

В ближайшей исторической перспективе сосуществование старой и новой российской интеллигенции неизбежно, что требует интенсивного диалога между отдельными ее представителями. Этот диалог, естественно, не может быть простым, но он необходим для «выживания» каждой из данных групп.

Примечания

¹ Молодая интеллигенция и устойчивое развитие общества: XIX международная научно-теоретическая конференция. Иваново, 25—27 сентября 2008 г. Иваново, 2008.

² URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>

³ URL: <http://www.logovo.ru/info/docs/demo-draft.html>

⁴ URL: http://www.rambler.ru/news/it/statistics/9998304.html?t_detail=0

⁵ Шевченко Д. Бабка — за мышку // Русский Newsweek. Декабрь 2008 — Январь 2009. № 1—2. С. 72.

⁶ URL: <http://www.ispr.ru/SOCOPROS/socopros214.html>

⁷ Социальный статус и имидж гуманитарной интеллигенции: иллюзии и реальность («круглый стол») // Социологические исследования. 2001. № 11.

⁸ Кузнецов С. Ощупывая слона : заметки по истории русского Интернета. М., 2004.

⁹ URL: http://www.npstoik.ru/blog/entry.php?u=vio&e_id=433; URL: <http://www.rsdn.ru/Forum/Message.aspx?mid=1568074&only=1>; URL: <http://www.drugieberega.com/artlife/2006/12/06> и др.

К 70-ЛЕТИЮ В. С. МЕМЕТОВА

УМНОЕ ДЕЛАНИЕ ВСЕГДА ПРИНОСИТ ПЛОДЫ

(Интервью В. П. Ракова с В. С. Меметовым)

Валерий Сергеевич Меметов — доктор исторических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы, заведующий кафедрой истории и культуры России, директор Межвузовского центра гуманитарного образования РФ по политологии, политической культуре и мировой политике, а также директор НИИ интеллигентоведения при Ивановском государственном университете. Имя ученого хорошо известно в России, в ближнем и дальнем зарубежье. Исследователи гуманитарной проблематики, особенно интеллигентоведения, не только знают и ценят труды В. С. Меметова, но и творчески сотрудничают с основанными им Центром и НИИ.

В феврале 2009 года ученому исполнилось 70 лет. Редакция журнала сердечно поздравляет Валерия Сергеевича с юбилеем, желает ему здоровья, реализации творческих замыслов и завершения проектов, связанных с совершенствованием структуры плодотворно работающих возглавляемых им научных сообществ. Хочется пожелать процветания и такому его детищу, как «Интеллигенция и мир» — журналу, который вы держите в руках.

© Меметов В. С., Раков В. П., 2009

Меметов Валерий Сергеевич — доктор исторических наук, профессор, главный редактор журнала «Интеллигенция и мир», директор Межвузовского Центра по политологии, политической культуре и мировой политике и НИИ интеллигентоведения при ИвГУ, заведующий кафедрой истории и культуры России Ивановского государственного университета.

Раков Валерий Петрович — доктор филологических наук, профессор, заместитель главного редактора журнала «Интеллигенция и мир».

Ниже публикуется текст беседы с Валерием Сергеевичем, которую провел сотрудник редколлегии профессор В. П. Раков.

В. П. Раков: Эту беседу хочется начать с лирической ноты, с воспоминания о нашей с Вами молодости, с тех лет, когда мы были аспирантами знаменитого ныне университета — МГПУ. Хорошая, хотя и противоречивая, была тогда атмосфера в нем. Конец 1960-х годов. Труднообъяснимый энтузиазм в культурном климате общества, литературный дебют А. Солженицына, лекции С. Аверинцева с его для многих непривычным языком дискурса, либерализм и внимание к молодым ученым. Импозантная фигура академика А. Л. Нарочницкого с его пристальным и доброжелательным взглядом на собеседника. И, конечно же, А. Ф. Лосев, сопровождаемый шумливыми аспирантами на пути в лекционную аудиторию. Слушателей было много. С замиранием сердца внимали мы всегда бодрому и моложавому старцу. Все это в словах почти непередаваемо, но оно питало нас, привнося чувство радости и в процесс обучения, и в исследовательскую работу.

В эти годы как нельзя более ярко выявилась Ваша преданность одной, но весьма широкой и едва ли не безбрежной теме — теме интеллигенции. Насколько мне помнится, трудились Вы неустанно. Библиотеки — «Ленинка», БАН, а также архивы — не только столичные, но и областные. Разыскания, писание статей, доклады, поездки, хлопоты по изданию кафедральных сборников. Мобилизованность сил и времени. Таков «текст» вашей жизни тех лет. Но это — взгляд со стороны. А каким было ваше личное ощущение времени, что Вам казалось тогда важным в гуманитарной науке и почему избрана диссертационная тема, оказавшаяся, как сейчас ясно, «пожизненным» пристрастием?

В. С. Меметов: Да, бесспорно, время было интересным, а его оценка и сегодня вряд ли может быть однозначной. В частности, меня всегда, мягко выражаясь, смущали идеологические засылы, применявшиеся к выбору тематики научных исследований. При этом оговаривались границы дозволяемых методов исследования. Ущербность таких педагогических стратегий в науке мне стала ясна, как только я приступил к размышлениям о теме кандидатской диссертации, оказавшись в каком-то замкнутом кольце, где расставлены вехи с надписями: туда не ходи, этого

делать нельзя, а вот это отложи до лучших времен, иначе... Передо мной встал вопрос не просто о выборе темы, но именно такой темы, которая обладала бы, вспоминаю лексикон нашего аспирантского объединения, подъемной силой. Можно сказать и по-другому: ... которая имела бы признаки расширяющейся научной перспективы.

Сборник «Вехи» нам тогда был недоступен, но я интуитивно чувствовал, что уж коли я остановился на теме интеллигенции, то трактовать это понятие нельзя зауженно, в системе общепринятого в то время научного языка. Требовалось обдумать ситуацию и озаботиться вопросом обогащения понятийного аппарата, но сделать это так, чтобы не было риска провала. В конце концов, я сосредоточил свое исследование вокруг таких, как сейчас говорят, концептов, как Родина, патриотизм, подвиг, бескорыстие и жертва. Специальным разделом диссертации была выделена проблема *слова* или, по-нынешнему, идейного дискурса. Получилась (и в этом не было ничего плохого) двойная призма восприятия Отечественной войны 1941—1945 гг. Одна отражала события первого слоя, то есть то, как они запечатлевались в военных сводках, приказах и других деловых документах фронтовых штабов и Ставки Верховного командования. Другой же уровень — это человековедческий срез происходящего, реакция на события со стороны солдат, офицеров и той интеллигенции, которая находилась в гуще военного бытия, часто создавая кинорепортажи и литературные очерки в ситуациях едва ли не прямого столкновения с вражеской армией. Вникая в огромный пласт фактов, я понял, что людьми, идущими на смерть, руководит не какая-то пропагандистская идеология, но что-то более важное, что-то такое, что превышает сугубо индивидуальных переживаний. Тут — иная высота человеческого духа и иная система оценок. Оттого-то при изучении материалов, касающихся обороны Москвы, невольно выдвинулась тема вечная: Столица — Родина — подвиг — смысл личностного существования и др. Я — историк, а не философ и не филолог, поэтому не стоит ожидать от меня картин в жанре батальной живописи или историософских размышлений, но то, что сделано, сделано: книга об обороне Москвы, увидевшая свет в издательстве «Наука», пользовалась спросом. Воздаю должное ныне по-

койному профессору С. А. Федюкину, чьи советы и ободрение очень помогли в период моего профессионального становления.

Ну, а докторская диссертация далась легче: приобретенные навыки работы с документами, а также окрепшая культура мышления ускорили дело. Тема интеллигенции была рассмотрена в более объемной системе координат, позволившей реконструировать широкую картину созидательной деятельности различных объединений писателей, художников, музыкантов, драматических актеров и других мастеров интеллектуального сообщества. А затем... Затем наступили иные времена. Но творчески я оказался к ним подготовлен, хотя никогда не принимал безответственных идей и неумелого праксиса наших неолибералов, приведших страну к печальным итогам.

Могу сказать, что мои исследования не прекращались, но теперь я стал прилагать усилия для создания коллектива единомышленников в изучении проблем интеллигенции. Я привлек к работе не только специалистов-историков, но и политологов, философов, культурологов, филологов, и таким образом были созданы условия для дальнейшего продвижения и развития научных и методических исследований.

В. Р.: Но это уже было время нашего творческого сближения и активного сотрудничества. Однако Вы не сказали о том, что и до этой поры успешно действовал НИИ интеллигентоведения, правда, с малым штатом сотрудников, которые, тем не менее, были преисполнены творческого порыва и каждый год публиковали множество статей, а то и монографий в соавторстве с Вами. Не могли бы Вы кратко охарактеризовать этот этап работы коллектива?

В. М.: Как принято говорить в таких случаях, это была романтическая пора. Сотрудники НИИ были молодыми людьми, но каждый — со своим творческим стилем, интересно трактуемой проблематикой и широкой фактологической базой. Основательность проводимых исследований — черта, унаследованная ныне и другими сотрудниками вновь образовавшегося сообщества, которое получило название Центра, обозначенного в вводной заметке к тексту нашей беседы. Новый центр, кстати, включает в себя и НИИ интеллигентоведения — как одно из своих подразде-

лений, отличающихся научной плодотворностью. Развиваются и традиции. Там, в прошлом, было проведено по тематизируемой проблематике 19 международных научных конференций. Ныне готовится двадцатая, юбилейная. Эти симпозиумы проходят обычно в сентябре, что непременно запечатлевается в специальном томе публикуемых материалов. Объем издания — 20 п. л.

В. Р.: Да, впечатляющие данные. Двадцать томов исследовательских сочинений — целая библиотека! Я не знаю ни одной кафедры университета, ни одной его структуры, которые бы работали столь интенсивно. Я полагаю, что читателям журнала интересно будет узнать тематику конференций, хотя бы тех, что были проведены в последние годы.

В. М.: Сначала скажу о том, что проблемно-тематическое содержание наших конференций вырабатывается не только членами Центра и НИИ интеллигентоведения, но и всеми коллегами, которые вот уже в течение многих лет поддерживают с нами творческие связи. У нас с ними идет активная переписка, обмен актуальными научными идеями, которые концентрируются в специальном информационном банке. Количество наших корреспондентов увеличивается, причем во многом за счет приращения из ближнего зарубежья. Ученые не хотят, чтобы разрушилось некогда бывшее единым культурное пространство. Я говорю об исследователях, живущих на Украине, в Белоруссии, Казахстане, в Молдавии и даже в Узбекистане. У нас окрепли контакты и с Академиями наук этих республик, особенно с Белорусской АН. Не было ни одного симпозиума, на котором не присутствовали бы интеллигентоведы из стран бывшего Советского Союза. Да мы и сами с большим интересом посещаем как конференции, так и семинары, проходящие в университетах или в отделениях АН. В частности, мне самому довелось не один раз выступать перед коллегами в Минске. Плодотворность подобных связей очевидна. Что же касается тематики конференций, то это, как я уже сказал, плод коллективного творчества. Добавлю, что вокруг Центра группируется большая когорта исследователей — около 500 человек, с каждым из которых мы имеем возможность не только общаться посредством почты, в том числе электронной, но и в экстренных случаях по телефону. Это помогает оперативности

нашей совместной работы. Назову темы проведенных конференций. Начну с той, которая вызвала повышенный интерес со стороны научной и церковной общественности. Это — «Интеллигенция и церковь: прошлое, настоящее и будущее» (2004 г.). Рад отметить, что смысл мероприятия состоял в организации и укреплении *диалога* между светской и церковной интеллигенцией. Мне кажется, что, судя по глубоким докладам и общей атмосфере симпозиума, наш замысел удался. Надеюсь, что мы еще не раз будем возвращаться к аналогичным темам.

В настоящее время нарастает скептическое и даже нигилистическое отношение к интеллигенции и ее роли в общественной жизни. Находятся люди, которые говорят о деструктивной роли «высоколобых», при этом по-своему подбирая примеры из нашей богатой и потому противоречивой истории. Мы решили обсудить эту, если так можно выразиться, горячую проблему. Поэтому в 2006 году собрались для заинтересованного разговора под девизом: «Политическая культура интеллигенции и ее место и роль в жизни общества». Годом позднее дискуссии продолжились в заостренно-креативном аспекте. Тематика была сформулирована так: «Интеллигенция в процессах преобразования мира: исторические вызовы, социальные проекты и свершения». К заявленной проблематике, получившей широкое освещение на пленарных и секционных заседаниях, был проявлен интерес со стороны университетской общественности г. Иванова и руководящих лиц города. Так что наши усилия по активизации внимания к актуальной жизненной проблематике находят отклик. Как мы понимаем, Центру предстоит еще сделать очень много, чтобы в зоне нашего резонанса оказалось как можно больше представителей власти и общественности, иначе научные дискуссии будут походить на академические посиделки.

И вот, наконец, одна из острых проблем, которую мы обсудили в 2008 году: «Молодая интеллигенция и устойчивое развитие общества». Наряду с маститыми учеными (конференция была посвящена юбилею профессора МГУ А. В. Квакина, который принял в ней участие), с докладами выступили молодые исследователи — студенты, аспиранты, соискатели и докторанты самых различных специальностей. Это не могло не расширить проблемный спектр темы конференции, и следующее наше

собрание мы посвятим рассмотрению исторических аспектов темы интеллигенции. Тогда же попытаемся дать типологические и формационные характеристики этого не поддающегося строгим определениям сословия.

В. Р.: Я думаю, что вышесказанное дает все основания сделать вывод о непрерывающейся творческой жизни Центра и НИИ интеллигентоведения. Мне известно, что возглавляемый Вами коллектив ученых ведет систематические исследования, отмеченные долговременным заказом-нарядом Министерства образования и науки РФ. Не могли бы Вы рассказать о научных трудах коллег — хотя бы в самом общем плане?

В. М.: Да, вы разумно ограничиваете меня — «в общем плане», иначе пришлось бы расширить печатную площадь, отведенную для текста нашей беседы. Скажу кратко, что итоги работы выглядят вполне реально. Передо мной — два тома: это — коллективная монография «Проблемы теории и методологии исследования интеллигенции» объемом в 25 печатных листов. Издание состоит из двенадцати глав, построенных на принципе исторического подхода к интеллигенции, начиная с ее генезиса и кончая ролью в социуме современной России. Хронологический диапазон исследования — XVI век — начало XXI столетия. В создании книги приняли участие специалисты разных профилей, что позволило осветить изучаемую проблематику с позиций межпредметных взаимосвязей. Целостность и единство познания — одна из парадигмальных установок ученого содружества Центра. Востребованным оказался и второй том — «Интеллигентоведение в системе гуманитарных наук: Исследования и учебно-методические разработки». Обе книги вышли в свет под грифом издательства «Ивановский государственный университет» в 2008 году.

Данное двухтомное издание появилось в результате не одного года исследовательской работы. Мы задумали несколько монографий этой серии. В настоящее время готовятся к печати еще два тома.

Кроме коллективных трудов, сотрудники Центра концентрируют усилия на создании статей и книг, публикуемых в журналах и в различных издательствах. В последние годы опубликованы монографии: профессора С. М. Усманова на тему мировоз-

зрения Гоголя в национальном аспекте, моего уважаемого собеседника «Филология и культура», профессора Г. С. Смирнова «Интеллигенция и ноосфера: Философско-культурологические проблемы интеллигентоведения». Совсем недавно увидела свет оригинальная работа доцента Д. Г. Смирнова «Семиософия ноосферного универсума: Ноосфера и семиосфера в глобальном дискурсе» (22 п. л.). Опубликованы творчески интересные сочинения доцентов С. С. Садиной, В. В. Комиссарова и Н. Г. Юркина, посвященные разным историческим этапам интеллигенции. Профессор Ю. М. Воронов регулярно выступает со статьями политологического характера.

В. Р.: Действительно, «писали — не гуляли», как говорят крестьяне в «Войне и мире» Л. Толстого. Эту шутку я позволил себе потому, что, судя по энтузиазму ваших сотрудников, для них мыслить и писать — своеобразное веселие или, по Ницше, «веселая наука». Что способствует такому замечательному настрою людей, трудящихся, по сути дела, за символическую и даже меньше того плату?

В. М.: Мне кажется, что ответ тут прост, хотя его содержание далеко от обыденной простоты. Они оттого так вдохновенно трудятся, что исследовательская и мыслительная работа для них — не «работа по должности», а образ жизни. Они знают, что постоянное думание — это путь к тому, что в культурной традиции называется умным деланием, которое всегда увенчивается плодами.

Есть и еще одна причина научной пассионарности коллектива. Она заключается в том, что в творческом ансамбле Центра — люди вполне мужественного и молодого возраста. Дерзание последних поддерживается опытом и эрудицией старших коллег, которые «заражаются» интеллектуальной живостью и острой научной реакцией своих младших со-работников. Если угодно, я горжусь тем, что мне выпала роль дирижера этого оркестра.

В. Р.: «Интеллигенция и мир. Российский междисциплинарный журнал социально-гуманитарных наук» — издание, приобретающее все большую известность и симпатии читателей. Его научный профиль богат и разнообразен. К Вам приходят молодые исследователи, присылают статьи известные профессора и акаде-

мики. На страницах журнала были напечатаны тексты интервью с видными специалистами в области филологии, философии и культурологии. С завидной регулярностью здесь появляются труды ученых из США, Великобритании, Германии, Италии, написанные по-русски или переведенные сотрудниками Центра. Разделяю вашу радость по поводу хорошо отлаженной работы редколлегии. Однако, как и во всяком деле, есть некое закулисье — хлопоты, волнения, порой разочарование, то есть то, что способно внушить чувство отчаяния. Я помню, как люди из числа «сочувствующих» говорили: «А зачем ему это надо?» Может быть, без затрат душевной энергии на организацию журнала жить и работать было бы легче? Я предвижу ваш ответ и все же, каков он?

В. М.: Действительно, могло бы быть легче, но — менее интересно, по-местечковому уютно, но без притока свежего воздуха — душно. Как только в Центр пришли высококлассные специалисты и профессора, которые не мыслят свою жизнь без *письма*, то есть исследовательских текстов, которые нужно опубликовать буквально сию минуту, чтобы не утратить приоритет в той или иной проблематике, сразу стало ясно: без журнала не обойтись. Ко всему прочему, регулярное издание (журнал выходит четыре раза в год) расширяет и укрепляет наши связи с миром (что отражено в названии издания) и дает возможность увидеть себя в зеркале читательского восприятия. При осознании этих факторов отступить от идеи организации печатного органа было невозможно. Что же касается, говоря вашими словами, закулисья, то правда состоит в том, что сначала мы испытывали большие трудности, прежде всего финансового характера. Приходилось ходить, что называется, с протянутой рукой. Но мир не без добрых людей: помогли друзья и люди из городской администрации. Ну, а когда мы встали на ноги, проблемы с оплатой тиража отпали.

В. Р.: И все же, что могло бы содействовать упрочению авторитета журнала?

В. М.: Несомненно, утверждение его в качестве «ваковского» издания, где могли бы публиковаться аспиранты и соискатели степени доктора наук. Ректорат Ивановского университета помо-

гает нам в продвижении к желаемой цели. Мы надеемся, что достигнем ее. Эти надежды не беспочвенны: журнал выходит с 2001 года, в нем напечатаны труды выдающихся ученых, проведены дискуссии по актуальным проблемам интеллигентоведения, философии, истории, культурологии и политологии. Отрадно отметить, что мы «не забронзовели» — чувство нарциссизма нам принципиально чуждо. «Вперед и выше!» — вот наш девиз. Пусть он звучит пафосно, но ведь любое дело должно быть освещено «далевым смыслом» или перспективами развития.

В журнале много рубрик, и я не буду их перечислять, каждый читатель, если захочет, ознакомится с ними сам. Однако считаю нужным упомянуть о таких его разделах, как «Актуальные проблемы современного интеллигентоведения», «Личность в интеллигентоведческом дискурсе». Мы внимательно относимся к начинающим ученым, и редколлегия стремится привлечь молодых авторов, для которых первая публикация в их будущей исследовательской судьбе значит весьма многое. Подобные материалы помещаются нами в разделе «Дебют».

Мы откликаемся и на новости научной жизни, сообщаем о защищенных в различных специализированных советах кандидатских и докторских диссертациях. В библиографическом разделе публикуются рецензии на новые книги. Журнал стремится удовлетворить интересы ученых разных специальностей. Литературные портреты деятелей науки — наш ответ на пожелания студентов и аспирантов российских вузов, где мы проводили опросы по тематике интеллигентоведения.

В. Р.: Теперь, Валерий Сергеевич, хотелось бы перейти к области образовательных стратегий, разработкой которых, что мне хорошо известно, занимаются сотрудники Центра. Об этом, кстати, убедительно свидетельствует недавно изданный том «Интеллигентоведение в системе гуманитарных наук», который был упомянут выше. Не могли бы Вы подробнее рассказать о работе коллектива в этом направлении?

В. М.: Интеллигентоведение — это живая наука, она имеет дело с такой сложной сферой личности, как ее самопонимание и ориентация в многообразном культурном контексте, тесно связанном с практикой социального бытия. Когда мы провели об-

ширное анкетирование студентов российских вузов (г. Иванова, Ярославля, Костромы, Владимира, Н. Новгорода), ответы на некоторые вопросы дали пищу для размышлений. Так, например, многие респонденты высказали пожелание, чтобы идеи и методы интеллигентоведения внедрялись в лекции и семинарские занятия как по гуманитарным, так и «точным» наукам. Предлагалось, далее, уделять большее внимание характеристикам личностей ученых, их открытиям и анализу жизни идей. Наряду с этим, были многочисленные просьбы освещать такие проблемы, как гуманитарный смысл естественнонаучных дисциплин, больше внимания уделять анализу вопросов, касающихся единства знаний в системе университетских курсов. У нас к этому времени был накоплен известный опыт построения лекционных и семинарских занятий, а также спецкурсов, и потому мы оказались готовыми к встречному движению — к запросам студенческой аудитории. Нас не застали врасплох и новые веяния в области подготовки аспирантов к экзамену по философии. То, что излагается, например, в указанном «методическом» томе, было осмыслено, конечно, раньше, чем декретированные новации в программе для молодых ученых. У нас популярны занятия по такой тематике, как «Интеллигентоведение в составе филологических, исторических, политологических, философских и иных штудий». Здесь обсуждаются вопросы, связанные и с логикой становления той или иной науки, и со спецификой ее антропного содержания, где в заостренной форме выступают ноологические аспекты мышления. В качестве весьма удачного примера внедрения интеллигентоведческих идей в специально-отраслевые курсы назову уже упоминавшуюся монографию профессора Г. С. Смирнова, где теоретико-трактатной ее части сопутствуют методические указания по освоению проблематики книги и перечень вопросов, входящих в программу спецкурса. Тут же представлена обширная библиография. Аналогичные работы и материалы имеются и у других сотрудников Центра, преподающих свои дисциплины в различных вузах г. Иванова.

В. Р.: Вы давно и настойчиво выступаете за включение интеллигентоведения в состав учебных дисциплин, преподающихся в университетах. Вами была высказана мысль и о том, чтобы в

средней школе давались сведения об этой науке — хотя бы фрагментарные, но все же выстроенные в определенной логике. Насколько, по вашему мнению, эти предложения привлекательны для преподавательского корпуса средней и высшей школы?

В. М.: Начнем с того, что ответ на ваш вопрос не будет всецело положительным. Дело в том, что, судя по количеству научных трудов, созданных доцентами и профессорами, интеллигентоведение так или иначе оказывается вполне живой и востребованной дисциплиной. Это — замечательно и в высшей степени полезно для общей атмосферы университетов. Однако в настоящее время ситуация такова, что о твердом статусе интеллигентоведения в вузовских программах говорить не приходится. Это означает, что наш предмет существует на уровне спецкурсов по выбору и в составе лекций для аспирантов. Что будет в дальнейшем, сказать трудно. Пока мы не минуем переходное время с его туманными понятиями о том, что собою представляет программа подготовки бакалавров и магистров, полагаю, что положение вряд ли изменится. Что же касается средней школы, то и здесь рассчитывать на блестящие перспективы — преждевременно. Если уж попытки внедрения «Основ православной культуры» в учебные планы старших классов вызывают упорное сопротивление, то чего можно ожидать от наших начинаний. Но мы не сидим сложа руки, развиваем проект «От лицея — к университету», где культивируем наработанные методики подхода к урокам истории, литературы — в принципиальном соединении с элементами интеллигентоведения. Получается интересно, и учениками наши методики не отторгаются, а, напротив, вызывают любопытство. Занимаются они с увлечением.

В. Р.: В процессе нашей беседы я подумал вот о чем: конечно, результаты деятельности Центра и НИИ интеллигентоведения — налицо, издание журнала — необходимое и нужное дело, продвигать свои проекты в систему преподавания, хотя и трудно, но возможно, и что-то, к счастью, удастся сделать. Однако не кажется ли Вам, что мы слишком оптимистичны? И не забыли ли мы учесть какие-то факторы, которые тормозят нашу активность, а может быть, и просто вредят плодотворной работе? При этом я имею в виду не «человеческий фактор», как принято

говорить на плохом литературном языке, — потому что в вашем сообществе — мастера своего дела, а некую системную ошибку в самой структуре образовательного процесса, где права фундаментальных дисциплин, по моим наблюдениям, ныне попираются — за счет введения сомнительных по своей отраслевой надобности курсов, уменьшая, тем самым, количество часов, отводимых на изучение иностранных языков, источниковедения, текстологии и других основополагающих дисциплин. Что же касается интеллигентоведения, то до него, что называется, руки не доходят. Значит, не все так светло и радостно?

В. М.: Вероятно, Вы правы. Но в любом случае надо делать то, к чему ты призван. Да и сам жизненный опыт говорит нам: не надо унывать. Впрок созданное всегда отзовется результатом, который в свое время будет актуализирован, как это получилось у нас, например, с заранее подготовленными курсами лекций для аспирантов, о чем только что было сказано. Выше я отметил состояние неопределенности, характерное для системы нашего высшего образования. Каков будет вектор его полноценного развития, сейчас сказать нелегко. Ясно лишь, что гуманитаризация учебного процесса — одна из неотменяемых его доминант. А это значит, что там, где найдут себе место философия, культурология и эстетика, возникнет необходимость и в интеллигентоведении. Мы, безусловно, будем способствовать тому, чтобы события развивались в желаемом нами направлении. Что же касается практической стороны дела, то на ближайшую перспективу мы ставим задачу: создать пробный вариант учебника по интеллигентоведению. Он будет адресован студентам университетов. Возможна его переработка для учащихся старших классов средней школы. Не скрою, что этот проект потребует большой мобилизации творческих усилий, особенно при продумывании методических его аспектов. Но у нас — вполне квалифицированные специалисты, владеющие навыками преподавательского мастерства. Попробуем...

В. Р.: Благодарю за беседу! Хочется пожелать, чтобы вашим замыслам и начинаниям сопутствовал успех.

ПИСЬМА ДРУЗЕЙ*

Чем обычно занят российский интеллигентовед, такой, например, как доктор исторических наук, профессор Ивановского государственного университета В. С. Меметов, в течение рабочего дня? С утра — планерки, возможно, заседание кафедры; затем — лекции, семинары, общение со студентами и аспирантами. Если это день защиты диссертаций, а он — председатель Диссертационного совета, то занят весь учебный день и даже сверх того. Домой он приходит усталый, но в общем-то удовлетворенный: не зря готовился, консультировал, разъяснял, анализировал, подгонял, критиковал, хвалил. Дома можно расслабиться, отдохнуть от суеты... Теперь самое время засесть за письма: их столько накопилось! Он перечитывает каждое — и начинается разговор с другом: что нового, какие обдумываются планы, празднуются удачи, переживаются сомнения, обиды... Словно проходят перед глазами разнообразные события обычной, повседневной жизни. Для ученого-интеллигента эти письма — подлинные свидетельства того, как создавались монографии, проходили дискуссии, уточнялись понятия, мировоззренческие позиции, в конце концов, — как складывалось сообщество единомышленников, формировалось новое направление в науке — интеллигентоведение. Правда, сейчас, читая за столом письмо, он видит в авторе послания не только единомышленника, коллегу, но, независимо от возраста, — товарища, близкого по духу человека, которого он принимал в своем доме, семью и домашние заботы которого заочно знает... И он, конечно, не задумывается о том, что содержание и смысл этих писем характеризуют не только их авторов, но и адресата — Валерия Сергеевича Меметова.

* Материалы подготовила **Садина Светлана Семеновна** — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культуры Ивановского государственного химико-технологического университета.

М. Е. Главацкий¹

1998 год

...Получил Ваше поздравление, сердечное спасибо! Совпало с моим желанием передохнуть от постоянной запарки вообще, а в декабре — в особицу.

Оппонировал на докторской 9. 11 (Сибиряков), ездил в Златоуст. Оппонировал по кандидатской в Свердловске (23.12). Мой аспирант защищался (18.12), 24 — Большой ученый совет с моим докладом. 25 — защита диссертаций в Совете, и все это на фоне подготовки и проведения конференции... Ну, не дурдом ли? (еще принимал зачеты у 3 групп студентов и занятия в лицее). Рад, что Вы можете опираться на команду, а у меня ни одной штатной ставки.

Конференция наша прошла нормально благодаря спонсорам, но было условие — потратить деньги в декабре. (Правда, сборник вышел скромный, но оплатили Квакина и Соскина расходы).

* * *

Встретил недавно ректора. Говорит, не знает, как начать учебный год. Нет средств ни на отопление, ни на освещение. Даже не ясно, что будет с зарплатой и грядет сокращение. В общем, повезло нам жить в смутное время.

В мыслях я заряжен на серьезные дела. Их много, и они разные. А в особицу мечтаю написать небольшую книгу. Желание есть, а вот время, деньги и здоровье...

1999 год

...Еще месяц буду заниматься историей металлургии (скоро 300 лет) и историей университета — нам скоро 80 — и еще не понятно чем. Мечтаю вырваться куда-то на 2-недельный отдых, чтобы начать реально работу над этюдами по истории интеллигенции.

2000 год

...Совсем недавно мечтал дожить до 2000 года. Слава богу, это случилось. Теперь бы несколько лет активной жизни, а там и на покой. Хотя неработающим не мыслю себя. Работа спасает от многих болезней...

Жаль, что не удалось свидеться в Петербурге на Конгрессе интеллигенции, хотя, по правде, он должен был быть более продуктивным... Дел у меня (история металлургии, учебные книги,

журнал «Известия УрГУ», юбилей УрГУ в октябре) много, а времени и сил (76 лет!) все меньше. Выхожу из противоречия за счет сна и здоровья, чего делать-то нельзя. Но так мы скроены и, видимо, по-другому уже не можем.

2001 год

...Идет лето. А я все еще занят разного рода делами: выпустил книгу «Секрет счастливой жизни», энциклопедию «Металлурги Урала», журнал «Известия УрГУ», а сейчас нахожусь накануне все той же работы...

Что далее? В марте планирую конференцию о благотворительности... В июне того же 2002-го — конференцию о высылке интеллигенции. Видимо, совместно с новосибирцами и пермяками (у них сохранился лагерь — музей). Думаю, Вы с коллегами по Центру российскому и НИИ могли бы быть организаторами. Обговорим это дело в сентябре...

В. Л. Соскин²

1999 год

Позавчера получил бандероль — очередной Ваш сборник — тезисы конференции. Спасибо! Пока лишь просмотрел оглавление, но — можете не сомневаться — все изучу. Тем более, что моя очередная книжка предполагается о вузах и науке, т. е. прежде всего об интеллигенции...

Рассчитывал повидаться с Вами в Кемерово... Я сделал доклад на пленарном и выступил на встрече памяти Германа Григорьевича. Возможно, увидим Вас 23—24 февраля 2000 г. здесь — Вы же еще не были ни разу в городке, так? Повод — конференция по истории культуры и интеллигенции + мое 75-летие...

Что еще? Все лето «вкалывал» в саду-огороде, почти в одиночку. Но могу гордиться: план выполнил на 100 %.

В университете пока работаю на 0,5 ставки, в институте — на ¼ (!)... Но я считаю ниже достоинства что-то кланчить. Тем более, что не голодаем. Есть сад-огород, плюс приличная пенсия. На жизнь хватает, но ничего «лишнего» (книги, журналы, концерты и пр.) себе уже не позволяем, никуда не ездим. Вечерами смотрим по ТВ все ту же опостылевшую политику. Как историк,

все, кажется, в состоянии объяснить, но от этого наш бедлам легче не воспринимается. Как говорится, судьба наша...

Вы — молодец, упорно шагаете по избранному пути, доказывая (вопреки, быть может, некоторой теории) великую силу личной инициативы. Не было бы Меметова (конкретного), кто бы всем этим занимался?..

* * *

...Спасибо за информацию. Заранее поздравляю с предстоящим юбилеем. Уверен, что пройдет он достойно. Главное, чтобы потом не скиснуть, не ослаблять напор и держать его как можно дольше. В этом смысл жизни! Я этой заповедью пытаюсь руководствоваться, хотя эффект не всегда достигается. Дело в том, что «напор» существует и в отношении меня самого, а это, сами понимаете, снижает и мою силу...

Очередную Вашу толстую книгу («Нравственный императив...») получил. Спасибо. Пока не изучал, а немного полистал. Как всегда, Вы — молодец. Из Екатеринбурга приехал 2 дня назад (а вчера и сегодня принимал экзамены в НГУ). Было неплохо, были три солидных москвича и мы с Сергеем — я имею в виду пленарную «начинку». Поскольку там была Е. М. Раскатова, то, уверен, она расскажет полнее. В Омске тоже был неплохой сбор, оригинальная секция, посвященная Милукову как ученому — культурологу. Я тоже исхитрился сделать доклад. Так что при всех бедах ученая жизнь продолжается. Можно сказать, удивительный феномен! А интеллигенция (интеллигентоведение) в особой чести. И почти все это — Меметов! Так что к юбилею Вы себе нерукотворный памятник воздвигли, это точно.

2001 год

...Я фактически прекратил следить за своим списком работ — мне это уже ни к чему, неинтересно. Пора уже готовиться предстать перед Богом и ответить, что сделал хорошего настоящего? В этой ситуации список даже в 300 названий роли не играет. Есть т. н. «гамбургский счет», который единственно ценен. Так на этот счет и надо работать...

В итоге ведь я мечтаю все изданное обобщить, и, даст Бог, это будет чего-то стоить всерьез. Что касается собственно интеллигенции, то книжку я написал и издал в 1996 году. Думаю, что

она не устарела еще, пусть другие напишут на ту же тему. Что же касается спорных мест — у меня, у Вас, у прочих, — так это нормально. В новой книжке (о середине 20-х гг.) я предполагаю дать сюжет об интеллигенции (учительстве), попробую найти новые ракурсы. Тем более, что я не считаю интеллигенцию «штучным товаром» — тут я уже вступаю с Вами в полемику (Ваша статья в последнем сборнике). Есть яркие индивидуальности, которые, однако, не представляют полностью культуру страны (см. Лихачев — лично с ним знаком, но тут — увы...). И вместе с тем есть массовая интеллигенция, которая и несет культуру в массы, в народ. Так что вижу опасность такой эксклюзивности...

А. И. Аврус³

2000 год

...Видели ли Вы нашу рецензию в № 6 «Отечественной истории»? Я послал туда же рецензию на гусевскую книгу о Чернове, а сейчас готовлю материал к «круглому столу» по книге Б. Миронова «Социальная история России». Справочник о профессорах никак не выйдет из-за задержки с редактированием...

У дочери вышла первая публикация. Она отправила документы для стажировки в Европейском университете в Будапеште.

P. S. 25 января собираются сдавать новый корпус университета. Декан там выбивает несколько комнат для нашего факультета.

* * *

...Я весь январь был выбит из колеи юбилеем и множеством спешных дел, которые навалились сразу. Надо было к 1 февраля отправить в «Отечественную историю» материал по книге Миронова Б. И. «Социальная история России». В Воронеж — статью на конференцию по истории университетов, подготовиться к конференции в Балашове, а кроме того — экзамены, зачеты, начало занятий в лицее... правка первого тома справочника о профессорах. Вроде все сделал, конференция прошла хорошо, вернулся из Балашова и заболел гриппом. Сейчас заканчиваю сидеть дома, а с понедельника начинаются занятия на факультете...

2001 год

...Валерий Сергеевич! Надеюсь увидеть Вас в Саратове в ближайшее время на защите Фролкина...

У меня полно работы. В этом году уже опубликовал свыше 50 п. л. Недавно вышло мое пособие (совместно с зав. кафедрой, он стал теперь проректором) по истории России 20 в. для лица (16,5 п. л.). До конца года должна выйти небольшая монография о международных связях советских спортсменов в 20-е гг. (6 п. л., совместно с аспирантом). К сожалению, до сих пор не получили никаких денег по гранту РГНФ, а уже подходит к концу год. Сейчас оформляем еще один грант РГНФ по «Очеркам истории Саратовского Поволжья» (т. 3, кн. 1)...

Сейчас оформляю творческий отпуск на второй семестр для написания монографии о Чернове. Надо будет съездить в Москву и Петербург, поработать в архивах и журналах.

В сентябре — октябре 2002 года намечается в Саратове большая международная конференция «85 лет гуманитарного образования в Саратове». Мы пошлем Вам приглашения. Там будут секции по всем гуманитарным наукам, в том числе и по истории. Надеюсь пообщаться с Вами и многое обсудить еще в этом году в Саратове.

2000 год

...Накопилось полно дел и долгов, затягивается написание статей и монографий. Правда, до болезни успел сдать в издательство 4-й том «Профессоров и докторов наук Саратовской области»... По интернету мы получили 4 тыс. листов ксерокопий из архивов США и Амстердама о Чернове В. М., много книг, журналов, газетных статей. Уже утопаем в материале, а надо садиться писать монографию...

Дочь у меня получила диплом к. и. н. и пока уехала работать в Москву. Что нового у Вас на кафедре? Над чем работаете?

И. В. Купцова⁴

2006 год

...Как всегда с опозданием отправляю Вам тезисы выступления на конференцию, на которой очень хотела бы присутствовать. Я, как вы знаете, с августа преподаю в университете Альберта в Канаде. К счастью, через полтора месяца я возвращаюсь

домой. Год оказался очень сложным и в плане работы (лекции — каждый день, из трех курсов — два новых для меня), но, главное — психологически. При всех положительных моментах для себя сделала вывод, что я могу жить только в России...

Думается, все эти письма совершенно не нуждаются в комментариях.

Примечания

- ¹ *Главацкий Михаил Ефимович* — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Уральского государственного университета (Екатеринбург).
- ² *Соскин Варлен Львович* — доктор исторических наук, профессор, заведующий сектором истории советской культуры объединенного Института истории, филологии и философии Сибирского отделения РАН (Новосибирск).
- ³ *Аврус Анатолий Ильич* — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории новейшего периода Саратовского государственного университета.
- ⁴ *Кутцова Ирина Валентиновна* — доктор исторических наук, профессор кафедры политической истории факультета государственного управления Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

В. Р. Веселов

ВЕРНОСТЬ ТЕМЕ

Время быстротечно и необратимо, но, к счастью, не бесследно. Оно запечатлевает результаты деятельности, вехи жизни как отдельного человека, так и всего общества. В этом смысле круглые даты дают хорошую возможность обозреть пройденный путь, сопоставить опыт пережитого с проблемами сегодняшнего дня, заглянуть за горизонт грядущего. Причем, чем масштабнее

© Веселов В. Р., 2009

Веселов Виктор Романович — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова, член Союза писателей России. 156029 Кострома, а/я № 30.

личность, тем зримее проступают в ее биографии характерные черты времени, свершения и атмосфера эпохи.

Именно таким социально выразительным и значимым является 70-летний юбилей В. С. Меметова, крупного российского ученого, директора НИИ интеллигентоведения, доктора исторических наук, заслуженного работника высшей школы РФ. Жизненный и творческий путь юбиляра отражает важнейшие вехи и направления развития общественной жизни, отечественной исторической науки в условиях двух эпох: советской и современной. Валерий Сергеевич принадлежит к поколению «детей войны», чье детство обжег пламень суровых лет. Они дышали раскаленным воздухом эпохи и, рано повзрослев, стремились встать в общий строй с отцами-победителями, поднимая страну из руин и сохраняя преемственность поколений, патриотических традиций.

Неслучайно же тема Великой Отечественной войны занимает особое место в творчестве В. С. Меметова, вдумчивого исследователя, замечательного педагога, научного руководителя, активного общественного деятеля. В трудах Валерия Сергеевича, в работах многочисленных учеников ученого, коллективных исследованиях, выполненных под его руководством, воссоздан облик сражающейся страны, освещен, научно осмыслен великий подвиг народа, советской интеллигенции, раскрыто всемирно-историческое значение Победы над чумой XX столетия.

Столь же логичен интерес ученого к истории российской интеллигенции, ее особой социокультурной миссии в исторической судьбе страны. Для него это не просто рабочая тема, предмет научных поисков, «ума холодных наблюдений», а глубоко близкое, родное явление, созвучное душевному миру ученого, его мировосприятию, осердеченному отношению к миру. Это тот самый благодатный случай, когда предмет исследования и всё, что связано с ним, заполняют жизненное пространство творческого работника, стирая порой грани между книжной фабулой и реальной действительностью. Валерия Сергеевича отличает подлинная интеллигентность, высокий профессионализм, преданность любимому делу, бескорыстие, гражданственность.

Коренные черты русской демократической интеллигенции — ее гражданская честь, чувство собственного достоинства, независимость в своих мнениях и оценках от институтов власти,

официозных постулатов. В 1990-е годы, когда в общественно-политической жизни страны, в публицистике, художественной и научной литературе свирепствовала нигилистическая истерия затаптывания советской истории, ее охаивания и очернения, немногие историки выступили против конъюнктурного, зачастую неплохо оплачиваемого, наступления на недавнее прошлое, вызывая к голосу разума, объективного, непредвзятого и уважительного анализа достижений и просчетов, взлетов и падений героической и трагической эпохи. Приятно было видеть в то смутное время сдержанную, политически не ангажированную позицию В. С. Меметова, находить его поддержку своим нелегким раздумьям, попыткам противодействовать аморальному переписыванию истории двадцатого столетия.

Сформировавшись как ученый в условиях советского времени, в демократической среде «шестидесятников», В. С. Меметов отстаивает принцип уважительного отношения к противоречивому опыту прошлых лет. Ему равно чужды как некритический, помпезный анализ советской истории, так и огульное перечеркивание реальных достижений предшествующих поколений, стремление выступить в роли судей, карающих «неправедное прошлое». Перспективу методологического обогащения исследовательского поиска ученый видит не в упрощенной знаковой инверсии, замене бывших плюсов на минусы, а в разработке динамичных научных парадигм, включающих проверенные опытом принципы историзма, объективности, диалектического анализа, а также интеграционные, междисциплинарные технологии, достижения современной мировой гуманитарной науки.

С именем В. С. Меметова связано формирование на преемственной основе предшествующих достижений дореволюционной и советской историографии, зарубежной литературы широкого междисциплинарного направления гуманитарного знания — интеллигентоведения, объединяющего усилия ученых, научных коллективов разных специальностей и профиля. Активно и плодотворно работают в этом направлении на базе Ивановского государственного университета под руководством В. С. Меметова Межвузовский Центр гуманитарного образования РФ, Проблемный Совет РФ «Интеллигенция. Культура. Власть», НИИ интеллигентоведения. Растут авторитет и аудитория междисциплинар-

ного журнала «Интеллигенция и мир». В русле указанного направления подготовлены многочисленные монографические, коллективные, диссертационные и другие исследования. Ежегодно с начала 1990-х годов публикуются материалы межрегиональных и международных научных конференций интеллигентоведов. Преодолевая неизбежные противоречия тематического развития, дублирование сюжетов, концептуальные повторы, современное интеллигентоведение не только ведет изучение социокультурного феномена интеллигенции, но и существенно обогащает гуманитарную науку технологиями и результатами своих междисциплинарных исследований.

Признанное лидерство В. С. Меметова в современном интеллигентоведении обеспечивается не только его фундаментальными исследовательскими работами, но и, в первую очередь, выдающимися организаторскими качествами ученого. Он принадлежит к когорте собирателей, объединителей российской науки. Именно благодаря его творческой энергии и врожденной способности объединять вокруг себя единомышленников, центр интеллигентоведения сместился в провинцию, аккумулируя потенциал региональной науки и культуры.

Наука и нравственность взаимосвязаны друг с другом, хотя их отношения часто не лишены глубоких противоречий. В лице В. С. Меметова мы видим пример гармоничного созвучия научных пристрастий и нравственного мира ученого, интеллигента, гражданина, красивого человека. Встречи с такими людьми, профессиональное и товарищеское общение обогащают нас, укрепляют в добрых замыслах и свершениях.

Рад и горжусь дружбой с Валерием Сергеевичем, благодарен судьбе, что она свела нас на жизненной дороге. Познакомились мы с ним в начале 1970-х годов в Москве, в зале национальной библиотеки, где традиционно пересекаются профессиональные пути российской интеллигенции. Сразу же понравилась его душевная откровенность, искренность, почувствовались надежность и дух товарищества.

Мы часто встречались на межвузовских научных конференциях. В те годы не было проблемы командировочных расходов, имелась возможность поколесить по всей стране, осознать не только ее огромность, но и родственность просторов единого Отечества.

ва, значительную часть которого мы сегодня, к сожалению, потеряли. Активно участвовали в работе Проблемного совета по истории культурного строительства в СССР, созданного на базе Уральского государственного университета под руководством замечательного ученого, потомственного интеллигента В. Г. Чуфарова, который заряжал своей кипучей энергией и жизнелюбием. Появились общие знакомые, научные авторитеты и яркие личности: В. С. Волков, М. Е. Главацкий, В. Л. Миловидов, В. Т. Ермаков, С. А. Федюкин, А. К. Шустов, коллеги, товарищи и друзья.

В течение многих лет участвую в работе докторского диссертационного совета при Ивановском университете, которым руководит В. С. Меметов. Восхищают его высокая эрудированность, творческая импровизация, четкость оценок при обсуждении разнообразного спектра научных проблем, интеллигентная корректность по отношению к соискателям, участникам дискуссий, коллегам, способность разрядить возникшую вдруг напряженность тонкой иронией и доброй улыбкой.

Наука тесно связана с искусством, художественной культурой. Их объединяет дух творчества, заинтересованного отношения к миру. Валерий Сергеевич совсем не случайно акцентирует внимание на вопросах жизнедеятельности художественной интеллигенции. Это глубоко поэтичная натура с обостренным чувством гармонии, трепетным восприятием художественного образа. Поздравляя юбиляра, желая ему крепкого здоровья и новых свершений во благо Отечества, хочется выйти за рамки прозаического повествования и продолжить разговор на поэтической ноте:

Интеллигенция России
Не раз поклонится еще,
Сказав Меметову спасибо
За то, что он воспел ее.

С любовью трепетной восславил,
Созвездие имен открыл,
НИИ Ивановский возглавил
И о журнале не забыл.

Со всех сторон сюда стремится
Ученый люд. Талантов — тьма.

Каков порыв! Какие лица!
Какое пиршество ума!

И не в Москве, столице гордой,
А здесь, в провинции родной,
Интеллигенции народной
Возводят памятник живой.

Не камень лег в его основу,
Иная твердь и рубежи:
Труды научные и слово,
Свет интеллекта и души.

Воссоздается коллективный
Интеллигенции портрет.
Хотя он в целом позитивный,
Но есть в нем каверзный момент.

Глядит на нас с листов печатных
Интеллигенция в упор,
Ведет серьезный и нечастный
О нашей сути разговор:
Кто мы на этом белом свете?
Куда да и зачем идем?
Что ждем от нового столетья
И почему вот так живем?

На все вопросы нет ответов,
О том мы спорим горячо.
Зато у нас есть В. Меметов,
Давайте спросим у него.

Маэстро, мудрый и красивый,
Ответит тихо, не спеша:
«Болит и просится душа
Нам помолиться за Россию»...

В. С. Волков

ШКОЛА ИСТОРИКА В. С. МЕМЕТОВА: ВЗГЛЯД ИЗ ПЕТЕРБУРГА

Я не ставлю себе задачу раскрыть черты научной школы интеллигентоведения, сложившейся вокруг ее лидера В. С. Меметова, даже в виде краткого обобщающего очерка, как, например, я сделал это относительно ленинградской-петербургской школы¹. Ограничусь рассказом о том, как воспринимаются петербургскими историками результаты научных исследований юбиляра и как оценивается его роль в организации изучения истории интеллигенции. Разумеется, здесь высказано преимущественно мое мнение, но оно формировалось не без влияния коллег, работающих в Петербурге, и во многом совпадает с их оценками.

Фамилия В. С. Меметова стала упоминаться в Ленинграде после выхода в свет его монографии «Защищая Москву. Интеллигенция столицы в период битвы под Москвой» (М., 1979). Это была далеко не первая его публикация, но именно она создала ему научное имя. Я узнал о ней на научном семинаре, посвященном 35-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне, из выступления кандидата исторических наук Е. Л. Алексева, изучавшего роль научной интеллигенции в укреплении Вооруженных сил СССР в годы войны. Он сослался на нее в подтверждение тезиса о том, что в историографии доминирует внимание к роли художественной интеллигенции в достижении Победы, в то время как вклад других профессиональных отрядов интеллигенции в защиту Отечества раскрыт еще недостаточно. В дальнейшем ссылки на книгу Валерия Сергеевича стали постоянными при обсуждении духовного фактора в достижении победы советского народа над фашистскими захватчиками.

© Волков В. С., 2009

Волков Валерий Степанович — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Санкт-Петербургского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 191186 Санкт-Петербург, Набережная р. Мойки, д. 48, корп. 20, к. 243. (812) 312-42-07

Монография заняла достойное место на моей книжной полке, а когда я начал читать спецкурс по истории советской интеллигенции, она стала моей настольной книгой наряду с работами Л. К. Ермана, С. А. Федюкина, В. Л. Соскина, Г. Л. Соболева и других лидировавших в то время историков интеллигенции.

Наше личное знакомство произошло в Ленинградском институте повышения квалификации преподавателей общественных наук в начале 1980-х годов. По первому впечатлению я принял его за человека из военного сословия на основании его собранности, целеустремленности, взвешенности и четкости суждений и ответственного отношения к делу. Позже я убедился, что эти качества могут быть и у гражданского ученого-гуманитария. С этого времени началось наше сотрудничество, дополнившееся позже дружбой. С середины 1970-х годов кафедра истории КПСС Ленинградского государственного педагогического института имени А. И. Герцена, где я подготовил свою кандидатскую, а затем и докторскую диссертации, а с 1967 года стал заведовать ею, начала играть роль одного из центров по исследованию истории интеллигенции: здесь возникло межкафедральное объединение по изучению интеллигенции: регулярно, почти ежегодно, издавались сборники статей, было опубликовано несколько монографий, традиционные Герценовские чтения стали привлекать из других городов историков культуры и интеллигенции. В 1984 году Валерий Сергеевич оказал нам честь, поместив в сборнике ЛГПИ им. А. И. Герцена свою статью о творческих союзах и художественных коллективах в годы Великой Отечественной войны².

Перед петербургской научной общественностью В. С. Метов непосредственно предстал в 1996 году в качестве участника научной конференции «Российская интеллигенция на историческом переломе. Первая треть XX века». Его доклад был посвящен чрезвычайно актуальной проблеме — традициям и преемственности разных поколений интеллигенции, в первую очередь — российской дореволюционной и советской. Докладчик доказывал, что, несмотря на исторический перелом 1917 года, «связь времен» не прерывалась: новое, советское поколение интеллигенции унаследовало знания, переданные ему «старой» профессурой, были сохранены традиции подвижнической профессиональной деятельности интеллигентов. С его тезисами можно бы-

ло согласиться, можно было полемизировать, но его четкая научная и гражданская позиция не могла не вызывать уважение, тем более, что доклад был сделан в период разгула антисоветизма в исторической публицистике.

До конца 1980-х годов В. С. Меметов воспринимался в кругу ленинградских историков как один из перспективных ученых, работающий последовательно и целеустремленно. На его публикации ссылались аспиранты и докторанты в своих диссертациях, имя его стало постоянно звучать на научных конференциях. Но все-таки он воспринимался как «один из ряда...». Оценка стала меняться с конца 1980-х годов, после того как Валерий Сергеевич возглавил кафедру истории КПСС (позже — кафедра истории и культуры России) в Ивановском государственном университете, стал ежегодно проводить конференции, публиковать сборники статей и формировать свою научную школу. В научных кругах Петербурга стало складываться представление о В. С. Меметове как своеобразном феномене отечественной историографии.

Его отличительной чертой является многогранность: прежде всего, он исследователь-новатор, автор большого числа публикаций, существенно повлиявших на прогресс историографии интеллигенции; он, вместе с тем, крупный организатор науки, заведующий кафедрой истории и культуры России, руководитель Межвузовского Центра гуманитарного образования, директор НИИ интеллигентоведения, главный редактор междисциплинарного журнала «Интеллигенция и мир», бессменный председатель оргкомитетов по проведению международных конференций, посвященных интеллигенции, председатель диссертационного совета, мудрый наставник молодых ученых, аспирантов и докторантов, яркий, своеобразный лектор. Присущий В. С. Меметову высокий уровень интеллекта, широкая эрудиция, целеустремленность, выдающиеся организаторские способности позволили ему ярко проявить себя во всех видах своей деятельности.

Лидерство В. С. Меметова в изучении интеллигенции стало очевидным благодаря его вкладу в разработку методологии интеллигентоведения. Прежде всего нужно подчеркнуть, что сам этот термин утвердился в гуманитарных науках во многом в результате усилий Валерия Сергеевича, который убедительно обосновал необходимость комплексного, всестороннего изучения ин-

теллигенции учеными разных специальностей: историками, социологами, культурологами, философами, экономистами и т. д. Он не только пропагандировал, но целеустремленно внедрял междисциплинарный (полидисциплинарный) подход к изучению интеллигенции, результаты чего особенно наглядно предстают со страниц редактируемого им журнала «Интеллигенция и мир» (он издается с 2000 г.) и в материалах научных конференций, которые проводятся с 1992 года на базе Ивановского университета ежегодно. Ученые Петербурга каждое лето с нетерпением ждут выхода в свет сборника материалов очередной конференции, который сразу же становится заметным событием в науке. Конференции в целом и многие доклады на них открыли перспективные направления в исследовании интеллигенции и культуры России. Что же касается журнала, то за 9 лет своей истории он превратился в трибуну российского интеллигентоведения, в чем решающая роль принадлежит его главному редактору.

Исследователям известно, с какой ответственностью работает В. С. Меметов над понятийным аппаратом интеллигентоведения, как настойчиво добивается от своих учеников точных, емких определений конкретных социально-профессиональных групп интеллигенции: художественной, вузовской, педагогической, церковной и т. д.

Вокруг В. С. Меметова сплотился круг учеников и единомышленников, которые подхватывают и развивают идеи своего лидера. Если взглянуть на всю совокупность публикаций Валерия Сергеевича, диссертаций, выполненных под его руководством, то бросается в глаза широта их тематического диапазона. В 1960—80-х годах не были редкостью «работы-близнецы» (увы, этот недостаток оказался живучим), вышедшие из-под пера аспирантов одного научного руководителя, толкавшего своих подопечных на проторенный путь: один писал диссертацию о подготовке учительских кадров в годы первой пятилетки, другой в годы второй пятилетки и т. д.; один исследовал проблему на материалах Москвы, другой — Ленинграда, третий — Верхнего Поволжья и т. п. Валерий Сергеевич, как правило, предлагает для исследования оригинальные, малоизученные темы. В итоге его ученики прокладывают дорогу другим исследователям. Весьма плодотворными стали попытки «удревнить» историю российской ин-

телигенции в противовес ранее утвердившемуся мнению П. Н. Милюкова о том, что она — детище Петра I. В результате в Ивановском государственном университете появляются работы о приказных служащих, о средневековых русских книжниках, о церковной интеллигенции. То же касается и изучения ряда социально-профессиональных групп интеллигенции — юристов, вузовской интеллигенции, молодой художественной интеллигенции, церковной интеллигенции, которые ранее не были предметом специального научного исследования.

Особо стоит сказать об уникальной творческой атмосфере в диссертационном совете по историческим наукам при Ивановском государственном университете, в котором многие годы председателем является В. С. Меметов. Автор данной заметки участвовал в качестве члена в работе 5 диссертационных советов, в том числе и в совете при Ивановском университете, десятки раз выступал оппонентом во многих советах при вузах России, Украины, Литвы, Латвии, поэтому с полной ответственностью может сказать об уникальности диссертационного совета, возглавляемого Валерием Сергеевичем. Случалось присутствовать на заседаниях советов в некоторых университетах, где защита докторской диссертации занимала полтора-два часа, где вопросы соискателю задавали по шпаргалкам, составленным им самим или его научным руководителем, где председательствующий взывал к членам совета «выступить для стенограммы». Заседания же диссертационного совета в Ивановском университете представляли собой развернутый научный диспут, который мог продолжаться и три, и четыре часа, пока не только не сформируется у каждого члена совета определенное мнение о качестве и значимости диссертации, но будут расставлены точки над «і» и четко обозначены оставшиеся дискуссионными проблемы, требующие дополнительного изучения. Я до сих пор с изумлением вспоминаю, как Валерий Сергеевич на каждом заседании совета выступал в конце дискуссии, и восхищаюсь его самоотверженностью, поскольку он брал на себя задачу подняться над дискуссиями, оценить научную значимость высказанных идей. Благодаря направляющей роли председателя, заседания совета становились для сложившихся ученых обильным пиршеством ума, интеллекта, а для молодых исследователей — ничем не заменимой школой.

В настоящее время есть все основания заявить, что научная школа В. С. Меметова стала национальным достоянием России, и выразить надежду, что под его руководством она приумножит свой потенциал.

Примечания

¹ Волков В. С. Ленинградская (Петербургская) школа интеллигентоведения // Меняющаяся Россия в изменяющемся мире. М.; Архангельск, 2001.

² См.: Партийное руководство деятельностью общественных организаций интеллигенции в период социалистического строительства. Л., 1984.

М. И. Кондрашева

К ВОПРОСУ О ТРАДИЦИЯХ РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМЫ И ИХ ПЕРСПЕКТИВЫ

Отметим, прежде всего, целенаправленное творчество Ивановского Межвузовского Центра «Политическая культура интеллигенции, ее место и роль в истории Отечества», а также НИИ интеллигентоведения при ИвГУ, кроме того — создание и плодотворную работу научного междисциплинарного журнала «Интеллигенция и мир», главный редактор которого, его идейный вдохновитель и организатор — профессор Валерий Сергеевич Меметов.

Отрадно видеть, что работа НИИ не идет «по кругу»: она охватывает все новые грани необъятной проблемы, вторгается в те пласты истории российской интеллигенции, о которых еще десять лет назад культурологи, историки, философы, исследователи не могли даже мечтать...

Итак, новый, громадный, почти не исследованный пласт — традиции и новации. Профессионально занимаясь историографией российской интеллигенции в течение более чем двадцати по-

© Кондрашева М. И., 2009

Кондрашева Маргарита Ионовна — доктор исторических наук, профессор кафедры Уральской государственной юридической академии (Екатеринбург). rektorat@usla.ru. (343) 240-40-78

следних лет, имею основание утверждать, что ни маститые профессора, знатоки проблемы, ни молодые начинающие интеллигентоведы прежде никогда не обращались к этим аспектам, этим важнейшим органичным частям менталитета интеллигенции. Исследовательских сюжетов чрезвычайно много: они касаются судьбы интеллигенции в России, наследия представителей различных областей знаний; анализа взаимоотношений интеллигенции и власти на различных исторических этапах, действий репрессивного механизма, запущенного против интеллигенции с начала 20-х годов. Не будем называть здесь имена российских интеллигентоведов: они хорошо известны. Остановимся на некоторых моментах проблемы «Интеллигенция России: традиции...». На наш взгляд, наиболее яркое воплощение традиционных представлений «старой» (как тогда называли дореволюционную интеллигенцию) интеллектуальной элиты российского общества о чести, труде на благо России имело место в 1918 — середине 20-х годов. Можно возразить: а участие в строительстве крупнейших строек довоенных пятилеток, в их проектировании, а разработка новых технологий в промышленности, позволивших нашей стране вырваться к высотам науки и техники, а «взлет духовности» в годы Великой Отечественной войны... Все так, и не совсем так: ведь в последних случаях надо говорить уже о соединении традиций и новаций, а это уже иная, тоже сложная, проблема.

После двух революций весьма тонкий слой интеллигенции в России еще более истончился, а в отдаленных от центра регионах люди интеллигентного труда насчитывались десятками, в лучших случаях — сотнями единиц. К примеру, в Пермской губернии, самой большой на Урале по количеству жителей (4 млн чел.), работало лишь 348 учителей со специальным образованием. К лету 1920 года численность инженеров в трех промышленных губерниях (Екатеринбургской, Пермской и Челябинской) выражалась цифрой 481¹. Деятельность известных и менее известных в России профессоров Я. А. Шохата, К. К. Матвеева, Н. Г. Келля, Н. В. Галли, Б. Ф. Вериги, А. А. Рихтера, Н. Н. Отто-нара, идейно далеких от революции, воспитанных в условиях царизма, но поверивших в перспективы развития науки на Урале, способствовала не только становлению высшей школы, но и внесению в студенческие аудитории духа творчества, любви к России, стремлению молодежи к овладению знаниями. Мы далеки от

идеализации положения этих знающих, интересных ученых в высшей школе Урала: было все — неприязненное, даже откровенно враждебное к ним отношение со стороны некоторой части пролетарского студенчества, критические публикации в газетах «Звезда», «Уральский рабочий», обвинения в «буржуазности». Тем не менее никто из них не изменил делу, которому служили. И это одна из лучших традиций интеллигенции — показатель подлинной интеллигентности.

О традиционной позиции интеллигенции в России говорит и такой факт: в связи с обращением Советской власти о сотрудничестве в декабре 1918 года было опубликовано воззвание к писателям, ученым, художникам, работникам театра, подписанное председателем репертуарной секции Наркомпроса поэтом А. Блоком². Воззвание вызвало широкий резонанс: в июле 1919 года на Урале была образована комиссия по охране научных и художественных ценностей под руководством профессора К. К. Матвеева, которой удалось спасти несколько ценных коллекций и библиотек. При комиссии работал коллектив художников во главе с С. Д. Эрзя.

Большую и *бескорыстную* работу проводили тогда преподаватели высшей школы в Екатеринбургском народном университете. Здесь мы снова встречаем не просто специалистов с образованием, но людей, чей интеллектуальный уровень и эрудиция гармонично сливались с высочайшей степенью порядочности и, вероятно, каким-то извечным для русских интеллигентов чувством «вины перед народом» — это профессора Н. В. Галли, А. П. Соколов (физик), Я. А. Шохай (астроном), М. О. Клер (геолог), Г. И. Котов (история искусств).

Их деятельность свидетельствует о том, что российская интеллигенция в новых условиях не изменила своим юношеским идеалам, традициям, о которых научный разговор только начат.

Сегодня творческая лаборатория В.С. Меметова, его учеников (а их тысячи, во всех уголках Урала, Сибири, Дальнего Востока, Севера, не говоря уже о Российском центре, в Белоруссии, на Украине и т. д.) выдвинула новые проблемы, не «потеряв» проблем «традиции — новации — преемственность». Главная из них — молодая интеллигенция, ее связь с устойчивым развитием общества. В таком ракурсе маститые ученые-интеллигеноведы и начинающие молодые исследователи, современные представители гуманитарных и технических наук проблемой интеллигенции не

занимались. Между тем, здесь намечаются иные, неведомые ранее важные аспекты — студенчество как резерв интеллигенции, роль Интернета, современная национальная система образования, молодежный нонконформизм, ценностные ориентации современной студенческой молодежи, значение ее духовного воспитания, проблема агрессивности современной молодежи и выработка системы ее преодоления, подготовка в этих условиях преподавательского состава и значение гуманитарных дисциплин (особенно истории) в воспитании чувства любви к Родине и многие другие.

Исследования последних лет посвящены именно проблемам современного студенчества, этой «прединтеллигенции», как называли студенческую молодежь «веховцы». Интересно, что термин этот, прозвучавший в начале XX века, оказался вполне современным сегодня, век спустя. Здесь традиция и новации «умудряются» совпадать. Несколько статей, опубликованных в Екатеринбурге, Петербурге и Иванове, раскрывают одно из важнейших качеств дореволюционной интеллигенции — высокую образованность, основа которой — студенческие годы (А. С. Пушкин, П. И. Чайковский, А. Ф. Кони, М. М. Сперанский).

Побудительная причина моего обращения к теме — «традиции — студенческая молодежь» — регулярные конференции в Ивановском университете.

Заканчивая свои короткие заметки, подведу краткий итог. Без преувеличения можно (и нужно) сказать: значение Научно-исследовательского института интеллигентоведения при Ивановском государственном университете, роль его руководителя и организатора — профессора Валерия Сергеевича Меметова трудно переоценить. Важнейшие научно-практические проблемы, поднимаемые и успешно разрешаемые интеллигентоведцами, дают «высокую и светлую надежду», что благородные традиции, воспринятые молодой российской интеллигенцией, восторжествуют!

Примечания

¹ Предварительные итоги переписи населения 28 августа 1920 г. // Труды Центрального Статистического управления. М., 1921. Т. 4. Вып. 1. С. 10—11.

² Советский театр : документы и материалы. Л., 1968. Т. 1 : Русский советский театр (1917—1921). С. 44.

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

ББК 63.3(2)+283.2

А. В. Зябликов

«СОЮЗ 17 ОКТЯБРЯ» И «НОВОЕ ВРЕМЯ»

В пору партийной дифференциации общества, в конце 1905 г., правый центр политического спектра России складывался особенно трудно. Задачам объединения препятствовало разное представление о стержневой, цементирующей идее. Один из идеологов «мирного обновления» — Г. Н. Трубецкой считал, что подлинный патриотизм требует объединения «выше партий», что одной партии не по силам возрождение России¹. Задуманный в сентябре 1905 г. С. Н. Булгаковым «Союз христианской политики» призван был объединить демократические и социалистические партии на основе заповедей Божьих². Летом 1906 г. с проектом «соборного союза» для сплочения консервативных сил вокруг монархической идеи выступил Б. В. Никольский³. На состоявшемся 25 ноября 1905 г. заседании по образованию «Соединенного комитета конституционно-монархических партий» присутствовали делегаты от 10 партий и движений, таких, как «Союз 17 октября», «Партия правового порядка», «Демократический союз конституционалистов», «Лига скорейшего созыва народных представителей», «Лига свободы и порядка» и др.⁴ В действительности партий и организаций правоцентристской ориентации было гораздо больше. Такая множественность, с одной стороны, косвенно свидетельствовала о разрозненности сил этого спектра,

© Зябликов А. В., 2009

Зябликов Алексей Вячеславович — доктор исторических наук, профессор кафедры культурологии и филологии Костромского государственного технологического университета. (4942) 31-48-14 доб. 169

с другой стороны, иллюстрировала объективную необходимость в появлении крупной политической партии, опирающейся на либерально-консервативные идеалы.

В 1905 г. в числе возможных лидеров умеренно-консервативного движения назывались имена князя В. М. Голицына, М. А. Стаховича, В. И. Герье. А. С. Суворин отдавал предпочтение московскому губернскому предводителю дворянства князю П. Н. Трубецкому, П. С. Шереметеву, Н. А. Хомякову, считая, что вокруг этих людей соберутся здоровые консервативные силы, сформируется сильная и энергичная политическая партия⁵. Имевшая несколько «рабочих» названий («соборная», «русская народная партия», «партия губернских предводителей»), она должна была решать одну задачу — быть противником бюрократического самовластия, но не врагом государственного строя, который «создан тысячелетней историей и отвечает воззрениям подавляющего большинства русского народа»⁶.

Более других соответствовал этой задаче «Союз 17 октября», остающийся в российской истории партией нереализованных возможностей.

Партийный орган «Союза 17 октября» — «Голос Москвы» так определял главную идею октябризма: «Не спешите затягивать освобожденную Россию в конституционный корсет европейского образца, дайте развиваться содержанию акта 17 октября в нормальной обстановке, дайте время народной мудрости выработать те формы государственной жизни, идеалы которых, быть может, смутно, но давно живут в душе народа»⁷. Бывший президент Вольного экономического общества старейший октябрист барон П. Л. Корф считал «Союз 17 октября» идейной коалицией сил, в равной степени отвергающих революцию и реакцию⁸.

Современники считали аксиомой, что «Союз 17 октября» ни в коей мере не может претендовать на культурную и интеллектуальную гегемонию в обществе⁹. Однако октябризм располагал большим культурным потенциалом, чем это принято представлять. Подтверждением служит тот факт, что членами «Союза 17 октября» были известный историк В. И. Герье, академик архитектуры Л. Н. Бенуа, знаменитый художник-ювелир К. Г. Фаберже. Умеренная программа, структурная рыхлость «Союза», размытость его границ, эстетическая терпимость, отсутствие строгой

дисциплины приближали к нему многих формально беспартийных представителей художественной интеллигенции. Во время второй думской избирательной кампании (январь — февраль 1907 г.) кандидатами в выборщики по Санкт-Петербургу от партии октябристов значились архитекторы Б. Е. Фурман, Л. Н. Бенау, П. Н. Волков, В. Ф. Пруссак, В. А. Липский, артист Императорского театра В. Я. Майборода, художники Н. В. Дмитриев, А. И. Куинджи, писатель Л. Л. Толстой (сын Л. Н. Толстого)¹⁰.

Российский октябризм имел потенциального литературного союзника в лице самой влиятельной российской газеты «Новое время». «Нововременцы» сходились с октябристами в представлениях о Государственной Думе не только как о паллиативном средстве избавления от революционных потрясений, но и как о возможности разумно уравновесить национальное и общечеловеческое. В декабре 1905 г. публицист «Нового времени» Н. А. Демчинский предложил Центральному Комитету «Союза 17 октября» услуги свои и своих коллег в качестве пропагандистов и митинговых ораторов¹¹. В партию вступили «нововременские» публицисты А. А. Столыпин и А. А. Пиленко. К числу наиболее активных сторонников «Союза 17 октября» следует отнести «нововременца» Льва Львовича Толстого, для которого членство в партии было, бесспорно, связано с представлениями о некоем фамильном долге. Этот писатель, явно мечтая о лаврах автора «Дневника писателя», стремился воспламенить словом дух нации, явить России другого Толстого — патриота и государственника, исправившего ошибки отца. Л. Л. Толстой понимал под патриотизмом не только любовь к родному очагу, религии, языку, но и «к известным формам гражданской жизни»¹². Это понимание сочеталось у Л. Н. Толстого с наивными фантазиями о «русском земном шаре» в далеком будущем¹³. Л. Л. Толстой, несмотря на известную фамилию, не мог принести октябристам серьезных политических дивидендов: отсутствие острого публицистического слога делало его неинтересным для читателя. Гораздо более перспективным выглядело сотрудничество с А. С. Сувориным, В. В. Розановым или М. О. Меньшиковым.

К наметившемуся на рубеже 1905—1906 гг. альянсу «Нового времени» с партией октябристов А. С. Суворин поначалу отнесся скептически. Писателя смущала тактическая пассивность

«Союза 17 октября», упование скорее на лозунги, чем на конкретные дела; кроме того, «Союз» намертво был привязан к одному-единственному небесспорному государственному акту¹⁴. В ходе первой избирательной кампании А. С. Суворин отмечал, что название ни одной из партий не может считаться удачным. Особенно сетовал писатель на отсутствие слов «национальный» и «либеральный». «Я пристал бы к единственной партии, — писал издатель “Нового времени”, — национально-демократической, которой нет, но которая могла бы проповедовать все свободы и экономическое устройство народа и не была бы исключительно русской, а, напротив, соединила бы с собою народности культурные, как поляки»¹⁵. Предложение Ф. Е. Енакиева о реорганизации «Союза 17 октября» в «национально-прогрессивную партию» не было поддержано, а 7 апреля 1906 г. на заседании ЦК и петербургских участковых комитетов было постановлено наложить запрет на любые разговоры о переименовании партии¹⁶.

Октябристы очень рассчитывали на союзничество А. С. Суворина и его печатного детища. В ноябре 1905 г. председатель Санкт-Петербургского ЦК «родственной» октябристам партии правового порядка А. А. Тарасов рекомендовал бесплатно прилагать к октябристским воззваниям номера «Нового времени» и «Слова»¹⁷. Петербургская газета «Слово», ставшая к ноябрю 1905 г. октябристской (хотя формально и непартийной), в наименованиях и содержании своих рубрик, в общей стилистике, бесспорно, шла вслед за «Новым временем». «Новое время» неизменно было в числе газет, выписывавшихся «Союзом», — к началу 1907 г. число периодических изданий, получаемых Петербургским ЦК, равнялось сорока четырем. Спектр печатной продукции был широк: от левокадетского «Товарища» до ультраконсервативных «Московских ведомостей»¹⁸.

Мысль о проведении соединенного совещания октябристов в Москве 8—9 января 1906 г., по словам лидера партии Д. И. Шипова, возникла под впечатлением ряда «нововременских» материалов, где отмечались тревожные факты упрочения в общественном сознании скептических оценок октябрьского манифеста.

Поражение октябристов на первых выборах заставило их в корне пересмотреть отношение к пропагандистскому аспекту своей деятельности, активизировало поиск литературных союз-

ников. В ряде своих писем А. С. Суворину А. И. Гучков прямо связывал возобладание кадетской и социалистической фракций в Думе с наличием хорошей агитационной литературы¹⁹. Октябристы, в отличие от кадетов, не имели своего издательского товарищества, хотя А. И. Гучков предпринимал для этого серьезные усилия. Созданное в 1906 г. бюро печати координировало выход 56 газет октябристского толка²⁰. Но вопрос об издании большой партийной газеты был решен только 17 апреля 1906 г. — первый номер газеты «Национальная Русь» вышел еще позже, 26 ноября. В специальном обращении от 9 января 1907 г. ЦК «Союза 17 октября» предлагал своим сторонникам уделить особое внимание литературно-агитационному направлению партийной работы²¹.

В августе 1906 г. А. И. Гучков, сетуя на неурядицы в издательских делах партии, указывал А. С. Суворину на «агитационные сокровища», накопленные на страницах «Нового времени». Он просил писателя издать отдельными брошюрами часть «нововременских» материалов, особенно выделяя статьи А. А. Столыпина, М. О. Меньшикова, С. И. Смирновой и «Маленькие письма» самого А. С. Суворина. «Вы оказали бы громадную услугу делу воспитания нашего общественного мнения и дали бы нашему брату, практическому политику, драгоценнейшее оружие в руки», — писал А. И. Гучков А. С. Суворину 23 августа²². В декабре 1906 г. А. С. Суворин принял решение об издании сборника «нововременских» статей С. И. Смирновой. А. И. Гучков с благодарностью писал А. С. Суворину о важности выхода книги еще до выборов, подчеркивая ее пропагандистскую ценность не только для октябристов, но и для правых партий²³.

Необычайно возросла популярность лидера октябристов в умеренно-консервативных кругах после появления 10 сентября 1906 г., через 3 дня после похорон генерала Д. Ф. Трепова, знаменитого открытого письма Е. Н. Трубецкому. В письме А. И. Гучков выражал убежденность в том, что дальнейшее обострение революционного кризиса явится губительным для политической свободы, культуры, народного благосостояния и призвал общество отречься от «союза с революцией»²⁴. А. И. Гучков считал политику репрессий по отношению к революционному движению вполне совместимой с планом либеральных преобразований, предложенным П. А. Столыпиным 25 августа 1906 г.

Таким образом, впервые за время революции был взят курс на консолидацию крупной политической партии и правительства реформ. «Союз 17 октября» становился первой правительственной партией в России. Письмо А. И. Гучкова, имевшее широкий общественный резонанс, внесло окончательный раскол в партию октябристов: вышедшие из нее М. А. Стахович, П. А. Гейден, Н. Н. Львов закончили оформление партии мирного обновления, осуждавшей террор во всех его проявлениях. На этот уход обратил внимание даже Л. Н. Толстой. Великий писатель расценил его как уход из политики вообще и с одобрением о нем отозвался²⁵. Сам А. И. Гучков охарактеризовал позицию «мирно-обновленцев» как преступную. «Стахович несчастный человек, который думает, что его присутствие в шайке бандитов сделает их честными людьми», — жаловался лидер октябристов А. С. Суворину в декабре 1906 г.²⁶

Дерзость и прямота А. И. Гучкова заставила с уважением отнестись к нему даже политических противников. М. О. Меньшиков, подчеркивая свое расхождение с политической программой октябристов, писал: «Как бы враждебны ни были честные и умные люди вроде А. И. Гучкова — во всех партиях — они союзники друг друга в том единственном, что нужно Родине — в исполнении долга»²⁷.

13 сентября 1906 г. в «Новом времени» появилось посвященное А. И. Гучкову «маленькое письмо» А. С. Суворина, который продолжил свою политическую физиогномику. «В Гучкове мне симпатичны мужество, — писал издатель, — его твердая уверенность в победе конституционного порядка вещей, его прирожденное русское чувство, которое он никогда не скрывал, и открытая борьба с революцией»²⁸. Личность А. И. Гучкова соответствовала суворинским мечтам об укреплении власти при сохранении конституционных гарантий — тем более что 10 сентября «Союз 17 октября» был официально зарегистрирован, а 29 октября 1906 г. А. И. Гучков стал председателем ЦК партии.

Позиции октябризма неожиданно укрепились после сентябрьского съезда кадетов в Гельсингфорсе и октябрьского съезда монархистов в Киеве. Кадеты, по существу, не отказывались от тактики пассивного сопротивления власти, хотя и признали непопулярность в обществе идей «выборгского воззвания». Съезд же монархистов,

по словам М. О. Меньшикова, показал, что в крайне правых партиях собралась «анархия, бестолочь и неразбериха»²⁹.

К осени 1906 г. октябристы оставались единственной партией конституционалистов, не откестившейся от национальных лозунгов и наименее скомпрометировавшей себя союзом с революцией или реакцией. А. С. Суворин отмечал здравомыслие октябристов, но по-прежнему считал это заслугой исключительно А. И. Гучкова. Сам А. И. Гучков высоко оценивал вклад «Нового времени» и А. С. Суворина в становление октябристской пропаганды. В декабрьских (1906 г.) письмах А. С. Суворину А. И. Гучков называет писателя своим единомышленником³⁰. В конце 1906 г. лидер октябристов предлагал М. О. Меньшикову возглавить одну из октябристских газет и даже вступить в «Союз 17 октября»³¹.

23 декабря 1906 г. вышел первый номер партийной газеты «Голос Москвы», в качестве редактора-издателя которой выступил сам А. И. Гучков. В «Голосе Москвы», наряду с прочими художественными текстами, публиковался огромный роман Н. А. Энгельгардта «Московское рушение» — его писатель считал своим лучшим произведением. Сохранилось письмо Н. А. Энгельгардта В. И. Герье, в котором писатель просит октябриста-историка оценить роман с точки зрения исторической верности, художественных достоинств и, что особенно любопытно, «духа, направления»³². Стилистика газеты точно отражала суть октябризма: она была выдержана в неярких, спокойных, подчеркнута корректных тонах, была лишена скандально-разоблачительного налета. В связи с этим шансы октябристов на победу в выборах оценивались невысоко — предвыборная тактика кадетов и социалистов была изощренней и эффективней.

Художественной интеллигенции импонировало то, что октябристы стремятся вернуть в политический лексикон слова «Россия», «Отечество», однако накануне II Думы «Союз 17 октября» начал все чаще соскальзывать со своего «национального» пьедестала. В атмосфере броских политических посулов, раздариваемых избирателям левыми партиями и кадетами, октябристы вынуждены были поправлять свой чересчур архаичный имидж напоминанием о европейской природе партии. Сказывался здесь и страх перед отождествлением в общественном сознании октябризма с черносотенством. И М. О. Меньшикова и

А. С. Суворина смущала неспособность октябристов «зажечь» своей идеей сердца. Впрочем, оба писателя, как наиболее влиятельные литературные союзники «Союза 17 октября», должны были ощущать и свою ответственность за это. Объективно октябристы уступали крайним партиям и кадетам в политическом темпераменте. Свою роль играл и определенный «комплекс неполноценности» «Союза» по отношению к европейцам-кадетам: октябристы быстро усваивали партийную фразеологию и свойственный кадетской печати менторский тон, быстро входили во вкус партийных баталий. М. О. Меньшиков справедливо замечал, что национальное у октябристов «затемнено» партийностью³³. В этих условиях все большее распространение получала черносотенная трактовка «национального» и «патриотического».

Крайне правые относились к октябристам резко негативно, несмотря на стремление «Союза 17 октября» блокироваться в предвыборной борьбе с монархистами: оно было расценено последними как попытка обращения в «конституционную» веру. В программной статье «Что нас разделяет?» один из ближайших сподвижников А. И. Дубровина — А. Н. Борк-Александров разъяснял, что монархисты прочно соотносят себя с русским народом, а октябристов — с интеллигенцией, духовно «обслуживающей революцию»³⁴. Сам А. Н. Борк-Александров в декабре 1905 г. возглавил санкт-петербургское братство «Свобода и порядок», состоявшее на 90 % из фабричных рабочих, крестьян, мелких ремесленников, торговцев и ставившее целью «борьбу с революцией»³⁵. Проблему октябризма, как любой «промежуточной» силы, А. Н. Борк-Александров видел в сложности выбора: быть с «черной» или «красной» партией. «Октябристская слякоть», — презрительно отозвалась о своих несостоявшихся союзниках газета «Русское знамя»³⁶. В. М. Пуришкевич посвятил А. И. Гучкову басню «Шурка Подляков».

В отличие от А. Н. Борка-Александрова, А. С. Суворин понимал проблему октябризма как проблему обретения собственного голоса, проблему преодоления партийного в угоду национальному, государственному. Ход думских прений убеждал в слабой способности октябристов аккумулировать и выражать общественные настроения, чрезвычайно шаток был авторитет октябристской группы среди массы крестьян и «полуинтеллигенции», составивших большую часть собрания. Более того, существовала

опасность обратного подчинения: «молчалиники» октябристы имели шанс, говоря словами М. О. Меньшикова, отдать свою партию «на побегушки» более темпераментным левым фракциям³⁷. Октябристы показывали явную неспособность реализовать себя в качестве «соборной» партии. Во II Думе на бледном умеренно-консервативном фоне как сильная, боеспособная политическая единица выглядела группа польских национал-демократов (47 человек) во главе с писателем Р. Дмовским, определявшая исход многих голосований. Патриотизм и сплоченность польской группы еще более убеждали писателей-«нововременцев» в необходимости создания русской национальной партии и придания Думе национального характера.

Идею создания национальной партии, национал-либерального Русского имперского клуба, в противовес неудавшемуся Русскому собранию, разрабатывал еще в апреле 1906 г. М. О. Меньшиков. Однако тогда писатель полагал, что формирование такого рода партии можно будет начать только после возникновения стабильных и работоспособных думских фракций³⁸. В мае 1907 г. М. О. Меньшиков выступил с проектом создания Великорусской партии, целиком базирующейся не на политической, а на национальной основе. Тогда же писатель начинает отстаивать идею «русской Думы», а его публицистика приобретает отчетливо антисемитский оттенок. По замыслу автора, костяк партии должны были составить конституционалисты: в первую очередь, левые октябристы и правые кадеты. Эти надежды были перечеркнуты в ноябре 1907 г., когда III Дума в лице кадетов и октябристов проголосовала за исключение из приветственного адреса Николаю II слова «самодержавие». Созданный при деятельном участии М. О. Меньшикова в мае 1908 г. Всероссийский национальный союз также не отвечал идеалу «соборной» партии. В российской истории он остался элитарным интеллектуальным клубом, тщетно пытавшимся соединить русский национализм с либерально-западническими политическими формами.

А. С. Суворин в начале 1907 г. еще надеется на эволюционирование «Союза 17 октября» в национальную партию. Однако после прошедшего в Москве 7—10 мая 1907 г. съезда октябристов писатель начинает целую критическую кампанию в адрес партии А. И. Гучкова. Поводом для суворинского возмущения

стала резолюция съезда об ответственности министров. Октябристы выступали за подотчетность министров монарху и народному представительству — последнее могло выражать недоверие правительству и отдельному министру, а также требовать его отставки. Писатель полагал, что осуществление октябристского проекта спровоцирует новые трения между Думой и верховной властью, а стало быть, будет способствовать продолжению революционной смуты. А. С. Суворин был сторонником исключительных прерогатив монарха, который назначает ответственных перед ним министров — Дума же имеет право делать министрам запросы и ставить их «перед общественным мнением»³⁹. Консервативный взгляд А. С. Суворина объясним историческим моментом, когда первоочередной задачей было примирение общества, превращение Думы из обличительной в работающую.

В мае — июне 1907 г. А. С. Суворин вел ожесточенную критику практически всех аспектов и направлений деятельности «Союза 17 октября», не забывая, впрочем, сделать оговорку, что это проистекает из желания партии добра⁴⁰. Писатель обвинял октябристов в «маниловщине», упрекал в заигрывании с кадетами, в пассивности, в неспособности внятно сформулировать свою доктрину. «Ни Богу свечка, ни черту кочерга», — отозвался А. С. Суворин об октябристской программе⁴¹. «Кадетами второго сорта» окрестил октябристов в июле 1907 г. М. О. Меньшиков⁴². Невыразительность, тусклость духовного, интеллектуального облика «Союза 17 октября» отмечали представители практически всех политических направлений России, что свидетельствует не только об объективности суворинских оценок, но и о предсказуемости октябризма как политического движения⁴³.

После объявления «третьеиюньского» манифеста, которое было воспринято без свойственного правым злорадства, писатель видел политическое спасение октябристов в немедленном переименовании их в Русскую партию, которая смогла бы соединить в себе «квинтэссенцию конституционализма» с тем, что составляет «существенные черты русского народа». Под «квинтэссенцией конституционализма» А. С. Суворин понимает наличие законосовещательного народного представительства и гарантированных конституционных свобод. В суворинское понимание «существенно русского» входят:

- исключительные права российского монарха как высшего арбитра нации,
- сословный строй,
- мировое могущество России,
- культивирование русской народной обрядности,
- приоритет русского языка и культуры.

В июне 1907 г. А. С. Суворин вернулся к проекту создания дворянского парламента, так как предполагал особую «наличность» в этом сословии государственных, а не партийных качеств. Писатель предлагает следующую формулу общественного оздоровления: национальное единение — культурное развитие — парламентаризм.

1907 г. предоставлял русскому консерватизму, возможно, последний шанс. В июне 1907 г. В. Я. Брюсов записывал в дневнике впечатления от разговоров во время поездки по Волге от Ярославля до Самары: «Настроение всех, с кем я встречался, правое, но левее “октябристов”»⁴⁴. На выборах в III Думу (сентябрь — октябрь 1907 г.) многим, по выражению В. В. Розанова, хотелось «положить шар правее, чем куда хочется»⁴⁵. Страна, уставшая от революционной анархии, требовала от своих новых избранников осмотрительности, осторожности, конструктивности. От «космополитического одурения» левых необходимо было перейти к методичной созидательной работе. В эти дни чрезвычайно актуальным стал политический рецепт В. Л. Величко, предложенный писателем еще в 1902 г.: «Общий подъем самоотверженного, вдумчивого патриотизма, дружная работа общества рука об руку с правительством, без доктринерской вражды или холопского фрондирования по отношению к представителям и системе государственного дела — вот, что нужно теперь нашей родине, вот, что должен ей дать и непременно даст подъем национального самосознания»⁴⁶.

Логично, что наибольшее количество мест в новой Думе получили октябристы. «Союзу 17 октября» выпала миссия стать своеобразным буфером между радикальными направлениями. Увы, решая благородную задачу общественного примирения, любая «буферная» партия обречена потерять свое лицо. Октябристам, впрочем, было сложно утратить свою политическую эксклюзивность, поскольку они изначально были лишены идейной самобытности, их программа так и не обрела выразительности.

III Дума обозначила готовность и способность погасить революцию. В. В. Розанов назвал ее первой «антилитературной» Думой⁴⁷. Сделать народное представительство работоспособным и деловым можно было, лишь «выплеснув» из него радикальную и либеральную интеллигенцию, которая отождествляла государственную деятельность с полемическими эскападами в адрес государства. «Дума должна *государствовать*, а не *литераторствовать*, — писал В. В. Розанов в июне 1908 г. о деятельности I и II Дум. — <...>. Нужно было *государствовать*, а государствовать не умели и отчасти к этому даже не было вкуса»⁴⁸. III Дума в большей степени напоминала собрание государственников и патриотов, далеких, впрочем, от лояльности к политической архаике и бюрократическому произволу. Дума проявила достаточную твердость в отстаивании конституционных свобод, она имела хороший шанс стать инструментом, усиливающим ответственность государства. Однако острого интереса к ее деятельности у художников уже не было.

Даже такой толерантный к политике писатель, как А. С. Суворин, оставив упования на превращение «Союза 17 октября» в широкое «соборное» движение, объявил партийность «политической холерой», искажающей лучшие качества в человеке⁴⁹. В конце 1907 г. идее политического объединения и «федерации партий» писатель пытался противопоставить концепт гуманистического союза по типу масонского — в нем угадывается нечто подобное проекту Л. Тихомирова и К. Н. Леонтьева, предлагавших на рубеже 80—90-х гг. XIX в. создать тайное общество (под видом благотворительного или научного) для противодействия революционным партиям⁵⁰. А. С. Суворин мечтал о создании неполитического тайного сообщества русских людей, своего рода патриотического братства, где могла бы быть реализована присущая человеку обрядность. В консервативных кругах всерьез обсуждался вопрос о «гроссмейстерстве» А. С. Суворина в задуманном им братстве⁵¹. Впрочем, представляется странным широкое обсуждение в печати проекта создания *тайного* общества, остается непонятным, как намеревался писатель совместить неполитический характер общества с вполне политической целью (борьба с революционным экстремизмом).

Принципиальным критиком партийного принципа формирования народного представительства выступал В. О. Ключев-

ский. Знаменитый историк считал Думу фактором догоняющего развития, неизбежно культивирующим систему «наскоро собранных знаний» и провоцирующим политический эгоизм⁵². «Тиранией числа» назвал парламентаризм Д. Н. Цертелев⁵³. К этому мнению могли бы присоединиться и многие другие деятели русской культуры от А. М. Ремизова до М. М. Пришвина⁵⁴.

Итак, партии конституционалистов-консерваторов трудно было рассчитывать на успех в стране с идеократическим типом государственности и политической культуры. Понятие «государственная, национальная интеллигенция» в России отождествлялось со всеми ненавидимой бюрократией, а «национальные» партии в условиях 1905—1907 гг. немедленно превращались в очередную слепок с черносотенного союза русского народа. Площадь грани, на которой балансировал российский либерал-консерватизм в 1905—1907 гг., оказалась слишком малой: репутация «кадетского» либерализма была скомпрометирована союзом с революцией — консерватизм отождествлялся с охранительством. Альянс художественной интеллигенции с «Союзом 17 октября» не сложился в значительной степени потому, что октябристы вынуждены были подчеркивать свое европейское происхождение и в партийной риторике следовать за космополитами-кадетами.

Примечания

- ¹ Трубецкой Г. Н. Задачи момента // Московский еженедельник. 1906. № 29. С. 9.
- ² Булгаков С. Н. Неотложная задача // Вопросы жизни. 1905. № 9. С. 358—359.
- ³ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 588. Оп. 1. Д. 299. Л. 5—6.
- ⁴ ГАРФ. Ф. 1822. Оп. 1. Д. 3. Л. 37.
- ⁵ Суворин А. С. Письмо DLXXIX // Новое время. 1905. 8 апр.
- ⁶ Глинка С. Искусственное давление // Там же. 16 апр.
- ⁷ Голос Москвы. 1907. 21 сент.
- ⁸ ГАРФ. Ф. 1822. Оп. 1. Д. 3. Л. 37.
- ⁹ Например, дневник советника при министре иностранных дел октябриста А. А. Гирса свидетельствует о весьма скромном уровне эстетических запросов его автора (ГАРФ. Ф. 892. Оп. 1. Д. 3. Л. 31).
- ¹⁰ Листки Союза 17 октября. 1907. № 9.

- ¹¹ Протоколы ЦК «Союза 17 октября» периода первой российской революции // История СССР. 1991. № 2. С. 166.
- ¹² Толстой Л. Л. Что такое патриотизм // Новое время. 1907. 1 февр.
- ¹³ Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее — НИОР РГБ). Ф. 459. Д. 27. Альбом 3. Л. 15.
- ¹⁴ Суворин А. С. Письмо DCXXXVII // Новое время. 1906. 22 марта.
- ¹⁵ Суворин А. С. Письмо DCXXXIX // Там же. 28 марта.
- ¹⁶ Протоколы ЦК «Союза 17 октября» периода первой российской революции // История СССР. 1991. № 6. С. 153.
- ¹⁷ Там же. № 2. С. 164.
- ¹⁸ ГАРФ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 14 (1). Л. 18.
- ¹⁹ Российский государственный архив литературы и искусства (далее — РГАЛИ). Ф. 459. Оп. 1. Д. 1126. Л. 1—2.
- ²⁰ Шелохаев В. В. Партия октябристов в годы первой российской революции. М., 1987. С. 89.
- ²¹ ГАРФ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 4. Л. 9.
- ²² РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 1126. Л. 1—2.
- ²³ Там же. Л. 5.
- ²⁴ Новое время. 1906. 10 сент.
- ²⁵ Гусев Н. Н. Два года с Л. Н. Толстым. М., 1928. С. 71.
- ²⁶ РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 1126. Л. 1—2.
- ²⁷ Меньшиков М. О. Погоня за портфелем // Новое время. 1906. 14 сент.
- ²⁸ Суворин А. С. Письмо DCCLXXXI // Там же. 13 сент.
- ²⁹ Меньшиков М. О. Партия правового беспорядка // Там же. 7 окт.
- ³⁰ РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 1126. Л. 4.
- ³¹ Свой отказ М. О. Меньшиков объяснил позже нежеланием вступать в «партию без людей» (Новое время. 1907. 19 июля).
- ³² НИОР РГБ. Фонд Герье. Пап. 57. Ед. хр. 27. Л. 1.
- ³³ Меньшиков М. О. Великоорусская партия // Новое время. 1907. 10 мая.
- ³⁴ Борк А. Н. Что нас разделяет? // Русское знамя. 1907. № 56.
- ³⁵ ГАРФ. Ф. 1822. Оп. 1. Д. 3. Л. 109.
- ³⁶ Русское знамя. 1907. № 129.
- ³⁷ Меньшиков М. О. Знахари в парламенте // Новое время. 1907. 13 февр.
- ³⁸ Меньшиков М. О. Русский клуб // Там же. 1906. 13 апр.
- ³⁹ Суворин А. С. Письмо DCCII // Там же. 1907. 10 мая.
- ⁴⁰ Суворин А. С. Письмо DCCX // Там же. 8 июня.
- ⁴¹ Суворин А. С. Письмо DCCIII // Там же. 13 мая.
- ⁴² Меньшиков М. О. Кадеты второго сорта // Там же. 19 июля.
- ⁴³ См., напр.: Лавинцев А. И. Русская общественная жизнь в 1906 году // Клад. 1907. № 1. С. 89; Елпатьевский С. Я. Люди 17 октября // Русское богатство. 1907. № 11. С. 88—94.

- ⁴⁴ Брюсов В. Я. Дневники. Автобиографическая проза. Письма. М., 2002. С. 158.
- ⁴⁵ Розанов В. В. Русская государственность и общество. М., 2003. С. 463. (Собр. соч.)
- ⁴⁶ Величко В. Л. Русские речи // Русский вестник. 1902. № 5. С. 129.
- ⁴⁷ Розанов В. В. В нашей смуте. М., 2004. С. 138. (Собр. соч.)
- ⁴⁸ Там же. С. 136.
- ⁴⁹ Суворин А. С. Письмо DCCXX // Новое время. 1907. 5 авг.
- ⁵⁰ См.: Костылев В. Н. Выбор Льва Тихомирова // Вопросы истории. 1992. № 6/7. С. 35.
- ⁵¹ Суворин А. С. Письмо DCCXXII // Новое время. 1907. 17 авг.
- ⁵² Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. М., 1990. Т. 9. С. 358.
- ⁵³ Цертелев Д. Н. Самодержавие и парламентаризм // Русский вестник. 1900. № 8. С. 473.
- ⁵⁴ См.: Отдел рукописей и редких книг Российской национальной библиотеки. Ф. 634. Д. 175. Л. 18.

ББК 63.3(2)+283.2

А. В. Гусев

**ПОДГОТОВКА ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКИХ КАДРОВ
В СИСТЕМЕ ПРОМЫСЛОВОЙ КООПЕРАЦИИ
ГУБЕРНИЙ ВЕРХНЕГО ПОВОЛЖЬЯ
В 20—30-е ГОДЫ XX ВЕКА**

Подготовка инженерно-технических кадров для системы промысловой кооперации в 20—30-е годы была обусловлена возрождением традиционных кустарных промыслов после революционных событий и гражданской войны и теми перестроечными процессами, которые происходили в эти годы в стране. Перед областными, районными промысловыми союзами и артелями стояла задача создания принципиально новой системы профессионального образования, чем была в дореволюционные годы,

© Гусев А. В., 2009

Гусев Александр Викторович — доцент кафедры промышленной экологии и безопасности Костромского государственного технологического университета. gusev.aleksandr@list.ru

включая подготовку специалистов низшего, среднего и высшего звеньев. Если в годы НЭПа шло активное привлечение в кооперацию старых «буржуазных» кадров, то в 30-е годы таковых становилось все меньше и меньше, и на освобождавшиеся вакансии нужно было готовить новых, молодых специалистов. Учитывая то обстоятельство, что старая школа подготовки инженерно-технических кооперативных кадров перестала существовать как таковая, ее нужно было создавать практически заново.

Осенью 1919 года в Москве открылось 10 промышленно-экономических курсов по подготовке кадров для промышленности и торговли, в том числе и для потребительской и промысловой кооперации. Курсы были кратковременными: продолжительностью от 1 до 3 месяцев. В отделении подготовки торговых работников в основном преподавали бухгалтерский учет, коммерческую арифметику, товароведение, статистику, коммерческую географию, экономиковедение и политическую экономию¹. На базе прежних коммерческих институтов создавались первые советские институты народного хозяйства в Москве и Киеве.

Отсутствие необходимых специалистов, наличие безграмотных кустарей в промысловых артелях прямо отражалось как на производительности труда, так и на технической отсталости этих артелей. Для ликвидации безграмотности в 1921—1923 годах были организованы кружки ликвидации безграмотности практически во всех артелях Костромы, Иванова и Ярославля. Кроме того, было развернуто ученичество и сдача рабочими технического минимума. Наиболее подготовленных молодых специалистов направляли для обучения в московские техникумы промкооперации и высшие учебные заведения.

В целях сохранения секретов многих производственных промыслов решением Костромского губисполкома с 23 декабря 1924 года разрешалось в артелях промысловых союзов иметь учеников и заниматься ученичеством². В целях укрепления вновь образующихся промысловых артелей и союзов Костромской губком РКП (б) и губисполком разрешили их правлениям на инженерно-технические должности ставить специалистов-практиков, даже если они не имели полного среднего образования, с целью недопущения утечки уже имеющихся специалистов³.

Острота кадрового вопроса в эти годы была обусловлена прежде всего тем, что, с одной стороны, возрождались кустарные промыслы и люди приступали к своей привычной работе, с другой стороны, возобновление отхожих промыслов «оттягивало» в столицы — Москву и Ленинград — и крупные города лучших специалистов.

Партийные и советские органы областей Верхне-Волжского региона, решая вопросы возрождения кустарных промыслов, прилагали немало сил к сохранению кадрового состава специалистов, решали вопросы обучения их в средних и высших учебных заведениях. В феврале 1929 года ВСНХ РСФСР совместно с Всекопромсоюзом организовал Центральное бюро по профессиональному заочному обучению кустарей и ремесленников. В промысловых гнездах организовывались филиалы курсов заочников с использованием там специалистов-инструкторов, завозом лабораторного оборудования, использованием для обучения местных мастерских⁴. Для работы в филиалах привлекали педагогический персонал кустарно-ремесленных школ ВСНХ, ГСНХ и Наркомпроса. Начиная с 1930 года заочной формой учебы было охвачено более 50 тыс. кустарей⁵.

С октября 1929 года началась подготовка среднего технического персонала из числа кустарей-практиков. Были организованы заочные учебно-производственные мастерские и профессионально-технические школы, технические кружки для артельщиков.

Большую роль в активизации подготовки специалистов для союзов и артелей промкооперации сыграло постановление ЦИК и СНК СССР от 13 января 1930 года «О подготовке технических кадров для народного хозяйства СССР», где остро ставился вопрос о подготовке квалифицированных кадров, особенно в условиях активного развития индустрии⁶. Дефицит инженерно-технических кадров потребовал от властей еще более радикальных мер. Они были определены в соответствующей резолюции ЦК ВКП (б) «О кадрах народного хозяйства», где ставилась задача за пятилетку открыть в стране 47 вузов и 172 техникума, что позволило бы в течение ближайших трех лет переподготовить основную массу рабочих-практиков, занимающих технические должности. Даже инженерные должности иногда занимали специалисты, окончившие только средне-специальные учебные заведения.

15 сентября 1933 года ЦИК и СНК СССР принимают постановление «Об улучшении использования молодых специалистов»⁷. Оно требовало, чтобы молодые специалисты, окончившие вуз или техникум, отработали 5 лет по месту направления наркомата, в ведении которого находилось учебное заведение. Постановление запрещало оставлять в управленческом аппарате выпускников вузов, не прошедших пятилетнюю отработку, использовать специалистов не по профессии; рекомендовало направлять на учебу лучших рабочих, имеющих пятилетний производственный стаж⁸. Кроме того, 15 сентября 1933 года СНК СССР принимает постановление «О школах фабрично-заводского ученичества», в котором предусматривалась коренная перестройка всей системы ФЗУ и ее учебных программ⁹. Постановление стимулировало и перестройку всей системы подготовки специалистов и в промысловой кооперации. Всекопромсоветом была создана целая сеть специализированных школ, техникумов и вузов, где готовились специалисты кооперативного производства. На начало 1934 года в двух вузах промысловой кооперации обучалось 1377 человек, в 37 техникумах — 7454 человека, на четырех рабфаках — 393 человека, в 159 школах ФЗУ и профтехникумах — 17 398 человек. На курсах повышения квалификации было занято 5741 человек. Всеобщим техническим обучением (техминимумом) было охвачено более 87 тыс. человек, в секторах заочного обучения занимались 675 человек¹⁰. Все эти меры позволили союзам и артелям промысловой кооперации значительно пополнить свои производственные коллективы инженерно-техническими работниками и управленцами среднего звена. Говоря о возможностях системы профобразования Всекопромсоюза следует подчеркнуть, что в течение пяти лет число инженерно-технических работников возросло на треть¹¹. Если на начало 1934 года система насчитывала 65 тыс. инженерно-технических работников, то на начало 1938 года их было 96 тыс. человек¹².

В целом же перестройка профессионального образования в системе промысловой кооперации, проводимая в те годы по всей стране, позволила в основном решить кадровые трудности реконструктивного периода, но справедливости ради надо отметить, что большую негативную роль здесь сыграло снижение численного состава членов артелей. Если в 1930 году численность чле-

нов промкооперации составляла 1944 тыс. человек, в 1931 — 2353 тыс., то в 1933 — уже 16 18,3 тыс., а в 1934 году и того меньше — 1209,3 тыс. человек¹³.

В 1935 году промысловая кооперация стала более успешно справляться со своими трудностями, и прежде всего с кадровыми вопросами. В этом же году Всекопромсовет возглавили молодые энергичные руководители: председатель президиума К. В. Василевский, его заместители — И. С. Павлов и С. И. Заботкин, члены президиума — П. В. Виноградова, М. С. Кааб, С. Г. Кудряшов, Н. Б. Тачиев, А. Л. Арисшкин. Свежие кадры с новыми силами приступили к решению производственно-хозяйственных и кадровых задач. Вопрос притока инженерно-технических специалистов в систему кооперации тех лет был настолько серьезным, что его рассматривали даже на уровне СНК СССР. В постановлении СНК СССР от 27 января 1936 года «О расширении производства предметов широкого потребления промкооперацией и кооперацией инвалидов» подчеркивалось, что в них слабо поставлена работа с кадрами, ничего не делается по их закреплению, следствием чего является их большая текучесть. Только в 1934 году из 11 657 членов артелей промкооперации заменилось 5612 человек, или 48,4 %.

Подготовка инженерно-технических работников высшего звена шла в основном во Всесоюзном институте массового обучения кадров промкооперации, находящемся в ведомстве Всекопромсовета. Кроме того, в Московском регионе функционировало 10 техникумов и Московский промышленный художественный техникум им. М. И. Калинина, имевший статус общесоюзного¹⁴. Эта ситуация значительно облегчала артелям и союзам областей Верхнего Поволжья решать задачи подготовки руководящего состава высшего и среднего звена, тем более что в московских вузах и техникумах были и заочные отделения. Но несмотря на огромные возможности заочного образования, в промкооперации оно не получило широкого распространения. В 1933 году вузы и техникумы кооперативной системы набрали 2254 человека. В 1934 году в них училось всего 985 человек. Многие студенты были отчислены, многие имели академические отпуска. Таким образом, потенциальные возможности вузов и техникумов реализовывались недостаточно¹⁵.

В 1935—1936 годах кадровый вопрос неоднократно рассматривался на партийно-хозяйственных активах Всекопромсовета, областных промсоюзов, на собраниях профактива, заседаниях бюро обкомов и райкомов. Так, на совещании секретарей РК ВКП (б) ИПО 13 июня 1933 года обком ВКП (б) потребовал от райкомов партии обратить особое внимание на подготовку кадров в пошивочных и обувных артелях и на то, чтобы промсоюзы на подготовку специалистов выделяли финансовые средства, которые должны закладываться как в годовой план, так и в пятилетние планы¹⁶.

Решения, направленные на подготовку специалистов для артелей промкооперации, принимались и на уровне райкомов партии. Костромской копромсоюз, выполняя решение райкома ВКП (б), 1 апреля 1930 года направил в техникум кустпромышленности 6 человек¹⁷. Вопросы подбора кооперативных кадров широко обсуждались на областном совещании бюро обкома ВКП (б) Ярославской области по производству товаров широкого потребления 21 ноября 1938 года. Говоря о кадровых проблемах в промкооперации, представитель облпромсовета т. Сироткин подчеркнул, что в кадровой работе царит легкомысленный подбор на ответственные должности в артелях, на многие материально ответственные должности ставятся непроверенные люди и только за 1933 год 5 бухгалтеров и 10 председателей артелей растратили более 141 тыс. рублей¹⁸.

Совместная напряженная работа партийных и кооперативных органов региона и Всекопромсоюза по реализации кадровых вопросов в целом приносила свои положительные результаты. Так, в 1938 году Всекопромсовет планировал из обучающихся в системе промкооперации студентов:

— выпустить специалистов, окончивших техникумы, — 22 800 чел.;

— подготовить на курсах повышения квалификации — 4855 чел.;

— принять в школы, ПТУ и ФЗУ — 665 чел.;

— подготовить мастеров — 1100 чел.;

— дать новую профессию — 1830 чел.;

— организовать бригадное и индивидуальное ученичество — 1865 чел.;

— обучить на курсах повышения квалификации и подготовки руководящих кадров — 1570 чел.;

— переподготовить на центральных курсах 30 председателей союзов, 43 члена президиума союзов, 267 председателей артелей и 225 культработников¹⁹.

Особое внимание уделялось подготовке кадров с отрывом от производства по таким профессиям, как счетовод, бухгалтер, плановик, зав. производством обувных артелей и др. На реализацию этих задач Всекопромсоветом выделялось 1 млн 14 тыс. рублей²⁰.

Наиболее успешная работа по подготовке инженерно-технических кадров промкооперации в 20—30-е годы велась в Яркустпромсоюзе. Здесь работали курсы повышения квалификации, сдачи техминимума, выпускался журнал «Кооператор». На курсах повышения квалификации на 1 сентября 1925 года работало 23 преподавателя, 18 из них имели высшее образование. Курсы были рассчитаны на 70—80 человек²¹. В конце 20-х — начале 30-х годов увеличил прием студентов Ярославский промышленно-экономический техникум. В нем было открыто кооперативное отделение на 40—50 студентов на каждом курсе. В техникум принимали молодых рабочих промартелей, имеющих среднее образование, передовиков производства и имеющих стаж работы не менее 5 лет. Так, например, в 1927 году на I курсе кооперативного отделения техникума обучалось 38 человек, II курсе — 33 человека²².

Значительное увеличение числа студентов в Ивановском и Ярославском техникумах в начале 30-х годов было связано с началом технической реконструкции промыслов. В период отчетно-выборной кампании в ноябре 1929 года этот вопрос остро ставился Всекопромсоветом еще до ее начала. Требовалось укрепить артели и союзы инженерно-техническими кадрами, создать опытно-техническую станцию, которая должна была не только собирать и сосредотачивать у себя большие инженерно-технические силы, работающие в промкооперации, но и серьезным образом изучать повседневную производственную деятельность артельных предприятий, выдавая им соответствующие научно-технические рекомендации по реконструкции промыслов, укреплению артелей и союзов инженерно-техническими кадрами²³. В

резюмированию отчетно-выборной конференции Всекопромсоюза отмечалось: «...больше инженеров, больше техников — вот лозунг сегодняшнего дня»²⁴. Отсюда вопрос о повышении технических знаний артельщиков и кустарей, о ликвидации в их среде технической неграмотности был не менее важным, чем ликвидация общей неграмотности. Решению этого вопроса способствовали развернувшееся ударничество и социалистическое соревнование. В условиях всенародного соревнования более успешнее стали решаться и вопросы подготовки технических кадров в промышленной кооперации. Только в 1930—1931 годах было открыто 304 новых учебных заведения: в том числе 3 отделения промкооперации при технических вузах страны, 6 техникумов, 14 профтехшкол и 29 учебных мастерских и т. д.²⁵

Вопросы укрепления инженерно-технических кадров были предметом обсуждений как обкомовского, так и райкомовского звена ВКП (б) региона. Подводя итоги кооперирования кустарей на октябрьском пленуме 1933 года, обком ВКП (б) Ивановской промышленной области отмечал, что произошел значительный рост в численном составе кустпромкооперации: если в 1932 году в Ивановской кустпромкооперации насчитывалось 71,9 тыс. человек, то в 1933 году их стало 84,5 тыс.²⁶ О задачах укрепления кадров говорилось еще на июльском 1932 года пленуме обкома ВКП (б) Ивановской промышленной области. Обращая внимание на слабость руководящего звена в промкооперации, пленум подчеркнул, что «...проводимая в данное время перестройка работы промкооперации должна улучшить систему руководства артелями, укрепить их сильными руководящими кадрами за счет освобождающихся работников ликвидируемых союзов»²⁷. В качестве основных задач перед правлениями союзов и артелей обкомом ВКП (б) были определены следующие: в сфере производства — своевременное выполнение промфинпланов и производственных программ выпуска товаров широкого потребления, в организационном плане — рост числа кооперированных кустарей и создание новых артелей²⁸.

О том, что райкомы и обкомы ВКП (б) региона держат вопросы укрепления инженерно-технического состава промкооперации в поле своего внимания, говорит и тот факт, что на очеред-

ном заседании бюро обкома ВКП (б) Ивановской промышленной области 22 октября 1932 года был рассмотрен вопрос «О работе парторганизаций в советских, кооперативных, торгово-снабженческих и кустарно-промысловых организациях по укреплению кадров»²⁹. В своем выступлении член бюро ВКП (б) Поликарпов обратил особое внимание на решение материально-бытовых проблем артельщиков. Он, в частности, сказал, что «отток артельщиков на госпредприятия остановить будет нельзя, если не решать бытовые вопросы кустарей, и кадровые вопросы нельзя полностью решить, не обратив особого внимания на социальные проблемы артельщиков»³⁰.

Социально-экономические перемены 20—30-х годов требовали не только перестройки производственно-хозяйственной деятельности промкооперации, но и перестройку всей ее кадровой политики. Если главной задачей 20-х годов в подготовке специалистов для артелей и союзов кооперации была ликвидация неграмотности и малограмотности среди кустарей, то в 30-е годы этот круг задач значительно расширился: это было и техническое обучение рабочих, подготовка и сдача ими техминимума, направление на учебу в средние и высшие учебные заведения ударников и стахановцев производства. При всех сложностях и противоречиях производственно-хозяйственной деятельности промкооперации, в 30-е годы сложилась стройная система подготовки кооперативных кадров, обеспечившая основные участки производств хорошими инженерно-техническими и руководящими кадрами за счет подготовки их как в своей кооперативной системе, так и за счет подготовки в государственных техникумах и вузах.

Таким образом, можно сделать вывод, что серьезная совместная работа кооперативных, советских и партийных органов по подготовке, воспитанию и расстановке инженерно-технических кооперативных кадров позволила одновременно создать и систему замещения, ротации и выдвижения их на вышестоящие должности, как в масштабе промысловой кооперации страны, так и в масштабе региона Верхнего Поволжья. Тем самым она обеспечила слаженную и устойчивую работу всех звеньев этой сложной производственно-хозяйственной машины.

Примечания

- ¹ Бланк Г. Я. и др. Потребительская кооперация СССР. М., 1965. С. 45.
- ² Государственный архив новейшей истории Костромской области (далее — ГАНИКО). Ф. 1. Оп. 2. Д. 545. Л. 1.
- ³ Там же. Д. 544. Л. 18.
- ⁴ Промыслы и ремесла. 1931. № 12. С. 179.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1967. Т. 2. С. 156—166.
- ⁷ Там же. С. 436—438.
- ⁸ Там же. С. 436.
- ⁹ Там же. С. 438—441.
- ¹⁰ Промысловая кооперация. 1934. № 3. С. 44.
- ¹¹ Там же. 1938. № 4. С. 6—7.
- ¹² Там же. № 1. С. 1.
- ¹³ Там же. 1935. № 4. С. 28.
- ¹⁴ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. А. 312. Оп. 1. Д. 398. Л. 63.
- ¹⁵ Промысловая кооперация. 1934. № 3. С. 44.
- ¹⁶ Государственный архив Ивановской области (далее — ГАИО). Ф. 27. Оп. 1. Д. 599. Л. 1.
- ¹⁷ ГАНИКО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 143. Л. 8.
- ¹⁸ Северный рабочий. 1936. 22 нояб.
- ¹⁹ ГАРФ. Ф.А. 312. Оп. 1. Д. 649. Л. 3.
- ²⁰ Там же. Л. 9.
- ²¹ Государственный архив Ярославской области. Ф.Р. 387. Оп. 1. Д. 91. Л. 76.
- ²² Там же. Л. 78.
- ²³ Промыслы и ремесла. 1929. № 12. С. 3.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же. 1931. № 11. С. 160—161.
- ²⁶ ГАИО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 623. Л. 30.
- ²⁷ ГАИО. Ф. 327. Оп. 4. Д. 557. Л. 130.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же. Д. 576. Л. 1.
- ³⁰ Там же. Д. 557. Л. 2.

Е. М. Раскатова

**ВЛАСТЬ И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ
ПОЗДНЕГО СОЦИАЛИЗМА:
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ РАКУРСЫ
СОВРЕМЕННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМЫ**

Прошло уже больше двух десятилетий с того момента, когда отечественная историческая наука встала перед необходимостью радикального изменения методологической парадигмы¹. Отказавшись от универсальных социологизированных схем и идеологически окрашенных метанарративов, исследователи истории и культуры обратились к современным зарубежным методикам, в развитии которых за последнее столетие тоже произошли значительные изменения. Эти изменения, обусловленные, в первую очередь, проникновением в науку философских идей постмодернизма и получившие название познавательных «поворотов», содействовали переосмыслению исследовательских подходов, которые уже использовались интеллектуалами в разных областях знания². Наиболее существенные изменения в гуманитарном знании связаны с «поворотом», который чаще всего обозначают как «лингвистический», имея в виду, что любой исторический факт, явление, процесс, феномен может рассматриваться как некий субъективный дискурс, текст или совокупность текстов, требующих неоднозначной оценки и интерпретации. В целом же можно говорить о масштабном познавательном «повороте», изменившем ракурс рассмотрения объекта, предметную область, проблематику, концептуальный аппарат, методологические основания и эпистемологическую базу гуманитарных исследований.

Одной из актуальных задач европейской гуманитарной науки во второй половине XX века стало создание новой социально-культурной истории, связанной, как отмечают исследова-

© Раскатова Е. М., 2009

Раскатова Елена Михайловна — кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой истории и культуры Ивановского государственного химико-технологического университета. elenaraskatova@mail.ru

тели методологии современной науки, с методами культурной антропологии, социальной психологии, лингвистики. На первый план выходит «интеллектуальная история», предмет которой — жизнь идей в истории³. В связи с этим формируется устойчивый интерес не к внеличностным структурам, а к индивиду, начинают исследоваться процессы, не обнаруживаемые на уровне макротенденций, но те, которые можно уловить лишь посредством анализа изменений в микроструктурах, что существенно изменило отношение исследователей к источникам личного происхождения (к текстам, в первую очередь, мемуарного характера).

Авторы современных исторических исследований нередко акцентируют внимание на случайном, особенном, единичном, руководствуясь принципами «кейс стадис» (условно — «ситуативной истории»), когда событие локальное, но целостное и неповторимое (диспут, спектакль, литературно-художественный альманах и т. п.) рассматривается как отразившее существенные характеристики времени. Этот метод изучения истории соединяет в себе и системно-структурный подход и реконструкцию мира повседневности.

Внимание историка к сфере повседневности помогает приблизиться к пониманию мироощущения людей определенной эпохи. Представители французской «школы анналов» разработали целую программу исследования ментальности, которая должна была базироваться на анализе, с одной стороны, объективных структур прошлого («реальность как таковая»), а с другой — образов, представлений, верований, идей, понятий, в которых эта реальность воспринималась людьми прошлого. Они составляли «вторую реальность», которая являлась не только значимой частью «объективной реальности», но и оказывала активное влияние на ее формирование.

Необходимо сказать и о необычайно актуализировавшейся в последние десятилетия в зарубежной науке методологии «устной истории»⁴, позволяющей зафиксировать самый сложный и не поддающийся рационалистической реконструкции дискурсивный пласт реальности, несомненно, важный для целостного понимания историко-культурного процесса.

Итак, можно сказать, что в современном интеллектуальном пространстве к настоящему моменту сложилась широкая методологическая база новой исторической науки, опирающаяся на идеи постмодернистской философии и представленная рядом преиму-

шественно зарубежных методик, в основе которых лежит по-разному интерпретируемый и варьируемый междисциплинарный подход. О его значимости для осмысления историко-культурных феноменов речь идет также уже не одно десятилетие.

Эти глобальные сдвиги, безусловно, отразились и на развитии отечественной гуманитарной науки, состояние которой в начале 1990-х годов выдающийся историк А. Я. Гуревич совершенно справедливо оценил как «переворот», равный «перевороту Коперника». Это выразилось в разработке новой системы вопросов, которые историк задает источникам, в поиске новых памятников, в переосмыслении уже известных источников, в применении нетрадиционных методов их анализа и т. д. «Строгий материалистический монизм философии препятствовал включению культуры в систему их [К. Маркса и Ф. Энгельса] рассмотрения в качестве существенной и неотъемлемой стороны социальной действительности <...> Сегодня же поиск историка <...> должен быть нацелен на человеческое содержание истории <...> В центре внимания историка оказывается именно культура и Личность <...> Задача заключается в том, чтобы органически соединить на уровне общей истории и теории изучение исторической деятельности человека и обстоятельств, в которых она совершается и которые в той или иной степени ее детерминируют...»⁵

«Коперниканский переворот» во многом предопределил характер, особенности исследовательских практик российских ученых в последующее десятилетие, выявил новые объекты изучения, поставил во главу угла междисциплинарный подход, обусловил особое внимание к текстовым структурам, языку и др. Это нашло отражение в становлении новых научных направлений, в частности таких, как интеллигентоведение, создании региональных центров изучения проблем истории российской интеллигенции, реализации целевых программ публикаций источников, расширении географии, хронологических рамок, тематики исследований, выполнении совместных проектов по изучению истории интеллигенции российскими и зарубежными учеными. Развиваясь, в целом, в русле научных поисков европейской «интеллектуальной истории», российское интеллигентоведение является вполне оригинальной научной школой, представители которой, опираясь на сложившуюся в отечественной традиции содержа-

тельную трактовку понятия «интеллигенция», ставят акцент на изучении духовного мира личности, нравственных императивов, определяющих ее поведенческие стратегии и место в культуре⁶.

Все вышесказанное, однако, не снимает вопрос определения методологической базы для исследования конкретной исторической проблемы или проблемы истории культуры, в частности проблемы взаимоотношений власти и художественной интеллигенции в эпоху позднего социализма. Многолетнее обращение автора к исследованию различных ее аспектов показало не только продуктивность использования традиционных методов (компаративный, системный, структурно-типологический и др.), но и необходимость пересмотра теоретико-методологического инструментария, использования актуальных исследовательских методик, связанных с изменившимися задачами, ракурсом рассмотрения объекта, предметной областью и др. Несмотря на то что работа автора и коллег в последние годы подтвердила широкие возможности метода «новой культурной истории», включающего в себя, по возможности, междисциплинарные практики, все же, в его рамках необходимы уточнения, связанные как с объектами (власть и художественная интеллигенция), так и предметом исследования (конфликтные взаимоотношения).

Поскольку обозначенная проблема имеет отношение не только к культурной, но и политической истории, для ее адекватного осмысления необходимо обращение к теоретической базе таких направлений социально-гуманитарной науки, как политология и конфликтология.

В первую очередь, встает вопрос о сущности и характере политической системы в изучаемый период, а также определении ее основных функций по отношению к культуре и художественной интеллигенции. В первое постсоветское десятилетие отчетливо проявилась тенденция рассмотрения советской политической системы в целом как системы, по существу, тоталитарной. Результатом научных разработок стали коллективные монографии⁷. Методологической базой для изучения феномена «тоталитаризм», в том числе и в советский период истории, стали востребованные в это время работы «классика» зарубежной политологии Х. Арендт⁸. Обращаясь к другим известным работам по проблеме⁹, отечественные исследователи, принимая «каталог общих черт» тоталитарной системы, со-

ставленный американскими политологами К. Фредрихом и З. Бжезинским¹⁰, настаивали на ограниченном употреблении понятия «тоталитаризм» в пространстве и времени.

В монографии «Тоталитаризм в Европе XX века. Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления» особый интерес для нас представляет раздел «Искусство при тоталитаризме», подготовленный В. М. Володарским и посвященный анализу взаимоотношений власти и художественной интеллигенции при Гитлере, Муссолини и Сталине, включающий, например, авторский анализ состояния итальянского искусства в этот период. Нельзя не согласиться с утверждением автора, что «тоталитарная власть в несравненно больших масштабах (по сравнению с демократической) включает искусство в систему официальной пропаганды»¹¹, при этом художник и его произведения становятся инструментом определенной идеологии, средством репрезентации режима, воспитания масс в духе мифологии. В. М. Володарский подчеркивает, что «нет оснований утверждать существование какого-то особого международного стиля “тоталитарного искусства”, т. к. во-первых, различна идеология, воздействовавшая на искусство, во-вторых — сходство выявляется в искусстве “второстепенном”»¹². В заключении, оценивая результаты художественной политики тоталитарных государств, автор актуализирует чрезвычайно важную проблему места и роли тоталитарного искусства в современной художественной жизни, хорошо понимая, что вне контекста оно выглядит вполне безобидно, но не безопасно. В целом авторы данной монографии решили принципиальный для того времени методологический вопрос и обозначили важнейшие проблемы, требующие дальнейшего изучения.

Время показало, что научная общественность неоднозначно отнеслась к мнению ученых. Последовали бурные дискуссии в научной и научно-методической литературе¹³. Концепт тоталитаризма, по мнению ученых РГГУ, — сегодня утратил свою научную актуальность¹⁴, а сам тоталитарный режим, с их точки зрения, «должен рассматриваться скорее как исторический феномен, характерный для определенного исторического периода»¹⁵ (например, периода сталинизма).

Сегодня отечественная наука склонна отказаться от использования метода описания политической системы в СССР на протяжении всего периода существования как, по существу, то-

тоталитарной. При этом скорое исчезновение (впрочем, как и введение) самого понятия «тоталитаризм» из современного научного дискурса позволяет предположить либо отказ от данной методологии, который можно оценивать как реакцию ученых на эволюцию современной политической системы и политического руководства, либо — очередную терминологическую замену. Уже появились ссылки на работу¹⁶, автор которой вводит термин «посттоталитарный режим» для обозначения чаще всего социалистических режимов, где происходило постепенное разложение тоталитаризма, дает его характеристику.

Изучение феномена советского политического режима сквозь призму тоталитаризма с помощью зарубежных методологий исследования тоталитарных политических режимов в Европе XX века стало в 1990-е годы и одним из возможных путей осмысления интересующих нас сюжетов взаимоотношений власти и художественной интеллигенции на разных этапах функционирования государства (в том числе и на этапе «позднего социализма»). Именно в эти годы были официально изданы работы И. Голомштока, Б. Гройса, ставшие классикой изучения тоталитарного искусства¹⁷. И. Голомшток, один из первых отечественных ученых, предложил модель исследования феномена тоталитарного искусства, выявив специальные условия, создаваемые государством для его возникновения и развития¹⁸. Актуально замечание автора и о том, что в странах с тоталитарными режимами не все искусство может быть отнесено к прогосударственному.

Эти методологические и теоретические дискуссии чрезвычайно важны для осмысления проблемы взаимоотношений власти и художественной интеллигенции на этапе позднего социализма, который можно рассматривать и как «посттоталитарный» период советской истории, и как период, имеющий иной, «не тоталитарный», исторический характер, а, следовательно, выполняющий собственную специфическую программу взаимодействия государства и художника. Очевидно, детальное изучение различных аспектов этих взаимоотношений и позволит ответить на вопрос о сущности государственной системы на данном историческом этапе.

Методологически необходимо и продуктивно ввести еще одно понятие, которое поможет выявить некоторые сущностные черты во взаимоотношениях советской власти и художественной интелли-

генции. Это — конфликт. Современная конфликтология предлагает до семидесяти определений термина¹⁹. Важно вспомнить, что существуют разные точки зрения по поводу роли конфликтов в жизни общества. Т. Парсонс утверждает: «...конфликт господствует в отношениях между всеми членами общества, вызывая изменения как в отдельных его компонентах, так и в обществе в целом», а Р. Дарендорф считает, что «жизнь общества, решение стоящих перед ним задач обеспечиваются через/во время разрешения конфликта, что приводит к согласию, консенсусу его членов», другие предлагают увидеть оба компонента взаимодействия — и конфликт, и сотрудничество²⁰. Неоспоримо одно: конфликтность присутствует в обществе всегда, важно определить меру, долю, место, роль данного конфликта в каждом конкретном случае²¹.

Принципиальны замечания конфликтологов о наличии в обществе различных по типу конфликтов: длительных и непродолжительных, открытых и тлеющих, между отдельными группами людей и общественными объединениями и государством и т. д. Отечественная конфликтология активно использует в исследованиях классификацию конфликтов, предложенную американским ученым А. Рапопортом, который подразделяет конфликты на «схватки», «игры», «дебаты»²². Очевидно, отнесение конфликта к какому-то определенному типу всегда достаточно условно. Но то, что в изучаемый период конфликты власти и художника все чаще напоминали «игры» с обязательным соблюдением правил, эффектом «театральности», с продуманно распределенными ролями и, к сожалению, с заранее известным финалом (например, ситуации вокруг театральных премьер в театре драмы и поэзии на Таганке или жанр письменных обращений в ЦК КПСС известных деятелей литературы и искусства и т. п.), подтверждается рядом документальных свидетельств.

Другой классификацией конфликтов, также необходимой нам в исследовании, является классификация по сфере жизни общества: политическая, экономическая, сфера культуры и т. д. Безусловно, Д. М. Фельдман прав в том, что «почти каждый конфликт <...> может иметь политическое значение, но только конфликты по поводу власти, из-за отношений господства и подчинения являются политическими»²³. Но парадокс ситуации в советском обществе в том и состоял, что многим конфликтам в сре-

де художественной интеллигенции, спорам по поводу метода, формы, художественных поисков часто придавалась политическая окраска, политический смысл и т. д. Более того, на этапе позднего социализма сама художественная интеллигенция сознательно подключала к решению, казалось бы, внутренних проблем политические структуры — партийно-государственные органы.

Конфликт художника и власти, видимо, во многом предопределен природой самих феноменов. Как бы ни была власть лояльна по отношению к художнику, как бы ни старалась привлечь его к себе на службу, рано или поздно, в том или другом случае, ее императивы (возможно, конструктивные) вступают в противоречие с принципом свободы, лежащим в основе творчества как такового. Это, так сказать, «субстанциальный» конфликт Художника и Власти, примеры и подтверждения чему дает в неограниченном количестве история российской культуры и литературы — настоящий художник всегда мыслил свое существование вне категории «власть», особенно, если иметь в виду власть реально-историческую. Не случайно, А. К. Толстой в письме С. А. Миллер подчеркивал: «Вообще вся наша администрация и общий строй — явный неприятель тому, что есть искусство, — начиная с поэзии и до устройства улиц...»²⁴

Другой конфликт, также неизбежный — локальный, связан с борьбой за сферы влияния (конечно, если речь идет не о «прогосударственном» искусстве и социальном заказе). Остроумно и вполне убедительно эту ситуацию обозначил Б. Гройс в своих исследованиях неофициальной художественной культуры советского периода, говоря об искусстве соц-арта (Комар и Меламид): «Эта фундаментальная интуиция Комара и Меламида о всяком искусстве как о репрезентации власти является основным импульсом их творчества. <...> Их стратегия состоит в том, чтобы обнаружить единство мифа о власти — художественной и политической одновременно — во всем мировом искусстве, не исключая из него и своего собственного. Они откровенно заявляют о своем стремлении стать самыми великими и знаменитыми художниками века, создавая, таким образом, своего рода симулякр художника — творца и гения...»²⁵

Художник признает себя и искусство по целям и силе воздействия на массовое сознание равным силе воздействия на то же

сознание инициатив и директив власти. Отсюда — если искусство хочет сохранить независимость своей власти — конфликт с властью официальной является логичной формой существования искусства внутри системы.

Таким образом, мы видим, что теоретические разработки смежных дисциплин, напрямую связанных с изучением особенностей функционирования общественных систем, могут дать немало полезного для осмысления ключевой исторической проблемы взаимоотношений государства и художественной интеллигенции.

Возвращаясь к разговору о «новой культурной истории», необходимо сказать, что без ее методологических идей и методических наработок вряд ли возможно целостное объективное понимание закономерностей процессов, происходивших в исследуемый нами период.

Нам кажется принципиальным замечание известного культуролога Г. С. Кнабе об обязательном двуединстве культуры. Рассматривая историю европейской культуры, он обращает внимание на нередко сознательное допущение властью сосуществования наряду с официальной культурой культуры неофициальной, часто контркультуры. Более того, «другой культуре» отводились функции, которые по принципиальным соображениям не могла или не должна была выполнять официальная культура²⁶. Сложность культурно-исторической ситуации эпохи позднего социализма состояла как раз во все более отчетливом разделении культуры на два взаимно конфликтующих поля — официальной, прогосударственной и неофициальной культуры, которую государство сознательно выводило в пространство андеграунда. В то же время, эти культурные пласты далеко не всегда существовали параллельно и независимо друг от друга — напротив, по замечанию И. П. Уваровой — участницы и исследовательницы культурной реальности 1970-х, обе сферы культуры того времени — «надземная и подземная» — своеобразно влияют друг на друга: андеграундный соц-арт питается образной системой официального советского искусства. Мотивы андеграунда проникают «наверх»²⁷.

Неофициальная культура, может быть, как никакой другой феномен советской культурной истории, требует новых подходов к своему изучению и интерпретации, которые должны сочетать историческую строгость с широтой культурологических обобщений. В

связи с этим представляется интересной концепция «карнавализации культуры» как интеллектуальной и эстетической программы советского андеграунда 1970-х. Возможно, прямой перенос наблюдений М. М. Бахтина над особенностями средневековой культуры на мир культуры советской может показаться недопустимым модернизмом, но, тем не менее, трудно не согласиться с замечанием той же исследовательницы: «Нормативы советского мира и соответствующего искусства вывернуты наизнанку в прозе В. Сорокина и Е. Харитонova, в первых опытах группы “Аквариум” и даже концепты Ильи Кабакова с его вниманием к графику выноса помойного ведра в коммуналке, исходящие от Зощенко и его превосшедшие в глубинной абсурдности»²⁸.

Эти особенности «карнавальной» культуры советского андеграунда заставляют историка обратиться и к некоторым методикам лингвокультурологии, интерпретирующей те или иные языковые концепты и тексты, возникающие в прямой зависимости от них, как концепты историко-культурные. В 1970-е годы таким ярким языковым явлением, на основе которого складывались не только художественные, литературные, но и эпистолярные и даже устные тексты (реконструировать которые чрезвычайно сложно, но все же возможно), стал «эзопов язык», который, конечно, требует особых методик описания²⁹.

Объективное историческое изучение взаимоотношений власти и художника невозможно сегодня и без реконструкции, хотя бы доступной, сферы повседневности, которая именно в эпоху «семидесятых» стала тем пространством культуры, где активно складывались исторические взгляды, политические мнения, эстетические концепции, оказывавшие влияние как на формирование пласта неофициальной культуры, так и на многие другие ситуации взаимодействия художника и власти, и на культурно-исторические процессы в целом. Историческая реконструкция повседневной культуры позднего социализма позволяет точнее определить влияние на мироощущение художника 1970-х не только таких факторов, как власть, религия, граница и др., но и госзаказ, мастерская и т. п. Этот вектор реконструкции требует введения в историческое исследование таких сложных для прочтения источников, как мемуарная литература (в большом количестве изданная в последнее время) и даже устные тексты (интервью, воспоминания, которые сегодня еще

можно записать у непосредственных участников культурного процесса³⁰). Конечно, использование подобных источников обуславливает дополнительные трудности исследования, так как они неизбежно субъективны, эмоционально окрашены, но, тем не менее, именно эти тексты могут и восполнить ряд неизбежных пробелов официальных источников и передать ощущение уникальной культурной атмосферы, которая также является частью истории. Что же касается субъективности источника — в той или иной мере субъективны даже официальные документы, так как, с одной стороны, они возникают как следствие позиции того или иного исторического субъекта, с другой, составляются людьми, каждый из которых может иметь собственное, субъективное представление о том или ином явлении, событии, персонаже (именно это подтверждает история позднего социализма). Можно в данном случае согласиться с М. Хайдеггером, считавшим, что «все гуманитарные науки и все науки о жизни, именно для того, чтобы остаться строгими, должны непременно быть неточными»³¹. Историю, в современном методологическом измерении, можно понимать не только как историю зафиксированных событий, но и как своеобразную полифонию, которая складывается из многообразия голосов, точек зрения, мнений. Современный исследователь, отказавшийся от единственно верной позиции интерпретации фактов, должен решать сложную задачу понимания, сопоставления этих различных «голосов истории» для того, чтобы осмысление закономерностей исторических процессов стало по-настоящему глубоким и более точным³².

Свобода и широта методологических поисков, ставшая реальностью российской исторической науки, несомненно, открыла большие перспективы для ее развития и вхождения в современный европейский контекст, неотъемлемой частью которого она является. Новые методологические ракурсы позволяют увидеть различные грани того или иного историко-культурного явления, в нашем случае, непростых взаимоотношений власти и художника в эпоху позднего социализма.

Примечания

¹ См. подробнее: *Чубарьян А. О. XX столетие: уроки и проблемы // Мир в XX веке. М., 2001; Данилов А. А. Россия в XX веке // Там же; Сахаров А. Н. О новых подходах в российской исторической науке // Мир историка : XX век. М., 2002.*

- ² *Зверева Г. И.* Роль познавательных «поворотов» второй половины XX века в современных российских исследованиях культур // Выбор метода: изучение культуры в России 1990-х годов : сб. науч. ст. М., 2001.
- ³ *Репина Л. П.* «Новая историческая наука» и социальная история. М., 1998; Историческая наука на рубеже веков. М., 2001; *Репина Л. П., Зверева В. В., Парамонова М. Ю.* История исторического знания. М., 2004 и др.
- ⁴ *Томсон П.* Голос прошлого. Устная история. М., 2003; *Орлов И. Б.* Устная история: генезис и перспективы развития // Отечественная история. 2006. № 2.
- ⁵ *Гуревич А. Я.* О кризисе современной исторической науки // Вопросы истории. 1991. № 2/3. С. 5—20.
- ⁶ Проблемы теории и методологии исследования интеллигенции : монография / под ред. *В. С. Меметова.* Иваново, 2008 и др.
- ⁷ Тоталитаризм в Европе XX века : из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления. М., 1996. Вып. 2; Тоталитаризм: исторический опыт Восточной Европы. М., 2002.
- ⁸ *Арендт Х.* Истоки тоталитаризма. М., 1996; *Арендт Х.* Начала тоталитаризма : антология мировой политической мысли : в 5 т. М., 1997. Т. 2.
- ⁹ *Арон Р.* Демократия и тоталитаризм. М., 1957; отдельные положения этой теории были предвосхищены в 1940-е годы Э. Фроммом, К. Поппером, И. А. Ильиным.
- ¹⁰ *Фридрих К., Бжезинский З.* Тоталитарная диктатура и автократия. М., 1956.
- ¹¹ Тоталитаризм в Европе XX века. С. 209.
- ¹² Там же.
- ¹³ Динамика меняющегося отношения в профессиональном сообществе блестяще проанализирована Л. Гудковым (*Гудков Л.* «Тоталитаризм» как теоретическая рамка: попытки ревизии спорного понятия // *Гудков Л.* Негативная идентичность : статьи 1997—2002 годов. М., 2004).
- ¹⁴ В целом в западной науке эта концепция подверглась критике еще в 1960-е годы за неспособность выявить реальные механизмы функционирования политических режимов, но неожиданно получила второе рождение в России в конце 1980-х — начале 1990-х гг., где стала тоже своего рода идеологией и некритически применялась отечественными исследователями (см.: Политология : учеб.-метод. модуль. М., 2007).
- ¹⁵ Там же. С. 143.
- ¹⁶ *Linz J.* Totalitarian and authoritarian regimes. Boulder; Colorado, 2000.
- ¹⁷ *Голомиток И.* Тоталитарное искусство. М., 1994; *Гройс Б.* Искусство утопии. М., 2003.

- ¹⁸ Выводы исследователя об особом языке, тематических и жанровых приоритетах тоталитарного искусства активно используются специалистами в современных исследовательских практиках при анализе государственного искусства в последующие советские десятилетия и, конечно, в период позднего социализма.
- ¹⁹ *Фельдман Д. М.* Политология конфликта. М., 1998. С. 8.
- ²⁰ См.: *Здравомыслов А. Г.* Социология конфликта. М., 1994. С. 45.
- ²¹ *Фельдман Д. М.* Указ. соч. С. 25.
- ²² *Raroport A.* Fights, Games and Debates. Ann-Arbor, 1960.
- ²³ *Фельдман Д. М.* Указ. соч. С. 37.
- ²⁴ *Толстой А. К.* Собрание сочинений : в 4 т. М., 1964. Т. 4. С. 53.
- ²⁵ *Гройс Б.* Указ. соч. С. 116.
- ²⁶ *Кнабе Г. С.* Двуетинство культуры // Древо познания и древо жизни. М., 2006. С. 30—32; *Он же.* Проблема контркультуры // Там же.
- ²⁷ «Семидесятые» как предмет истории русской культуры : материалы дискуссии // Семидесятые как предмет истории русской культуры. М., 1998. С. 20—23.
- ²⁸ Текст приводится по рукописи «70-е» И. П. Уваровой — известного искусствоведа, непосредственного свидетеля общественной и культурной жизни постсталинской России.
- ²⁹ *Уварова И. П.* Место эзопова языка в системе общения интеллигенции и власти // *Художественная жизнь России 1970-х годов как системное целое.* СПб., 2001.
- ³⁰ При этом социально-психологические и иные особенности отечественной художественной интеллигенции заметно проявились в ходе реализации авторского проекта «Художественная интеллигенция 1970-х: попытка самоидентификации».
- ³¹ *Хайдеггер М.* Время картины мира // *Новая технократическая волна на Западе.* М., 1986. С. 96.
- ³² Теоретические проблемы исторических исследований / отв. ред. *Е. И. Пивовар.* М., 1998—2007. Вып. 1—7; *Историческая наука и образование на рубеже веков / сост. А. А. Данилов.* М., 2004; *Поляков Ю. А.* Образы прошлого: столетие-предтеча // *Отечественная история.* 2006. № 2; *Российская история: теория изучения и методы преподавания // Там же.* 2008. № 3; и др.

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

ББК 63.3(2)+283.2

А. В. Репников

ОТ СУМЫ И ОТ ТЮРЬМЫ... (Послевоенная судьба В. В. Шульгина на основе архивных материалов, документов и воспоминаний)

Количество легенд, связанных с жизнью и деятельностью В. В. Шульгина, велико, поэтому исследователям, обратившимся к его биографии, приходится сталкиваться как со случайно допущенными ошибками, так и с намеренными фальсификациями. Большое значение для написания биографии Шульгина имеют документы его следственного дела, хранящегося в Центральном архиве ФСБ России. В материалах дела содержится информация о его дореволюционной деятельности, прослеживается эволюция взглядов. Опись архивного следственного дела № Р-48956 (в 1-м т., год производства: 1945—1947) в отношении Шульгина впервые была опубликована А. В. Репниковым и В. С. Христофоровым¹. В 2003—2007 гг. ими же в журналах «Новая и новейшая история», «Россия XXI», «Родина» и в ряде сборников была впервые осуществлена публикация отдельных материалов из следственного дела².

© Репников А. В., 2009

Репников Александр Витальевич — доктор исторических наук, главный специалист Центра по разработке и реализации межархивных программ документальных публикаций федеральных архивов Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), доцент Российской академии театрального искусства (ГИТИС). repnikov@mail.ru

Полный текст дела, снабженный вступительной статьей, комментариями, приложениями и впервые извлеченными из архивов фотографиями, подготовленный В. Г. Макаровым, А. В. Репниковым и В. С. Христофоровым, выйдет отдельной книгой в 2009 году.

В материалах следствия обозначено, что Шульгин был арестован 31 января 1945 года Главным Управлением контрразведки «СМЕРШ» как активный член белоэмигрантской организации «Русский Общевоинский Союз». После предъявления обвинения и проведения следствия, которое продолжалось более двух лет, Шульгин, по решению Особого совещания при МГБ СССР, был приговорен к тюремному заключению сроком на 25 лет. Решением Центральной комиссии по отбору заключенных, подлежащих переводу в особые лагеря и особые тюрьмы МВД, от 10 июля 1948 г. в соответствии с приказом МВД, МГБ и Генерального прокурора СССР от 16 марта 1948 г. было принято решение о его переводе в Особую тюрьму МВД СССР (г. Владимир). «В 40-е годы Владимирская тюрьма называлась особой тюрьмой Министерства госбезопасности. В ней сидело около двух тысяч человек. Среди них были и железные маски. Точнее — номерные заключенные, как правило — *vip*-узники, чьи имена никто не должен был знать... Среди депутатов Госдумы было немало таких, по ком плакала тюрьма. Естественно, речь идет о дореволюционных созывах. Но руки правосудия, если, конечно, “тройки” можно так назвать, дотянулись до бывших депутатов спустя много лет. Некоторых пришлось доставать из-за границы. Например, Василий Шульгин был крупным политическим деятелем в предреволюционной России, депутатом трех Госдум. 2 марта 1917 года он принимал отречение Николая II от престола. Потом не сошелся с большевиками, но зато сошелся с белогвардейцами. Не будем пересказывать весь краткий курс ВКП (б), но, в общем, белогвардейцы проиграли. Шульгин долго мыкался по заграницам, пока в декабре 1944 года его не достала в Югославии контрразведка СМЕРШ. Бывшему депутату дали 25 лет тюрьмы и отправили во Владимирский централ. В это время здесь сидело много интеллигентных и ярких людей»³.

С арестом, допросами и пребыванием Шульгина в заключении связано большое число неточностей. Многие из них будут подробно опровергнуты в сборнике документов, который подготовлен В. Г. Макаровым, А. В. Репниковым и В. С. Христофоро-

вым и в который войдет *полный* текст всех материалов следственного дела В. В. Шульгина. Книга выйдет в 2009 году.

Сравнивая воспоминания и протоколы допросов, можно выявить и некоторые существенные разночтения, сделанные Шульгиным. В воспоминаниях он писал, что Герасимов пугал его очной ставкой: «Крупной фигурой в эмиграции был Михаил Александрович Троицкий, глава новопоколенцев... Однажды он сказал мне, что поедет к Гитлеру, чтобы у него чего-то добиться, и спрашивал меня, о чем и как следовало бы говорить с “фюрером”. Я ответил ему, что о Брестском мире⁴ не может быть и речи, мы его никогда не признаем. Троицкий поехал, однако до “фюрера” не дошел, но говорил с его матерью⁵, и ничего из этого предприятия не вышло. Герасимов угрожал мне очной ставкой с Михаилом Александровичем. Но и она не состоялась»⁶.

В показаниях Шульгина никакого Михаила Александровича Троицкого мы не обнаруживаем, зато есть известный деятель НТСНП Михаил Александрович Георгиевский, имя которого несколько раз звучит во время допросов. Есть и копия протокола допроса М. А. Георгиевского от 1 сентября 1945 г., в котором тот упоминает про рукопись Шульгина «Пояс Ориона», в которой шла речь о создании единого целого из трех «звезд» пояса Ориона: Германии, Японии и России, причем России, «освобожденной» от советской власти с помощью Германии и Японии. По выражению Шульгина, этот пояс мог бы опоясать весь мир и проводить свою независимую политику. Про эту повесть Шульгина, ссылаясь на показания Георгиевского, спрашивали во время допроса 14 сентября 1945 г.⁷ В последующих воспоминаниях Шульгин опустил упоминания об этой повести и ее содержании. Про Георгиевского — «Троицкого» он писал: «Все же Троицкий что-то на этой игре для себя выиграл. Если мне дали двадцать пять лет, то ему надо было дать сорок, а он получил двадцать. Но он умер раньше срока»⁸. В действительности, судьба Георгиевского была совсем иной, чем писал Шульгин. Осужденный 25 июля 1950 г., он был расстрелян 12 сентября 1950 г. Шульгин также напишет впоследствии: «Когда об этом Троицком и об очной ставке с ним шла речь, мне приснился вещий сон. Из моего рукава вылезла змея до половины, затем она сломалась. Одна половина с головой уползла в какую-то щель, а хвост остался в мо-

ем рукаве. Позже один из очень честных новопоколенцев говорил мне с горьким разочарованием о своем бывшем руководителе:

— Какое ничтожество»⁹.

Можно понять, почему Шульгин не хотел затрагивать столь «неудобные» для него темы, как содержание рукописи «Пояс Ориона» и попытка ее передачи «влиятельным немцам», но вряд ли возможно установить, почему эти вопросы больше не затрагивались на допросах.

В 1990 г. в СССР была опубликована книга Леопольда Треппера «Большая игра», в которой автор, упоминая о том, как встретился в камере с Шульгиным, громоздит одну нелепицу на другую. Начинается с того, что при первой же встрече в камере Шульгин заявляет совершенно незнакомому человеку: «В тюрьме нам нечего скрывать друг от друга, поэтому докладываю вам, что прошло уже немало лет, как я перестал быть антисемитом. В 1935 году, в Париже, я выступил перед масонской ложей со специальной лекцией на тему “Почему я больше не антисемит”»¹⁰. Далее следует рассказ, якобы изложенный Трепперу Шульгиным и имеющий мало общего с реальным положением дел. Согласно этой нелепой истории, Шульгин, якобы, сам (!) добился своего ареста в Белграде и сразу же был доставлен в Москву. «Он решил вернуться в Советский Союз, победа которого льстила его великодержавным чувствам. Привязанный к родимой земле, он желал закончить на ней свою жизнь, пусть даже в тюрьме.

Он явился в советскую военную миссию в Белграде. Молодой офицер НКВД, дежуривший в это время, с удивлением разглядывал этого человека, словно бы добровольно пришедшего в заключение. Он просмотрел списки разыскиваемых лиц. Шульгина среди них не было:

— Можете идти, мы вас не знаем, — сказал ему офицер.

Но Шульгин стоял на своем. Назавтра пришел снова. За письменным столом сидел полковник. Едва Шульгин назвал себя, как полковник вскочил, быстро подошел к нему и, теряя контроль над собой, заорал:

— Так вы и есть Шульгин, организатор погромов в царской России?

— Наконец хоть кто-то узнает меня! — сохраняя самообладание, воскликнул бывший главарь черносотенцев.

Его посадили в самолет, который летел в Москву; и он, всю жизнь мечтавший стать летчиком, получил свое воздушное крещение на маршруте Белград — Лубянка»¹¹.

Воспоминания Шульгина об аресте и этапировании, а также материалы его следственного дела начисто перечеркивают версию Треппера. И это не единственное искажение действительности. Заключенный, который не жаждет свободы, — нонсенс! Но, по свидетельству Треппера, Шульгин, якобы, говорил: «Я не хочу, чтобы меня освободили... Надеюсь, мне дадут камеру, где я смогу продолжать писать книги по истории нашей страны»¹². Заканчивает повествование о Шульгине Треппер саркастически: «Ярый антисемит, вдохновитель еврейских погромов, Шульгин был освобожден намного раньше, чем освободили заслуженных коммунистов. Ему предоставили дачу в деревне, где этот деятель, куривший фимиам сталинскому режиму, по сей день продолжает свои труды»¹³. Разумеется, никакой «дачи в деревне» не было, как не было (во всяком случае, публично) и «фимиама» сталинскому режиму со стороны Шульгина.

В ночь на пятое марта 1953 г. Шульгину приснился сон: «Пал великолепный конь, пал на задние лапы, опираясь передними о землю, которую он залил кровью». Вначале он связал сон с годовщиной смерти Александра II, и только потом узнал о смерти И. В. Сталина¹⁴. Наступила иная эпоха, но поначалу на судьбе заключенного это не сказалось. 16 декабря 1954 г. Судебная коллегия по уголовным делам Владимирского областного суда в порядке ст. 457 УПК РСФСР по ходатайству администрации тюрьмы рассмотрела дело по вопросу освобождения Шульгина от дальнейшего отбывания наказания в связи с тем, что он страдает тяжелым неизлечимым недугом. Однако, учитывая, что Шульгиным были «совершены особо опасные преступления против Советского Союза», Судебная коллегия в определении по делу отметила в «освобождении Шульгина Василия Витальевича от дальнейшего отбывания наказания отказать».

Однажды Шульгина вызвали на допрос. Следователь, как это обычно делалось, посадил Шульгина лицом к свету, т. е. к окну. Шульгин попросил у следователя разрешение надеть шляпу, чтобы свет не так резал глаза. К концу допроса следователь спросил:

— А вы как? Какие ваши планы?

— Мои планы? Я вас не очень понимаю. Мои планы не от меня зависят. Я сижу.

— Да, вы сидите, но я вас спрашиваю на предмет освобождения.

— Освобождения?¹⁵

По собственному признанию, Шульгин «чуть не свалился со стула. Многих уже освободили, но со мною дело было плохо. Врачи три раза делали представление властям с предложением освободить меня ввиду преклонного возраста и плохого состояния здоровья. Но им отказывали. А тут следователь говорит о свободе»¹⁶.

Шульгин начал собираться, но оказалось, что за годы заключения у него скопилось немало вещей: «Во что их запакивать. Набралось барахла... Незадолго до этого нам выдали новые костюмы — брюки и куртки. Главное затруднение у нас было вот в чем. Последнее время немцы и австрийцы получали массу посылок с родины. Здесь следует отметить большую честность тюремной администрации в отношении этих посылок. При посылках был полный перечень прилагаемых предметов. Этот список по вскрытии посылок проверялся, и решительно все передавалось заключенным. Немцы и австрийцы, зная, что женщины, которые этим ведали, и во сне не видели таких яств, неоднократно просили принять что-нибудь в подарок, но встречали решительный отказ. Когда немцев не стало (их выпустили несколько раньше), я стал получать посылки от них же. Один раз мы остались вдвоем с женщиной, которая вскрывала при мне мою посылку. Я выбрал плитку шоколада и просил ее взять для ребенка. Она в итоге взяла после долгих отказов, объясняя, что это очень строгая ответственность... Набралось всевозможных консервов достаточно. Я не ел ни мясных, ни рыбных консервов, а шоколад копил для Марии Дмитриевны в надежде, что я ее увижу. Больших плиток было шестнадцать штук. Что же мы придумали? Завязали брюки внизу тесемками и наполнили их по пояс всякой снедью. В куртку напихали мягкие вещи и как-то соединили брюки с курткой. Вышло некое подобие человека, а когда его приподняли, то консервы стучали, как кости скелета. Эти неудобопереносимые “мешки” мы притащили в большую камеру, куда собрали освобождаемых в этот день в количестве девяти человек.

И вот наступила торжественная минута. Вошел майор в сопровождении молодых офицеров и стал громогласно читать:

— По указу от 14 сентября 1956 года досрочно освобождаются из тюремного заключения нижеследующие граждане...

Он назвал по фамилиям всю девятку.

— Итак, собирайтесь. По закону мы не имеем права задерживать вас ни одного часу после освобождения. Вы все выедете сегодня же»¹⁷. Поскольку Шульгину некуда было идти, ему сообщили, что он пробудет «еще немного в тюрьме, пока тюремное начальство снесется с домами инвалидов», и вскоре вместе с сопровождающим его «отправили в дом инвалидов в Гороховец»¹⁸. Так Шульгин вышел на свободу. В этом же году к нему из Венгрии приехала жена Мария Дмитриевна.

Потом супругам помогли переселиться в Владимирский дом инвалидов, где условия были лучше, чем в Гороховце. В письме к Даниилу Андрееву, посланном 30 марта 1958 г. уже из Владимира, Шульгин делился впечатлениями: «Дорогой Даниил Леонидович! Пишу вам, сидя за письменным столом. Этим много сказано. С 1945 года не имел этого удовольствия. Переезд наш во Владимир был для нас неожиданным. Транспортировка наша теперь кажется смешной, но когда она совершилась, был “смех сквозь слезы”. Мы ехали на “Победе”, казалось, чего бы лучше. Но дело в том, что эта “Победа” стояла на грузовике. Нас подбрасывало до девятого неба... Зато здесь мы были вознаграждены удобствами: письменный стол, настольная лампа, шифоньер»¹⁹. В вышедшей в 2007 г. при участии Федеральной службы исполнения наказаний РФ книге «Владимирский централ» приводится текст еще одного письма Шульгина к Андрееву от 12 июля 1958 г.: «Еще в марте сего года в Гороховец приезжал один человек, очень сердечный и милый в обращении. Поручено ли было ему мною заняться, или же он сделал по собственной инициативе, я еще не знаю, но именно он перевез нас во Владимир, предоставив нам более человеческое существование: здесь, во Владимире, мы виделись и, вероятно, еще будем видеться. Он настаивает, чтобы я вернулся к литературной работе, считая это возможным. В настоящей стадии по его приказанию разыскивают книги, которые напечатаны в Советском Союзе (“1920 год”, “Дни”))»²⁰. Уже в наше время во Владимирском центре появился неболь-

шой музей²¹. Есть там и стенд, посвященный Шульгину, на котором «представлен любопытный документ: опись посылки, что прислал Шульгину сидевший с ним пленный немец. Посылки убежденному монархисту приходили крайне редко, но тем не менее и в этой была не еда, а... два килограмма бумаги — Шульгин много писал»²². Действительно, 9 мая 1956 г. на имя Шульгина поступила посылка, которая была вскрыта в его присутствии. В ней оказалось... 2 килограмма писчей бумаги.

Вскоре после переезда во Владимир были организованы поездки Шульгина по разным городам с демонстрацией ему различных достижений советской власти. В 2002 г. были опубликованы воспоминания бывшего оперативного уполномоченного Управления КГБ по Ярославской области Э. Шарапова об одной из таких поездок в Ярославль, состоявшейся осенью 1960 года²³. Он так вспоминает об этом событии: «Мы втроем отправились в бывший Спасо-Преображенский монастырь, где теперь располагался музей-заповедник... На этом первый день пребывания Шульгиных закончился. Я проводил их до гостиницы, и мы договорились о встрече на завтра... На другой день экскурсию по городу мы начали с посещения церкви Ильи Пророка... на Советской площади, оттуда прошли в расположенный рядом Демидовский скверик, носивший это название потому, что к нему примыкало здание, ранее принадлежавшее заводчику Демидову, и где теперь находился медицинский институт. В скверике был установлен обелиск на братской могиле борцов за Советскую власть, погибших в дни левозеро-вского контрреволюционного мятежа в 1918 году. Василий Витальевич с большим интересом осмотрел обелиск, внимательно прочитал фамилии павших... Погода в тот день была на удивление отличная — ярко светило сентябрьское солнце, дул легкий ветерок, не спеша с деревьев слетали резные кленовые листья... Вокруг гуляло много маленьких детей. Шульгин присел отдохнуть на скамейку, а мы с Марией Дмитриевной отошли в сторону, тихо беседуя... Потом Шульгин согласился пройти из Демидовского скверика на Стрелку, к устью Которосли, пешком, хотя рядом с нами была машина. Он был высок, худ, чуть сгорблен, но элегантен даже в своем обыкновенном “москвошвеевском” пальто. Говорил медленно, но четко, со старческой хрипотцой. На Стрелке, не спускаясь вниз, мы осмотрели слияние Которосли с Волгой, полю-

бовались на силуэты церквей Михаила Архангела и Спаса-на-Городу и на то место, где, по преданию, Ярослав Мудрый основал город и назвал его своим именем... Затем вернулись назад к памятнику поэту Н. А. Некрасову, откуда поехали к площади Волкова, где и расстались у памятника основателю первого русского театра. Гостиница была рядом. Такой была моя встреча с человеком, словно бы пришедшим из далекого прошлого, — одна из самых памятных и необычных встреч в моей достаточно богатой различными событиями жизни офицера КГБ СССР»²⁴.

Можно констатировать, что Шульгина хорошо «подготовили», но и без этого он начинает задумываться о неоднозначности «опыта Ленина». Итогом стали «Письма к русским эмигрантам»²⁵, в которых Шульгин признавал, что то, что делают коммунисты, отстаивая дело мира, не только полезно, но и необходимо для народа, который они ведут за собой, и даже спасительно для всего человечества. При всех необходимых в контексте той эпохи оговорках (в книге упоминается и о роли партии, и о Н. С. Хрущеве, личность которого «постепенно захватила» Шульгина²⁶), есть там и нетипичные для советских изданий того времени размышления о Боге, месте и роли человека на земле и т. д. Автор признается, что сочувствовал Николаю II, был в числе основателей Добровольческой армии и убежденно поддерживал П. А. Столыпина, оставшись его почитателем и после убийства реформатора.

Впоследствии Шульгин с досадой отзывался об этой своей работе: «Меня обманули»²⁷. Публикатор воспоминаний Шульгина Р. Г. Красюков писал: «Когда я гостил у В. В. Шульгина... он подарил мне свою книгу “Письма к русским эмигрантам” и написал ее своими каракулями: “Дорогому Ростиславу Григорьевичу на добрую память о временах недобрых. Этой книги я не люблю. Здесь нет лжи, но здесь есть ошибки с моей стороны, неудачный обман со стороны некоторых лиц. Поэтому “Письма” не достигли цели. Эмигранты не поверили и тому, что было неверно, и тому, что изложено точно. Жаль. В. Шульгин. 1970, 3.Х”»²⁸. Покинувший в 1975 г. СССР Е. Соколов писал в газете «Русская мысль» уже после смерти Шульгина: «Когда три года назад я по просьбе одного моего московского знакомого попросил Василия Витальевича поставить автограф на вышедшей отдельным тиражом книжке “Писем”, то он поморщился и сказал, что очень не

любит эту книгу... Вот что рассказал Шульгин: «От основной идеи “Писем” я не отрекаюсь, я и сейчас считаю, что в нынешней ситуации худой мир лучше доброй вражды, но меня обманули, когда устроили эту поездку»²⁹. В последующей публикации Соколов уточняет: «Однако основную идею “Писем” — что новая война будет несчастьем для России — Шульгин отстаивал до конца. Он все время говорил о том, что не желал бы гибели русского народа в атомной бойне»³⁰.

Во Владимире Шульгин с супругой до самой смерти жили в небольшой квартире на первом этаже в доме № 1 по улице Фейгина (по странной иронии судьбы Герасим Григорьевич Фейгин, в честь которого называлась улица, был евреем, одним из первых владимирских комсомольцев и погиб при штурме Кронштадта). Дом и квартира сохранились и поныне, но ни мемориальной доски, ни каких-либо иных памятных знаков, свидетельствовавших о пребывании Шульгина во Владимире, до сих пор нет.

В книге «Последний очевидец», подготовленной Н. Н. Лисовым, помещена фотография пригласительного билета В. В. Шульгина на XXII съезд КПСС³¹. Василий Витальевич воспользовался приглашением и услышал, как принималась Программа построения коммунизма, а Хрущев произнес историческую фразу о том, что «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!». Он также принял участие в художественно-публицистическом фильме «Перед судом истории», снятом режиссером Ф. М. Эрмлером по сценарию В. П. Владимирова (Вайнштока), сыграв самого себя, а связанные с этим фильмом события заслуживают отдельного большого исследования. В. Фомин пишет: «Об этом фильме ходило и ходит масса легенд. Иные киноведы склонны рассматривать его чуть ли не как подвиг режиссера, дерзнувшего запечатлеть в документальном фильме исповедь одного из столпов царского режима, злейшего врага советской власти»³². Вместе с тем, по словам бывшего генерала КГБ Ф. Бобкова, события развивались следующим образом: «Ранней весной 1961 года я возвращался из Ленинграда, куда выезжал в связи со съемками документального фильма “Перед судом истории”. Режиссерами фильма “Перед судом истории” были Фридрих Эрмлер и Владимир Вайншток. Материал, который мне показали на “Ленфильме”, был очень интересен. Шульгин прекрасно выглядел на экране и, что важно,

всё время оставался самим собой. Он не подыгрывал своему собеседнику. Это был смирившийся с обстоятельствами, но не сломленный и не отказавшийся полностью от своих убеждений человек. Почтенный возраст Шульгина не сказался ни на работе мысли, ни на темпераменте, не убавил и его сарказма. К сожалению, его оппонент, ведущий, выглядел рядом с ним очень бледно... Я встретился с Шульгиным в Москве, в квартире Вайнштока на улице Черняховского... Улучив момент, я осмелился задать вопрос: как он по прошествии стольких лет оценивает приход большевиков к власти? Немного помолчав, а потом медленно, но многозначительно он сказал, что, конечно, не такого пути желал бы для России, но другого у нее, по-видимому, не было. — Всяко об этом можно судить, — добавил Шульгин, — но отраднo, не распалась в то тяжкое время Россия. Мне невольно вспоминается эта фраза. Даже самые заклятые враги социалистического строя, каким был Шульгин, находили утешение в том, что Россия не распалась, что ее не расчленили на куски. Интересно, что бы он сказал сегодня. Финал фильма, правда, задел Шульгина, когда узнал, что его снимали в зале, где проходил XXII съезд КПСС»³³. Фомин также приводит текст докладной записки председателя Комитета по кинематографии в ЦК КПСС: «В минувшем 1964 г. на киностудии “Ленфильм” был закончен производством фильм “Перед судом истории” (сценарий В. Владимирова, режиссер-постановщик Ф. Эрмлер). В фильме показан крах белой эмиграции, в образе В. Шульгина вскрыта враждебная деятельность людей, вставших на путь предательства Родины. Работа над фильмом проводилась по инициативе и под наблюдением Комитета госбезопасности СССР, который оказывал съемочному коллективу постоянную помощь. Фильм предназначался для распространения в тех зарубежных странах, где сгруппирована русская белоэмиграция (США, Канада, Франция, Голландия, Аргентина и др. страны), и для демонстрации в СССР»³⁴. Фильм вышел в 1965 г., но быстро сошел с экранов.

Многое из того, что Шульгин намеревался сказать в фильме, не пропустила цензура. В беседе с Д. А. Жуковым Шульгин говорил, что «картина подверглась такому “обрезанию”, что от нее остались рожки да ножки. И приводил пример:

— Вы помните сцену на Дворцовой набережной в Ленинграде. Я разговаривал там белой ночью с девушками в белых

платьях — выпускницами школ и по воле режиссера, пожелавшего выгодно подать меня, изъяснялся на трех главных европейских языках. <...> Мне хотелось еще раз выразить нечто важное для меня <...> свое неприятие кровавой российской традиции убивать царей. А потом из этой сцены все вырезали, и получился у меня с девицами глупейший диалог. Помните, я там сказал о хрустальной туфельке Сандрильоны. А дальше было так: “Надев хрустальный башмачок, Золушка становится принцессой”, а в наше время это опасно. Я мог бы рассказать о четырех принцессах... Но это слишком печальная история!..»³⁵. В этой сцене должны были прозвучать слова: «Я злой колдун, я убил четырех принцесс, я сжег их тела огнем и из принцесс сделал их <...> Золушками! Вы никогда не слыхали об этом»³⁶. Убийства царской семьи Шульгин никогда не простил большевикам и даже надеялся, что это — «душу переворачивающее злодеяние в Екатеринбург» — будет осуждено, считая, что именно «советскому правительству следовало бы осудить деяние, черной тенью падающее на коммунистическую партию»³⁷.

Шульгин не боялся высказывать свои мысли, хотя и понимал, что если захочет написать книгу, то «должен писать так, чтобы Партия поставила штемпель “дозволено цензурой”». А этот штемпель получается только тогда, если я хвалю партию. Так как по-моему многое, во второй половине XX века, Партия делает правильно, то я и хвалю ее. Но если я нахожу, что то и другое Партия делает плохо, то мне говорят:

— Это держите про себя.

Вслух высказывать осуждение Партии нельзя. Я говорю: — Но я не хочу вас свергать. Свергнуть вас, будет хуже. А мне отвечают: — Если дать свободу и таким, как вы, осуждать Партию, то вы ее свергнете, как свергли Царскую Россию.

Что на это скажешь?»³⁸.

Он хотел, чтобы те, кто управляет его родиной, знали правду, хотя «правда о настоящем — очень часто убийственная правда»³⁹, и записывал свои размышления не только для будущих историков, но и для тех, кого именовал «стражами бутылки», в которой заключен Джинн — атомное оружие. «Я не хочу всеобщей гибели. Поэтому я должен беречь всех стражей бутылки. Как в России, так и вне ее. И пуще заботиться, чтобы стражи бутылки

не перессорились между собой. Если они перессорятся, Джинн вырвется, и будет конец»⁴⁰.

После устранения от власти Хрущева фигура Шульгина становится официально мало востребованной. В конце 1966 — начале 1967 г. на заседании секретариата ЦК партии осудили публикацию в журнале «История СССР» и еженедельнике «Неделя» отдельных глав из книги Шульгина «Годы». Главные редакторы этих изданий были вынуждены давать объяснения, а факт публикации был расценен как «грубая политическая ошибка»⁴¹. Ведущий заседание А. П. Кириленко подытожил: «Зачем понадобился Шульгин советскому журналу? К 50-летию Октября готовимся. Надо печатать материалы о героях революции — о старых коммунистах, рабочих, матросах. Надо их воспоминания давать в первую очередь. Надо статьи наших советских авторов печатать. Надо героизм народа, мудрость партии показать. А Шульгин тут при чем?», а с места была подана язвительная реплика: «Из Шульгина икону делают во Владимире. Мне секретарь обкома говорил — отбоя нет от посетителей. Приедут во Владимир, на храмы, на иконы посмотрят, а потом на Шульгина»⁴².

В этот период, как вспоминал очевидец, «гостей к Шульгину ездило действительно много. Это были самые разнообразные люди, от обычных зевак до российских монархистов. С зевачами Василий Витальевич обходился просто: вежливо принимал их, рассказывал какие-нибудь две обычные истории, а когда уставал, выпроваживал. Все они обычно спрашивали, как именно происходило отречение императора Николая II. Шульгин всегда отказывался об этом рассказывать и отсылал всех к своей книге «Дни». Точно так же на все вопросы об антисемитизме и его отношении к этому явлению — а такой вопрос часто задавали приезжавшие к Шульгину евреи — Шульгин отвечал рекомендацией перелистать его статьи по делу Бейлиса»⁴³. Несколько раз с Шульгиным встречался писатель М. К. Касвинов, автор книги «Двадцать три ступени вниз», посвященной истории царствования Николая II. Отметим, что упоминая в этой работе про «живых свидетелей истории», Касвинов в первую очередь называет Шульгина, с которым «встречался трижды с августа 1973 по август 1975 г. во Владимире»⁴⁴, а помогавшие автору «старейшие участники революции» и члены партии с дореволюционным ста-

жем перечисляются им уже после Шульгина. Обратим внимание читателей на то, что в числе иллюстраций к изданию следственного дела Шульгина, подготовленному Макаровым, Репниковым и Христофоровым, будут впервые опубликованы фотографии Шульгина, сделанные М. К. Касвиновым.

Приезжал к Шульгину и Л. В. Никулин, автор художественного романа-хроники, посвященного операции «Трест»⁴⁵, и режиссер С. Н. Колосов, снимавший телефильм по мотивам этого романа⁴⁶. По свидетельству искусствоведа М. А. Кушнировича, Шульгина навещали не реже одного — двух раз в неделю, «он любил гостей. Иногда мы приезжали к нему вдвоем, втроем. Один раз приехали чуть ли не вдесятером... я... вел... лекторий для старшеклассников... и однажды я решил устроить им экскурсию во Владимир... Мне было отраднo, что он их не разочаровал. На обратном пути они... вспоминали подробности. Одна из девочек простодушно (а может, и лукаво) призналась: “Когда его обнимаешь, чувствуешь мужчину”. Все засмеялись. В другой раз я приехал к Василию Витальевичу со своим другом. Это был Андрей Смирнов, только что поставивший лучшую свою картину “Белорусский вокзал”»⁴⁷. У Шульгина бывали писатели Д. А. Жуков⁴⁸ и А. И. Солженицын. С ним общался и принимал его у себя в гостях художник И. С. Глазунов, написавший в 1961 году портрет старца⁴⁹.

«Что надоумило нас к нему? — вспоминал православный публицист Г. М. Шиманов. — Тщеславное ли желание познакомиться со знаменитостью, чтобы потом говорить: “Захожу я как-то бывалочке к Шульгину...” или “Василий Витальевич говорил мне...” и небрежно показывать фотографии, на которых вы вместе запечатлены в умной серьезной беседе?.. Или нас повело желание прикоснуться к уже канувшей в Лету эпохе, но не через книжки и архивные документы, а непосредственно, через последнего ее представителя, каким-то удивительным образом еще живущего с нами, — прикоснуться, чтобы почувствовать ее последний аромат и услышать слова, пробивающиеся на закате столь долгой и бурной жизни к смыслу величайшего кризиса в русской истории?..»⁵⁰

Каждый из посетителей находил свою тему для разговора. Исследователь-краевед В. А. Десятников вспоминал: «Больше всего Шульгиных занимал вопрос о возвращении наших культурных и художественных ценностей, вывезенных немцами... Я в свою оче-

редь посетовал, что немцы сразу же после войны выпустили каталоги и объявили розыск по всему миру своих утраченных историко-художественных ценностей, мы же так и не удосужились сделать что-либо подобное»⁵¹. «Каждый, кто хоть сколько-нибудь сердечно интересовался историей последних лет старой России, побывал здесь. Все слои, все направления искали у Шульгина ответов на мучительные вопросы: что было, как случилось, почему? Гостеприимный старец часами отвечал приезжающим, знаменитым и безвестным, которые часто в увлечении историей не щадили его немощей», — писал иеродиакон Варсонофий, знавший Шульгина⁵².

В архивах людей, общавшихся с Шульгиным, хранится немало интересных статей, писем и воспоминаний Василия Витальевича. Некоторые из них иногда становятся достоянием гласности. С научной точки зрения представляет большой интерес сравнение разрозненных воспоминаний гостей мудрого старца, которое помогает понять эволюцию его взглядов, а заодно и то, кто и с какой целью ехал к нему. К сожалению, идея подобного сборника под условным названием «Вспоминая Шульгина» до сих пор не осуществлена, а между тем люди, знавшие его, тоже уходят из жизни. Читая же воспоминания, рассеянные по страницам книг, газет и журналов (как отечественных, так и зарубежных), приходишь к странному выводу, что очень многие слышали в словах Шульгина то, что хотели услышать. Приведем только несколько мнений. Е. Соколов, который, по собственным словам, «восхищался Белой борьбой», пишет: «Я не знаю ни одного устного или письменного заявления Шульгина, в котором он бы “приветствовал” советскую власть»⁵³. В. Бушин, в свою очередь, вспоминает о разговорах с Шульгиным: «Шел год 50-летия Октябрьской революции, и, естественно, беседы наши касались и этой темы. На наши расспросы, как он смотрит на все то, что видит вокруг, он отвечал: “Мы, русские монархисты, хотели видеть Россию могучей и процветающей. Большевики сделали ее такой. И это меня с ними мирит”»⁵⁴. Г. М. Шиманов, в свою очередь, приводит текст беседы, которую он и его товарищи вели с Шульгиным:

«Помолчав, он⁵⁵ спрашивает:

— А почему вы все время говорите о Православии?.. Ведь Православие очень узко...

А-а! Так вот она где, слепота.

— Мы иначе смотрим, — отвечает Виктор Васильевич. — Мы именно в Православии видим источник обновления мира.

— Но почему?

— Вне Христианства мы возрождение не понимаем, а западное христианство как раз и породило нынешнюю секулярность... Ведь гниение-то началось именно на Западе, в недрах католицизма...

— Сколько уж говорили о “гниении Запада”?!.. А он все гниет и гниет... и никак не сгниет»⁵⁶. А вот по мнению иеродиакона Варсонофия, незадолго перед кончиной Шульгина «заметно стало, что его бодрый ум, всегда ищущий и требовательный, все более смирялся перед Соборным Разумением Св. Церкви»⁵⁷. Монархически настроенный публицист В. Н. Осипов, приехавший летом 1970 г. к Шульгину вместе с о. Варсонофием, вспоминал, что в Шульгине его «поразило отсутствие какого бы то ни было раскаяния и за бунт в рядах антимонархического “прогрессивного блока”, и за лживые провокационные речи в Думе, и за требование (совместно с Гучковым) отречения Государя от престола в пользу трепачей и преступников, разваливших Армию и Империю мгновенно после 2 марта 1917 г.», и отмечал, что «покинул 92-летнего свидетеля роковых дней России с чувством невыразимой горечи»⁵⁸. Были и собеседники, которые не могли «добиться от Шульгина согласия со своими идеями» и в итоге безапелляционно заявляли, что «Шульгин — масон»⁵⁹.

Споры о том, насколько искренне принял (и принял ли вообще?) Шульгин советскую власть, лежат не столько в плоскости научных исследований, сколько в политической плоскости. Разные люди могли вынести из беседы с Шульгиным, или из чтения его работ, мнение как о «признании», так и о «не признании» им советской власти. Подобное явление хорошо известно историкам, когда исследователь, игнорируя исторический контекст, некритично воспроизводит оценки понравившейся ему личности, совпадающие с его собственными взглядами, и игнорирует (порой совершенно искренне) то, что не вписывается в его концепцию. В таком случае субъект и предмет исследования совпадают.

В 1974 г. историк Н. Н. Яковлев, завершая работу над книгой «1 августа 1914», решил «обратиться к “живой истории” — В. В. Шульгину»⁶⁰. Беседа состоялась на квартире Шульгина во

Владимире в июне 1974 г. Историка волновал вопрос, верно ли, что накануне революции «в правившем лагере за кулисами четко прослеживалась тенденция к правой автократии»?⁶¹ Ответ Шульгина гласил: «Власть, профессор, она одна, и ее, матушку, делить с кем-либо негоже. Слишком драгоценный дар, нельзя было ее распределить по партиям... А многопартийность... да мало ли о чем болтают на перегонах между политическими станциями? Пустые разговоры для простодушных»⁶². Н. Н. Лисовой вспоминает о своей последней беседе с Шульгиным⁶³: «Говорили о книге Н. Н. Яковлева “1 августа 1914 года”, что-то зачитывали. Василий Витальевич, как всегда, внимательно слушал. Качал головой. Многие факты были как будто и для него новостью. Потом обхватил рукой целиком всю голову... и сказал:

— Чем больше я о ней думаю (то есть о революции), тем меньше понимаю...»⁶⁴

27 июля 1968 года скончалась Мария Дмитриевна. В опубликованном недавно интервью поэт Н. Н. Браун вспоминает: «Я помогал Василию Витальевичу и его супруге в кое-каких житейских делах... Навещал их во Владимире. Последнее мое посещение было связано со срочной телеграммой: “Мария Дмитриевна плоха. Приезжайте”. Приехав, я склонился над умирающей... Она смогла из последних сил благодарно пожать мою руку. И мы с Дедом⁶⁵ сели, рядом с ней, писать письмо их сыну Дмитрию, в Америку. Текст письма от 28 июля 1968 года я тогда переписал для памяти, спрятал, и он чудом сохранился. Вот маленький отрывок из него: “...когда Мария еще понимала все, я сказал ей: Ты уйдешь от нас, а я останусь. К сожалению. Мне нельзя уйти. Я еще не сделал до конца того, что мне положено. В общих чертах, что мне давным-давно, лет 40 назад, было предсказано Анжелиной. Она говорила: «Ваша жизнь с Марией будет период очень долгий, но все же это только период. Перед концом вашей жизни вам суждено стать на челе высокой политики...»”. Вскоре я смог отправить это письмо с оказией и оно дошло до Дмитрия Шульгина»⁶⁶. Проводив супругу в последний путь, Шульгин, по воспоминаниям В. Колесникова, «домой вернулся не сразу, поселившись рядом с кладбищем под Владимиром в деревне Вяткино, и 40 дней прожил там, у свежей могилы жены, а когда вернулся — занемог, и я уже думал, что он не переживет смерть Марии

Дмитриевны, но жизнь брала свое и крепкий организм выдюжил. В этот период о нем особенно трогательно заботились соседи, жители близлежащих домов: приходили приготовить обед, угостить чем-нибудь вкусеньким к чаю, сделать необходимые покупки»⁶⁷. 3 сентября 1971 г. Шульгин записывает один из своих снов, связанных с Марией Дмитриевной: «М. Д. была (во сне) так оживлена и весела, как никогда еще со времени ее смерти. Причина этого осталась мне неизвестной»⁶⁸.

Невозможно сейчас собрать воедино все записи Шульгина и, проанализировав их, понять, как именно эволюционировали взгляды этого человека, начиная от его выхода на свободу и до его кончины. Это тоже работа для будущих историков. «Мое мнение, сложившееся за сорок лет наблюдения и размышления, — писал Шульгин, — сводится к тому, что для судеб всего человечества не только важно, а просто необходимо, чтобы коммунистический опыт, зашедший так далеко, был беспрепятственно доведен до конца... Я твердо стою за продолжение опыта с тем, чтобы довести его до конца. Великие страдания русского народа к этому обязывают. Пережить все, что пережито, и не достичь цели? Все жертвы, значит, насмарку? Нет! Опыт зашел слишком далеко»⁶⁹.

15 февраля 1976 года (в день Сретения Господня) в 11-м часу утра Василий Витальевич Шульгин скончался⁷⁰. «Умер он под иконами, у которых горела лампадка. Среди нескольких икон Василия Витальевича было две маленьких, особенно им любимых: Св. Дмитрия Солунского — ради сына Дмитрия... и Сретения Господня. Ее и возложили на него, положенного во гробе», — писал иеродиакон Варсонофий⁷¹. «Василий Витальевич лежит на постели, прикрытый простыней, — вспоминал Кушникович. — Голова его покоится ровно посередине подушки. Полное впечатление глубокого сна. Лицо несколько не искажено смертью... Рано утром мы пришли прощаться. Приехало еще несколько человек... Мы поставили гроб в кузов грузовика, а сами сели в небольшой автобус»⁷².

«Отпевали Василия Витальевича в церкви, что приютилась у стен Владимирской тюрьмы, и похоронили на том же кладбище в Байгушах, рядом с Марией Дмитриевной, у могучего, разветвленного дуба, который он всегда обнимал, навещая могилу жены»⁷³. Владимирский краеведческий сайт дает следующую справку: «Кладбище “Байгуши” расположено в нескольких кило-

метрах от Владимира рядом с пересечением трасс “Москва — Уфа” и “Владимир — Муром”. Найти могилу Василия Витальевича Шульгина и его жены Марии Дмитриевны можно следующим образом. По главной дороге кладбища доехать до могилы заслуженного работника культуры России Инессы Синявиной, перед которой свернуть направо. Проехав квартал по грунтовке, выйти из машины, посмотреть на склон. Новый каменный крест на могиле Шульгиных заметен на фоне старых памятников⁷⁴. Обе могилы сохранились. До недавнего времени на могиле Шульгина стоял простой высокий деревянный крест, без таблички. На могиле его супруги был установлен стандартный металлический крест поменьше, прикреплена фотография, практически полностью выцветшая, и табличка с надписью: «Шульгина Мария Дмитриевна 3/VIII 1900 Киев — 27/VII — 68. Многострадальную душу ее Господи Успокой». Недавно стараниями жертвователей (в первую очередь — художника Глазунова) могила была облагорожена, и теперь над захоронениями возвышается строгий черный крест, установленный на небольшом постаменте, на котором выбиты имена и даты жизни В. В. Шульгина и его супруги.

Примечания

- ¹ Репников А. В., Христофоров В. С. В. В. Шульгин : обзор документов личного фонда // Вестник архивиста. 2003. № 3/4.
- ² В. В. Шульгин — последний рыцарь самодержавия : новые документы из Архива ФСБ // Новая и новейшая история. 2003. № 4; Репников А. В., Христофоров В. С. Неизвестный Шульгин // Консерватизм в России и мире : в 3 ч. Воронеж, 2004. Ч. 1; Из архивного следственного дела № Р-48956 в отношении Шульгина Василия Витальевича // Консерватизм в России и мире. Ч. 3; Репников А. В., Христофоров В. С. «Октябрьскую революцию я встретил враждебно...» : (документы из следственного дела В. В. Шульгина) // Постигая историю... : сб. науч. ст. Пенза, 2006; Они же. «...Как ярый враг большевиков» : (из следственного дела В. В. Шульгина) // Россия XXI. 2007. № 5; Они же. Вечный странник // Родина. 2007. № 12.
- ³ Куликов В., Черняк И. Путеводитель по Владимирскому централу : тюремное ведомство выпустило первый выпуск рассказов о своих владениях // Рос. газета. 2007. 23 марта.
- ⁴ Имеются в виду события 1918 г.

- ⁵ На допросе Шульгин утверждал, что Георгиевский встречался «с какой-то видной немкой, имевшей близкую связь с Гитлером».
- ⁶ *Шульгин В. В.* Пятна / предисл. и публ. Р. Г. Красюкова // *Лица : биограф. альм.* М.; СПб., 1996. С. 343—344.
- ⁷ Центральный архив ФСБ России. Д. Р-48956. Л. 134—136.
- ⁸ *Шульгин В. В.* Пятна. С. 344.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ *Треннер Л.* Большая игра : воспоминания советского разведчика. М., 1990. С. 330.
- ¹¹ Там же. С. 330—331.
- ¹² Там же. С. 331.
- ¹³ Там же. С. 331—332.
- ¹⁴ *Шульгин В. В.* Пятна. С. 360.
- ¹⁵ Там же. С. 404. См. также этот эпизод в статье: *Жуков Д. А.* «Перед судом истории» и черная шляпа : из материалов для романа «Сны» // *Русь.* 1992. № 1. С. 109.
- ¹⁶ *Шульгин В. В.* Пятна. С. 404.
- ¹⁷ Там же. С. 405—406.
- ¹⁸ Там же. С. 406.
- ¹⁹ Там же. С. 79—80. Журналист И. Романов в статье «Гражданин со штампом “без гражданства”», приуроченной к 125-летию со дня рождения Шульгина, приводит несколько иной текст этого письма: «Мы ехали в “Победе”. Казалось бы, чего лучше. Но дело в том, что эта “Победа” стояла на грузовике. Нас подбрасывало на ухабах до девятого неба. Зато здесь мы были вознаграждены удобствами, о которых письменный стол, настольная лампа, электроплитка и шифоньер зеркальный дают представление. Дом инвалидов во Владимире — учреждение современного типа, где применен возможный для такого дома комфорт».
- ²⁰ *Галанишина Т. Г., Закурдаев И. В., Логинов С. Н.* Владимирский централ. М., 2007. С. 80.
- ²¹ *Филиппова Т.* «Железные маски» Владимирского централа // *Комсомольская правда.* 1997. 18 июля. С. 7.
- ²² Там же.
- ²³ *Шаронов Э.* Гость из прошлого : рассказ контрразведчика // *Красная звезда.* 2002. 18 мая. Публикация снабжена фотографией с подписью: «В. В. Шульгин и сестра одного из первых руководителей советской внешней разведки А. Х. Артузова. 1970-е годы».
- ²⁴ Там же.

- ²⁵ Шульгин В. В. Письма к русским эмигрантам. М., 1961; *Он же*. «Россия — Родина моя!» : письма к русским эмигрантам (отрывки) // Почему мы вернулись на родину : свидетельства реэмигрантов : сб. М., 1983.
- ²⁶ Шульгин В. В. Письма к русским эмигрантам. С. 94.
- ²⁷ См.: Колесников В. Владимирский узник // Свет : природа и человек. 1990. № 12. С. 35.
- ²⁸ Красюков Р. Г. Предисловие // Шульгин В. В. Пятна. С. 318.
- ²⁹ Соколов Е. Вместо некролога... // Русская мысль. 1976. 8 апр. С. 8. В подписи к статье указано: «Автор этого свидетельства — крестник В. В. Шульгина». В другой статье Соколов уточняет: «Василий Витальевич стал мне... не просто близким человеком, но и крестным отцом» (Соколов Е. У Шульгина во Владимире // Посев. 1981. № 6. С. 31).
- ³⁰ Соколов Е. У Шульгина во Владимире. С. 30.
- ³¹ Шульгин В. В. Последний очевидец : Мемуары. Очерки. Сны. М., 2002. Вклейка 2-я. Последняя ил.
- ³² Фомин В. От камеры до камеры // Родина. 2008. № 1. С. 89.
- ³³ См.: Там же.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Жуков Д. А. Ключи к «Трем столицам» // Шульгин В. В. Три столицы. М., 1991. С. 485.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же. С. 384.
- ³⁸ Шульгин В. В. Размышления. Две старые тетради // Неизвестная Россия. XX век. М., 1992. Кн. 1. С. 319.
- ³⁹ Там же. С. 320.
- ⁴⁰ Там же. С. 319.
- ⁴¹ Поляков Ю. А. Апрель шестьдесят седьмого: страсти по Шульгину // Вопросы истории. 1994. № 3.
- ⁴² Там же. С. 123. После этого издательство «Советская Россия» возвратило Шульгину уже почти принятую к печати рукопись.
- ⁴³ Соколов Е. У Шульгина во Владимире. С. 29.
- ⁴⁴ Касвинов М. К. Двадцать три ступени вниз. М., 1987. С. 18.
- ⁴⁵ Никулин Л. В. Мертвая зыбь. М., 1965.
- ⁴⁶ «Операция “Трест”». Автор сценария А. Юровский, режиссер-постановщик С. Колосов, оператор-постановщик В. Железняков, художник-постановщик М. Карташев, композитор Ю. Левитин. Киностудия «Мосфильм». 1967 г. 4 серии. В главных ролях: И. Горбачев (Якушев), А. Джигарханян (Артузов), Л. Касаткина (Захарченко-Шульц), Д. Банионис (Стауниц). В фильм вошли документальные съемки ин-

- тервью В. В. Шульгина. Эти же съемки, хотя и сделанные с другого ракурса, были использованы в фильме «Перед судом истории».
- ⁴⁷ *Кушнирович М.* Тот самый Шульгин // *Родина*. 1995. № 6. С. 58.
- ⁴⁸ *Жуков Д. А.* Таинственные встречи. М., 1992. С. 3—82.
- ⁴⁹ Помещен на оборотной стороне первой страницы обложки журнала «Наш современник» в № 11 за 1997 год. Подробнее см.: *Глазунов И. С.* Россия распятая. С. 295—312.
- ⁵⁰ *Шиманов Г. М.* Машинопись. «Из архива к.м.н. Чернышева М. В. Он же составитель и издатель собрания сочинений в 2 томах Шиманова Г. М.». М., 1980. Т. 2; См. также: *Шиманов Г. М.* «Абулия императора?» // *Слово*. 1993. № 7/8.
- ⁵¹ *Десятников В. А.* Владимир // *Московский журнал*. 2006. № 5. С. 10.
- ⁵² *Варсонофий (Хайбулин), иеродиакон.* «Ныне отпускаеши...»: (памяти В. В. Шульгина) // *Вестник РСХД*. 1976. № 117. С. 293.
- ⁵³ *Соколов Е. У* Шульгина во Владимире. С. 30.
- ⁵⁴ *Бушин В.* Народ — за Сталина // *Завтра*. 2008. № 11. С. 4.
- ⁵⁵ Т. е. В. В. Шульгин.
- ⁵⁶ *Шиманов Г. М.* Машинопись. С. 258—259.
- ⁵⁷ *Варсонофий (Хайбулин), иеродиакон.* Указ. соч. С. 295.
- ⁵⁸ *Осипов В. Н.* Корень нации : записки русофила. М., 2008. С. 81, 82.
- ⁵⁹ Об одном из таких случаев см.: *Соколов Е. У* Шульгина во Владимире. С. 29.
- ⁶⁰ *Яковлев Н. Н.* 1 августа 1914. 3-е изд., доп. М., 1993. С. 276.
- ⁶¹ Там же. С. 277.
- ⁶² Там же.
- ⁶³ Она состоялась 25 января 1976 года за три недели до смерти Шульгина.
- ⁶⁴ *Лисовой Н. Н.* Последний очевидец // Шульгин В. В. Последний очевидец. С. 22.
- ⁶⁵ Т. е. с В. В. Шульгиным.
- ⁶⁶ *Браун Н.* «Перед судом истории» — депутат императорской Думы Василий Шульгин // *Посев*. 2008. № 2. С. 35.
- ⁶⁷ *Колесников В.* Указ. соч. С. 35.
- ⁶⁸ См.: *Лисовой Н. Н.* Указ. соч. С. 8.
- ⁶⁹ *Шульгин В. В.* Опыт Ленина // *Наш современник*. 1997. № 11. С. 145.
- ⁷⁰ *Варсонофий (Хайбулин), иеродиакон.* Указ. соч. С. 292.
- ⁷¹ Там же. С. 295.
- ⁷² *Кушнирович М.* Указ. соч. С. 58.
- ⁷³ *Колесников В.* Указ. соч. С. 37.

⁷⁴ *Борисов Ю.* Могилы знаменитостей : Шульгин Василий Витальевич (1878—1976) : как найти могилу // URL: <http://m-necropol.narod.ru/shulgin1.html>.

ББК 63.3(2)+284.6

Ф. Т. Ахунзянова

**РОМАН Д. С. МЕРЕЖКОВСКОГО «ДАНТЕ»
В КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ
РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ**

В первые годы XX века у Д. С. Мережковского существенно осложнились отношения с властями и церковью, в связи с чем он вместе со своей женой З. Гиппиус был вынужден уехать из России. Эмигрантский период творчества Д. С. Мережковского характеризуется тем, что несмотря на изобилие привлекаемого материала и кажущееся разнообразие тем, центральные мысли в его произведениях оставались неизменными. Некоторые критики считали его последние произведения одной гигантской постройкой и в каком-то смысле были правы. Сам Д. С. Мережковский подчеркивал кардинальную особенность своего творчества: «Это — звенья одной цепи, части одного целого. Не ряд книг, а одна, издаваемая только для удобства в нескольких частях. Одна — об одном»¹.

Еще на Родине он пришел к мысли о необходимости создания такого религиозного учения, которое спасло бы общественную мысль и русскую духовность от оскудения и деградации. Его поиски оформились в идею Третьего Завета, которая была внешне отделена от государственной церкви, но внутренне сохраняла

© Ахунзянова Ф. Т., 2009

Ахунзянова Фарида Тагировна — кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии и филологии Костромского государственного технологического университета. farida.ahunzyano@mail.ru

союз с Православием. За подтверждением своей теории Д. С. Мережковский обратился к мировой истории.

В ряду книг, написанных им в период эмиграции, можно назвать такие произведения, как трилогия «Тайна Трех» (1925—1930), «Иисус неизвестный» (1934), «Испанские мистики» (1941), «Реформаторы: Лютер, Кальвин, Паскаль» (1941), а кроме того, биографические романы, в число которых входит роман «Данте» (1937).

Вынужденное пребывание Д. С. Мережковского за границей во многом обусловило смысловое содержание этого произведения. Как справедливо замечает А. Николюкин: «В мировой литературе нового времени Данте — первый поэт-эмигрант, и русская эмиграция хорошо это помнила, видела в нем своего пращура»². Д. С. Мережковский более всех остальных сопоставлял себя с Данте, хотя прямо и не высказывался об этом. Как и Данте, он глубоко переживал разлуку с Родиной — каждая строчка романа пронизана этой тоской: «О, чужая — родная земля! Почему именно здесь я чувствую больше, чем где-либо, что тоска по Родине в сердце изгнанников неутолима, — не хочет быть утолена? Почему я не знаю, лучше ли мне здесь, в этом раю почти родной мне земли, чем было бы там, в аду совсем родной? И может ли земную Родину заменить даже небесная?.. Почему звучит в сердце моем эта тихая, как плач ребенка во сне, жалоба Данте-изгнанника: “О, народ мой! Что я тебе сделал?”»³

Если Данте «изгнан был из Флоренции без всякой вины, только потому, что принадлежал к Белым»⁴, то Д. С. Мережковский был вынужден покинуть Родину только потому, что не хотел принадлежать ни к одной из политических партий, существовавших тогда в России. Но более всего писатель не принимал идеи большевизма, видя в нем наступающее «Царство зверя», предзнаменование Апокалипсиса.

Именно в Европе он в полной мере почувствовал свое бессилие и отчаяние, ибо то, что представлялось ему трагедией, «петлей на шее России», другие страны, другие народы предпочитали просто созерцать, хотя и с ужасом. «Все, что сейчас происходит в России, так неимоверно, что этого никто из вас, иностранцев, не побывавших на “том свете”, не только понять, но и вообразить себе не может», — пишет Д. С. Мережковский в от-

крытом письме Г. Гауптману, призывая откликнуться, спасти русский народ от «его убийц»⁵. В романе, говоря о политической деятельности Данте, он между строк намекает на события, происходящие в его стране: «Лютою ненавистью ненавидит Данте не истинное, а мнимое народовластие — власть черни, ту “демагогию”, где... качество приносится в жертву количеству, личность — в жертву безличности, свобода — в жертву равенству. Между этими двумя огнями, — свободой и равенством, — вся тогдашняя Флоренция, вся Италия, а потом будет и весь мир»⁶. Очевидно, что писатель проводит четкую параллель между собой и Данте в отношении жизненных обстоятельств и личностной позиции. «Все человечество в русской трагедии оказалось бессовестным — вот, что самое страшное», — сетует Д. С. Мережковский⁷. Ему ничего не остается, кроме как действовать в одиночку, но он не может просто наблюдать за происходящим; так же и Данте: «Не созерцание, а действие есть цель всего творения...»⁸ Уже в предисловии Д. С. Мережковский противопоставляет Гомера, Шекспира и Гете, европейских писателей-созерцателей, человеку действия, творцу и борцу — Данте, восхищаясь последним и возвеличивая его до Богочеловека. Тем самым писатель выражает протест против бездеятельности Европы, ничего не сделавшей для спасения России, а оставшейся созерцать происходящее. Только Данте и только Д. С. Мережковский — каждый в свое время — пытаются действовать; цель их жизни и творчества — «с гибельного пути, под знаком Двух, вернуть заблудившееся человечество на путь спасения, под знаком Трех»⁹.

На символической цифре Три построена вся «Божественная комедия»: она написана терцинами, имеет три части — Ад, Чистилище и Рай — в каждой по тридцать три песни и т. д. Три — это символ мира. Символ войны — число Два. Чтобы окончилась война, считает Д. С. Мережковский, нужно, чтобы Два соединились в Третьем: два класса — в народе, два народа — во всемирности, две этики — в святости. Когда это происходит, то «они уже Одно — в Трех и Три — в Одном»¹⁰. Догматом Троицы роман начинается и заканчивается; уже в предисловии читаем: «Все, чем Данте жил, и все, что сделал, заключено в этом одном, самом для нас непонятном, ненужном и холодном из человеческих слов, а для него — самом нужном, огненном и живом: Три»¹¹; в конце же романа

Д. С. Мережковский опять подчеркивает: «...люди не слышат, вот уже семь веков, и сколько еще веков не услышат передаваемого Данте из прошлого в будущее самого непонятного для них, неизвестного и как будто ненужного слова, а на самом деле единственно нужного и единственно спасающего: Три»¹².

Новая Церковь Д. С. Мережковского также должна была возникнуть, по его мнению, «не из соединения существующих <...> не из соглашения их, со временными уступками, а совсем новая, хотя, может быть, из них же выросшая»¹³. Суть идеи сводилась к следующему. Судьба мира имеет три этапа: Бога-Отца, Творца Ветхого Завета, когда жизнь проходит под законом «господин и раб»; период Сына Божьего Христа («отец и дитя»), длящийся и поныне; в грядущем откроется «Третий Завет» — «Царство Духа». Еще в предисловии к своему переводу романа Лонга «Дафнис и Хлоя» (1896) Д. С. Мережковский заявил, что «около IV века... была сделана грандиозная попытка гармонического слияния древнего, олимпийского, и нового, галилейского, начала в одну, еще неиспытанную и невиданную культуру»¹⁴. Такой новой культурой и должно было стать Третье Царство, одним из предвестников которого являлся, по мнению Д. С. Мережковского, Данте: «...за семь веков до нас Данте понял то, чего и в наши дни почти никто не понимает, — что страшный узел социального неравенства, грозящий именно в наши дни затянуться в мертвую петлю и задушить человечество, может быть развязан только в Третьем Завете — в Царстве Духа...»¹⁵

В образе Данте Д. С. Мережковский выразил главную идею своей теории: человек — это посредник между земным и небесным началами, а другими словами, это путь схождения мира в единое целое. Беатриче была воплощением любви небесной, т. е. небесного начала, Данте — соответственно, земного. Пройдя семь кругов ада, он соединяется с Беатриче: «То, чего он хотел, и не мог достигнуть на земле, — тайны брачной любви: “будут два одною плотью”, — здесь, на небе, исполнилось»¹⁶. Таким образом, он, обретя свое второе начало, воскресает обновленный «всего его объемлющим и проникающим дыханием Духа-Матери»¹⁷.

Современники по-разному оценили роман Д. С. Мережковского. Одни отрицательно отзывались о его стиле, находя его не-

сколько однообразным, «холодным»; другие упрекали Д. С. Мережковского в полном растворении его в личности героя. Впрочем, общая концепция романа была принята сочувственно. Так, русский философ И. Ильин писал: «Первое, что бросается в глаза, это то, что Мережковский художник, романист и драматург, всегда держится за исторически данный материал. Он всегда занят крупными или великими фигурами истории... и замечательными, сложными и смутными в духовном отношении эпохами»¹⁸. На наш взгляд, Д. С. Мережковский идет дальше: он не просто рассматривает определенные события и личности, но и соотносит их со своим временем, с собою самим, то есть освещает их «светом времени, истории»¹⁹.

Примечания

- ¹ Цит. по: *Сарычев Я. В.* Религия Дмитрия Мережковского: «Неохристианская» доктрина и ее художественное воплощение. Липецк, 2001. С. 3.
- ² *Николюкин А. Н.* Два биографических романа Д. С. Мережковского // Мережковский Д. С. Данте. Наполеон. М., 2000. С. 3. (Собр. соч.)
- ³ *Мережковский Д. С.* Указ. соч. С. 19—20.
- ⁴ Белые гвельфы — одна из политических партий. «Флоренция разделилась на две партии — Белых и Черных: к Белым принадлежали лучшие люди Флоренции; к Черным — те, кто похуже или совсем плохие <...> Белые — умеренные, средние; Черные — крайние. <...> Данте соединяется с Белыми, умеренными против Черных (большой частью мнимых вождей народа)» (Там же. С. 77).
- ⁵ *Мережковский Д. С.* Письмо Г. Гауптману, 1 августа 1921 г. // Русская речь. 1993. № 5. С. 37.
- ⁶ *Мережковский Д. С.* Данте. Наполеон. С. 78.
- ⁷ *Мережковский Д. С.* Письмо Г. Гауптману. С. 38.
- ⁸ *Мережковский Д. С.* Данте. Наполеон. С. 14.
- ⁹ Там же. С. 18.
- ¹⁰ Там же. С. 17.
- ¹¹ Там же. С. 13.
- ¹² Там же. С. 23.
- ¹³ *Мережковский Д. С., Гиппиус З. Н.* 14 декабря : роман. Дмитрий Мережковский : воспоминания. М., 1991. С. 342.
- ¹⁴ Цит. по: *Фридлиндер Г. М.* Д. С. Мережковский и Г. Ибсен : (у истоков религиозно-философских идей Мережковского) // Русская литература. 1992. № 1. С. 32.

¹⁵ *Мережковский Д. С.* Данте. Наполеон. С. 233.

¹⁶ Там же. С. 240.

¹⁷ Там же. С. 231.

¹⁸ *Ильин И. А.* Мережковский-художник // Звезда. 1991. № 6. С. 199.

¹⁹ *Николюкин А. Н.* Указ. соч. С. 8.

ББК 63.3(5Гру)+283.2

Б. Ю. Мурванидзе

ГРУЗИНСКИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ ЭПОХИ ЭДУАРДА ШЕВАРДНАДЗЕ

Формирование интеллигенции в новых независимых государствах проходило на фоне разнообразных политических, экономических и духовных трансформаций. Наследие советской интеллектуальной мысли видоизменялось и приобретало новый, постсоветский статус.

Интеллигенция приняла самое активное участие в процессе построения и самоидентификации новых независимых государств на постсоветском пространстве. Именно на ее плечи легло интеллектуальное обоснование существования этих государств на рубеже XX—XXI веков, определение ориентиров развития государства и общества. Видные представители интеллектуальной элиты стали формировать повестку дня не только в духовной сфере, но и в политической. Политики-практики зачастую обращались за моральной и идеологической поддержкой к теоретикам — интеллигенции.

Наиболее острые общественно-политические процессы происходили в тех государствах, где интеллигенция переживала внутренние противоречия, и процесс духовного созидания национального самосознания оборачивался взрывами откровенного шовинизма и ксенофобии.

© Мурванидзе Б. Ю., 2009

Мурванидзе Борис Юрьевич — аспирант кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Ивановского государственного университета. shankhar@mail.ru.

Новейшая история Грузии представляет собой непрерывный процесс «собирания нации» — как политический (борьба с этносепаратизмом в Абхазии, Южной Осетии и Джавахетии и территориальным сепаратизмом в Аджарии и Сванетии), так и духовный (трансформация грузинской нации из части советского общества в независимую культурно-этническую общность). На этом фоне происходило разобщение грузинской интеллигенции на так называемую «старую» и «новую».

За последние пятнадцать лет в Грузии образовался существенный разрыв между «старой» интеллигенцией и «новыми» интеллектуалами. «Старые» имеют сильные позиции в традиционных академических учреждениях (Академия наук, университеты), творческих союзах (Союз писателей и т. д.), тогда как «новые» предпочли «неправительственные организации» или новые медиа-структуры, основанные на рыночных принципах; для «старых» второй язык — русский (а за русским — немецкий), новые, большей частью, владеют английским¹. Русский язык для нового поколения грузинских интеллектуалов из привилегированного языка культуры превратился в один из языков наряду с другими.

Молодые специалисты стали уходить из науки и образовали именно тот сектор, который стал называться «неправительственной сферой»². Многие видные грузинские интеллектуалы оставили научные посты и ушли в разные местные филиалы западных фондов или основали неправительственные организации: философ Гиа Нодиа учредил Кавказский институт мира, демократии и развития, филолог-классик Леван Бердзенишвили из университетского преподавателя превратился в видного общественного деятеля (правда, и в советское время он был не просто ученым, но также и известным диссидентом, который вместе со своим братом Давидом отсидел три года в ГУЛАГе); филолог-классик Давид Пайчадзе, историк Давид Лосаберидзе, философ Зураб Чиаберашвили — все они, покинув научные учреждения (или лишь номинально оставаясь в них), стали общественными фигурами.

Конечно же, причина всего этого — отчасти в низкой оплате интеллектуальной работы в университетах и других научных учреждениях, с одной стороны, и в конъюнктуре, с другой, — ведь западные фонды охотно субсидируют именно правозащитные и либеральные проекты разного толка.

После распада советской власти и свержения режима Гамсахурдиа в Грузии стал намечаться один интересный феномен — полная маргинализация как левого, так и националистического направления в интеллектуальной мысли. При Эдуарде Шеварднадзе господствующей идеологией в грузинском общественном пространстве становится демонстративно прозападный, либеральный курс, впитавший кое-что как из риторики националистического традиционализма (окрашенного православными тонами), так и из откровенно левой риторики.

У истоков этой идеологической модели стоит Мераб Мамардашвили, который за последнее десятилетие своей жизни из московского философа превратился в грузинского общественного деятеля и грузинского интеллектуала. Введенные Мерабом Мамардашвили понятия оказались необычайно живучими и, в каком-то смысле, конъюнктурными: в первую очередь, нужно отметить принцип «грузинской рыцарской легенды», за которой, по словам Мамардашвили, никогда не стояло никакой объективной реальности, но с помощью которой нация реально осознает самую себя. Современные интеллектуалы, вслед за Мамардашвили, коренное отличие Грузии от византийско-российского мира видят именно в таких автономных феноменах грузинской культурной и политической жизни, которые в чем-то сродни отдельным феноменам европейской культуры («раиндоба» — «рыцарство», «миджнуроба» — «куртуазность», «цивилизация Руставели» — «цивилизация Данте» и т. д.).

Однако когда в Грузии националистическое движение возглавил Звиад Гамсахурдиа, выдвинувший лозунг «Грузия — только для грузин», Мамардашвили укорил его в «сверхнормативном» темпераменте: «Гамсахурдиа использует в своих интересах необузданные страсти, он вскормлен вырвавшимися на свободу страстями»³.

Вскоре после провозглашения независимости общий настрой в пользу западной демократии и рыночной экономики подвергся суровому испытанию. «Прозападные» националисты преуспели в определении общих целей, но реальное развитие событий оказалось не слишком соответствующим их же видению западных идеалов.

Корень проблем оказался не в «коммунистическо-имперском центре» — но во внутренней политической динамике, в ча-

стности в политической национальной реакции определенных меньшинств (а именно — осетин и абхазов) на стремление Грузии к независимости и в проявившемся расколе между различными фракциями национального движения.

Новая элита постаралась свести оба ряда проблем к советско-российским провокациям. Однако, вне зависимости от того, были эти проблемы инспирированными извне или произросшими на родной почве, они требовали решения, и грузинская элита не смогла подобрать к ним ключ.

Вскоре страна стала ареной продолжительных этнотерриториальных войн и гражданских столкновений. Кроме того что эти конфликты препятствовали построению нового государства и подорвали доверие к национально-освободительному движению, они разрушили международную репутацию Грузии. Запад не просто не выполнил предполагаемых обязательств и не подал Грузии руку помощи, но действительно повернулся к ней спиной.

Один из самых важных политических мотивов падения режима Звиада Гамсахурдиа заключался в том, что в нем видели неудачника, который настроил против себя Запад — единственного потенциального союзника Грузии, на которого она возлагала большие надежды в борьбе за независимость.

Хотя восстанием непосредственно руководил Тенгиз Китовани, скульптор, превратившийся в военного командира, другие ведущие отступники в той или иной мере были связаны с внешней политикой: премьер-министр, министр иностранных дел, председатель парламентского комитета по иностранным делам. Эти люди непосредственно знали о том, что Запад отверг Грузию. И они не без оснований полагали, что с такой визитной карточкой, как Гамсахурдиа, у Грузии и не было никаких шансов на международное признание. Это объясняет и то, почему победившая коалиция решила пригласить Эдуарда Шеварднадзе, бывшего коммунистического лидера Грузии и министра иностранных дел СССР, на роль нового лидера⁴.

Эдуард Шеварднадзе олицетворял прошлую стабильность и надежду на возвращение к ней. Но в его случае было бы упрощением полностью сводить смысл возвращения к элементу реставрации. Шеварднадзе не получал власти от ностальгически настроенного народа и восторженной интеллигенции; его пригласили, при-

ветствовали или по меньшей мере приняли различные политические силы антикоммунистической и прозападной направленности.

Ему ставили в заслугу не столько опыт коммунистического руководителя, сколько вклад в разрушение коммунистической системы. Основная причина, по которой Шеварднадзе получил широкую поддержку как лидер независимой и некоммунистической Грузии, было представление о нем как о единственном лидере, способном наладить отношения с Западом.

Однако нужно учитывать, что идея Запада прежде всего укоренена в идеале свободного, автономного, самодостаточного человеческого индивида. «Прозападная» ориентация же Грузии, напротив, была основана на весьма незападной идее иждивенчества. Энтузиазм по поводу проекта нефтепровода подразумевает — и может усилить — видение паразитического благосостояния при щедром покровителе, когда Грузия живет, не слишком напрягаясь, с транзитных поступлений.

Придя к власти в 1992 году, Э. А. Шеварднадзе, по существу, продолжил националистическую линию З. Гамсахурдиа. При этом Э. А. Шеварднадзе не пожелал признавать действительных причин недовольства национальных меньшинств и пытался представить главной виновницей событий Россию, называя ее политику «эхом имперских времен и рецидивом имперского мышления»⁵.

Причину таких отношений между Москвой и Тбилиси следует искать в том, что современная грузинская государственность в основном опирается на антироссийские корни. Политическая элита Грузии как правило ищет виновных в собственных ошибках за пределами страны. В грузинской политтехнологии и общественной мысли эту роль заняла Россия. В грузинской мифологии всегда действовали три главных субъекта: первый — большая страна — враг Грузии, второй — большая страна — защитница Грузии и третий — герой-победитель, или страна-спасительница Грузии»⁶.

В то же время, один из апологетов правления Эдуарда Шеварднадзе заявлял, что на смену шараханью из одной крайности в другую пришел последовательный курс, в фундамент которого заложено реалистическое видение возможной роли и функции Грузии в мировом сообществе, упрочнение соответствующих

ориентиров, обзаведение надежными партнерами и установление с ними стабильного сотрудничества⁷.

Под крайностями же в данном случае подразумевается самоубийственный изоляционизм первого национального правительства Грузии под руководством Звиада Гамсахурдиа (осень 1990 — начало 1992 г.), которое тщетно пыталось совместить антироссийский курс с антизападным.

Абсолютное большинство грузинской политической и интеллектуальной элиты видело выход из сложившейся ситуации в одном — прогрессивной вестернизации, вхождении Грузии в западные политические структуры и более-менее «мягком разводе» с Россией и советским прошлым.

Откровенно признавалось, что выгодные транспортные артерии, проходящие через территорию Грузии, требуют стабильной, предсказуемой (или даже управляемой) политико-экономической среды, и для обеспечения этого Грузия должна получать перманентную и действенную поддержку от Запада.

Роль Грузии XXI века определилась и получила интеллектуальное обоснование как одного из ключевых участков в возрождении Великого шелкового пути — трансконтинентальной многопрофильной транспортной магистрали, в перспективе призванной по суше связать Западную Европу с Азиатско-Тихоокеанским регионом. А это значит, что у Грузии появляются реальные шансы обрести именно ту самую роль и функцию в мировом сообществе государств, без которых она была бы обречена на прозябание на периферии чьей-то сферы геополитических интересов. Именно в этих сложных финансово-политических играх вокруг нефтепровода президент Шеварднадзе и проявлял свой дипломатический потенциал, с целью превратить себя и свою страну в необходимое, жизненно важное связующее звено для западных партнеров.

Во второй половине правления Эдуарда Шеварднадзе сформировался так называемый круг «молодых демократов». Молодые интеллектуалы, общественники, бизнесмены и политики, получившие образование на Западе, стали всё активнее проникать во все слои правящего истеблишмента. Пользуясь поддержкой западных покровителей и не встречая противодей-

ствия со стороны «серебряного лиса», они постепенно стали доминирующей идейной силой в Грузии. Более того, наиболее видные представители «молодых демократов» стали одними из лидеров коалиционной партии, созданной для поддержки политики Эдуарда Шеварднадзе, — Союза граждан Грузии. Интеллектуалы — бывший руководитель движения «зеленых» в Грузии Зураб Жвания, председатель парламента Нино Бурджанадзе, правозащитник Ирина Саришвили-Чантурия, с одной стороны, и уличный харизматик, министр юстиции Михаил Саакашвили, с другой, стали самыми видными апологетами прозападного курса Грузии. Выдвигая на первый план приоритет именно европейских духовных и политических ценностей, они апеллировали как к славному историческому прошлому страны, так и к перспективному будущему.

Говоря о взглядах грузинской интеллигенции, нельзя не учитывать точку зрения культурной ее части — музыкантов, архитекторов, артистов. По тем или иным причинам многие из них покинули Грузию в сложные 90-е годы и обосновались в России. Вахтанг Кикабидзе, Тамара Гварцетели, Нани Брегвадзе, Зураб Церетели и другие стали проводниками сближения (а точнее сказать — возвращения хороших отношений) России и Грузии. Редко позволяя себе политические комментарии, они, тем не менее, давали положительный пример именно культурного, интеллектуального диалога двух народов. С другой стороны, творческая интеллигенция, оставшаяся в Грузии или же переехавшая на Запад — актриса Софико Чаурели, кинорежиссер Отар Иоселиани, часто в достаточно эмоциональной форме критиковали политику России по отношению к Грузии. Их взгляды на дальнейшее развитие Грузии скорее лежали в русле прозападного курса грузинской политической элиты.

Таким образом, можно сделать вывод, что грузинская политическая и интеллектуальная элита, по сути, делали одно дело — формировали грузинскую независимую государственность так, как умели, и так, как того требовали ментальные и поведенческие стереотипы, доминирующие в грузинском социуме и особенно в его верхушечных слоях.

Грузинская интеллектуальная элита в основной своей массе не видела иной альтернативы для Грузии кроме ориентации

внешнеполитического курса на запад, мотивируя это мощной инерцией имперского образа мышления России (пусть и не подкрепленного фактической ситуацией в этой стране и основными тенденциями развития политических, экономических и социальных процессов), снисходительно, но в то же самое время алчно именующей постсоветские государства «ближним зарубежьем». Смещение стрелки внешнеполитического компаса Грузии на «север» будет означать возвращение в зону аномалии, где магнитные и прочие бури могут смести всё и вся⁸.

Особенности грузинской внутренней политики диктовали и стратегический курс политики внешней, заостренной против России, которая мешает радикально решить проблему мятежных эксавтономий силовыми методами. Соответственно и стратегические опоры для себя грузинская дипломатия ищет исключительно на Западе, надеясь занять выгодную позицию в общем фронте сил, борющихся против «русского империализма»⁹.

Подводя итог, можно отметить, что вестернизация грузинской интеллектуальной и политической элиты постепенно достигает необратимой точки невозврата. Начатый еще при Эдуарде Шеварднадзе прозападный вектор грузинской внешней политики сформировал целое поколение грузинского истеблишмента, которое не мыслит никаких других путей развития страны иначе, чем через поспешное вступление в НАТО, гипотетическую интеграцию в структуры Евросоюза, а также жесткую антироссийскую риторику.

Примечания

¹ Нодия Г. Старая интеллигенция и новые интеллектуалы: изменение парадигмы? // Общество и политика. 2002. № 4. С. 9—10 (на грузинском языке).

² Шатиришвили З. «Старая» интеллигенция и «новые» интеллектуалы: грузинский опыт. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2003/1/shati.html> (дата обращения 30.04.2009).

³ См.: Рыбаков С. В плену иллюзий и самообмана: «особенности» мышления грузинской элиты. URL: <http://gazeta-slovo.ru/content/view/537/1/> (дата обращения 30.04.2009).

⁴ Нодия Г. Образ Запада в грузинском сознании. URL: http://infospace.narod.ru/publik/obraz_zapada.htm (дата обращения 30.04.2009).

- ⁵ *Шеварднадзе Э.* Экономическая блокада Грузии не делает чести России // Независимая газета. 1992. 6 июня.
- ⁶ *Антадзе И.* Парламентские выборы в Грузии. URL: <http://www.cas.org/journal/cas-06-1999/antadse.shtml> (дата обращения 30.04.2009).
- ⁷ *Марков С.* Грузинская политическая элита имеет антироссийские корни. URL: <http://www.newregion.net/print.php?i=8584> (дата обращения 30.04.2009).
- ⁸ *Бердзенишвили Д.* Место Грузии в системе евразийских транспортных коридоров. URL: http://www.niurr.gov.ua/ru/conference/sevastopol_conf/david.htm (дата обращения 30.04.2009).
- ⁹ *Головков А.* Синдром национал-демократии. URL: <http://www.politjournal.ru/index.php?action=Articles&dirid=40&tek=8123&issue=218> (дата обращения 30.04.2009).

В. П. Раков

ЗАМЕТКИ ДИЛЕТАНТА (О книге доцента Д. Смирнова¹)

Книги пишутся по-разному. Одни из них рождаются из собранных исследователем материалов и источников, выстроенных по избранной автором логической схеме. Подобные издания, не выходящие за рамки профессионального стиля, хороши тем, что соответствуют нормам «литературы по теме». В других же сочинениях читатель находит ту же энциклопедическую полноту источников и значимых фактов, столь же ясные, как сейчас говорят, пафосные линии и четкую систему координат, в которых рассматривается та или иная проблематика. Кажется, что вопрос о том, чем же отличается один тип исследований от другого, вроде бы и неуместен. Однако это не так, совсем не так. Стиль второго автора не похож на стандартные образцы, принятые в современном научном дискурсе. И дело здесь не в формальных отличиях письма в срезе образности и цветистости выражений — этого наука не терпит, а совсем в другом — в иной призме восприятия изучаемой темы, которая в глазах автора предстает в своей многогранной противоречивости и стереоскопическом богатстве смыслов. И есть еще одна, едва ли не главная, особенность такого взгляда ученого на вещи: что бы ни попало в горизонт его внимания, все осеняется идеей человековедческого плана и получается так, что любая, даже самая абстрактная мысль кажется нам лю-

© Раков В. П., 2009

Раков Валерий Петрович — доктор филологических наук, профессор, заместитель главного редактора журнала «Интеллигенция и мир».

бопытной и остро актуальной. Как-то Я. Голосовкер заметил, что *интересное* есть элемент *чуда* и потому-то последнее хочется созерцать и постигать, испытывая чувство наслаждения. Не об этом ли писал Р. Барт в статье «Удовольствие от текста»?

Книга, о которой пойдет речь, вызывает у меня гедонистическую реакцию, хотя прямо и не связанную с моей профессией: сочинение Д. Смирнова — философское, я же — филолог, ну, и, если вспомнить то, что записано в моем университетском дипломе, еще и историк. Поэтому читателю этих строк вряд ли стоит ожидать квалифицированной рецензии на труд ученого. В силу вышесказанного, мой отзыв — это суждения дилетанта, увидевшего в трактате коллеги «с другого берега» то, что интересно человеку, не чуждому склонности к теоретизированию на темы эстетики и литературоведения, а также, правда, не часто, заглядывающему в фолианты по истории своего Отечества и зарубежных стран.

Для всякого гуманитария небезразлична тематика, избранная Д. Г. Смирновым. Как видно из названия сочинения, тут речь идет о проблемах, неотъемлемых от изучения истории человеческого духа. Такие термины, как семиология и рядом с нею стоящая семиотика, в последние десять-пятнадцать лет — семиосфера, а еще ранее того — биосфера и дискурс, подчиняясь закону филиации идей, интенсивно расширили пространство своего функционирования. Процесс этой своеобразной языковой глобализации не только неизбежен, но и плодотворен, обеспечивая возможность таких исследований, в результате которых возникает ценный опыт осмысления межпредметных областей знания.

В книге внимательнейшим образом рассматривается вопрос о внутренней, можно сказать так: органической связи понятий биосферы, ноосферы и семиосферы. Я высоко ставлю стремление ученого ввести эти понятия в контекст *целого*, что позволяет найти для последнего обобщающий термин — ноосферология.

В наше время, когда устрашающими темпами происходит дифференциация отраслей знания и даже смежных областей внутри них, не мешает вспомнить некоторые яркие эпизоды из истории научной мысли. В качестве примера приведу сочинение А. Белого «История становления самосознающей души». Текст этого произведения остается не освоенным. Ни философы и эстетики, ни филологи, которым надо было бы это сделать в первую

очередь, не успели вникнуть в методологию и теоретическую глубину названного шедевра — не только поэта и прозаика, но и оригинального русского мыслителя. Тут дается широкая и объемная картина исторического становления человеческой индивидуальности во всем разнообразии ее характерных черт. У А. Белого мы наблюдаем подвижную и гибкую способность воссоздавать изучаемый предмет в его целостности, что, по мнению автора, является первой задачей всякого знания. В «Истории...» представлены исследовательские стратегии, выраженные в *дискурсе природы*, в *дискурсе человеческого тела* и, наконец, в тактике подхода к ментальным уровням культур, в контексте которых возрастает человеческое «Я». Надо ли говорить о том, что сочинение А. Белого упомянуто мною не случайно: монография Д. Смирнова написана почти в той же системе методологических параметров: ведь в ней повествуется о биосфере, ноосфере и семиосфере в их, как уже было замечено, онтологической нераздельности. Хороший урок для историков литературы и искусства, а также культурологов, которые при изучении, например, стилей и направлений в творчестве далеко не всегда могут справиться с задачей воссоздания целостной идеи этого, иногда пестрого, множества. Концепция *взаимоупора* различных типов образного и научного мышления, выдвинутая С. Аверинцевым в его трудах о византийской культуре, реализуется в рецензируемой книге, но, разумеется, в формах иного, философского, семиозиса.

В некоторых течениях мысли утвердился взгляд на культуру как духовную форму, принципиально удаленную от природы. Построения Д. Смирнова реагируют на подобные схемы заостренно полемически. Вспоминается, что тот же Я. Голосовкер в эссе «Миф моей жизни» ставил цель «вернуть духу его место в единстве природы и культуры». Он шел дальше и даже утверждал: «Дух не что иное, как *инстинкт*». В книге анализируется сложная фабула отношений между природностью и ментальными глубинами культуры. Перечисленные «-сферы» составляют морфологию пирамиды — именно так исследователем выстраивается космопланетарная фигурность бытия. Вершинной точкой тут выступает образ *человека* с его созидательным потенциалом. Это — не только необходимая правда и красивая геометрия (что, заметим, задолго до нашего времени было запечатлено в философии и

художественной литературе), но и поучительная аксиома, о которой не следует забывать ни специалисту-эстетике, ни историку и уже тем более — интеллигентоведу. Но — пойдем дальше. Жанр рецензии повелевает быть кратким и потому обратим внимание лишь на наиболее важные моменты исследования, именно второй его части, отданной рассмотрению проблем семиотики природы, затем — культуры и универсума в целом.

Читатель найдет здесь много интересного, кем бы он ни был по своей специальности. В самом деле, разве ему не понадобится знание того, что такое знак как информационный феномен?² Или осведомленность в том, что история цивилизаций фиксирует наличие доязыковых каналов информации?³ А уж суждения автора о семиотической асимметрии сознания вызовут любопытство со стороны многочисленных поклонников «острого» в науке. Привлекут внимание и такие разделы книги, как «Знак в контексте универсумной семиотики»; «Человек как знак или знак как человек?» Однако вернемся к ранее затронутому вопросу о реализации антропного принципа изучения культуры, но теперь уже взятой на уровне ее знаковой манифестированности.

Если бы мы располагали большей печатной площадью, нам было бы о чем поговорить и как можно подробнее. Но, увы, приходится ограничиться малым. Поэтому из множества имен ученых, исследования которых привлекаются автором монографии, назовем лишь самое известное в отечественной науке. Это — Ю. Лотман с его концептуальными и во многом пионерскими трудами в области семиотики культуры. Ссылками на его статьи и книги буквально испещрены писания российских литературоведов, культурологов, да и историков тоже. Из этого источника можно черпать бесконечно. И, тем не менее, назрела необходимость известной коррекции методологии Ю. Лотмана. Д. Смирнов, в частности, справедливо указывает, что функционально-морфологическое восприятие культуры — слишком узко. «При таком подходе, — пишет он, — в стороне остались некоторые существенные моменты, без рассмотрения которых картина оказывается неполной: исключительно структуралистское понимание семиосферы недостаточно», поэтому возникает надобность в том, чтобы использовать «социально-антропологический под-

ход»⁴. Исследователи, оперирующие ресурсами семиотики, должны отнести к этому замечанию как предостережению от пустого «фехтования кодов» (У. Эко).

Продвижение автора книги от одной проблемы к другой осуществляется в форме эскалации его метода в том смысле, что начальный этап их изучения (термины, общее содержание темы и т. п.) сменяется переходом к все усложняющимся спектрам идей. Так, погружаясь в пространство семиосферы, Д. Смирнов рассматривает *знак* в контексте мифа и первобытной семиотичности, затем он поднимается до уровня Символа в развитых культурах, где его семиотика представляется неохватной. Мысль исследователя дерзает разобраться в отношениях между смысловой апофатикой и личностью, что само по себе похвально, но, тем не менее, проблема слишком сложна, чтобы удостоиться лишь беглого очерка. Ясно, что в будущем автор займется ею более специально и в расширенном формате.

В отечественных гуманитарных науках идет процесс освоения новых методологических стратегий, при этом создается впечатление некоторой вторичности нашей мысли, развивающейся в алгоритме то ли гипертрофированной эмпирики, то ли в почти зеркальном повторе теоретических схем, выработанных современной западной философией. Д. Смирнов последовательно напоминает коллегам о традициях В. И. Вернадского, А. И. Вейника и других мыслителей, не чуравшихся достижений мировой науки, но, вместе с тем, развивавших собственные оригинальные концепции. Мне приходят на память слова академика П. Н. Сакулина об *икаризме* русского мышления, что тут же и подтверждается в тексте анализируемого трактата, именно там, где автор говорит о том, что я бы назвал номотетическими обобщениями. В ноосферно-семиотическом круговороте знаков, кажется, просматривается некий закон, формулу которого, как пишет Д. Смирнов, удалось вывести И. Дмитриевской: информация генерирует энергию, энергия структурирует вещество. В книге это именуется ноосферным естественным законом, но, кроме него, есть и другой, названный универсальным семиотическим законом. Его словесное выражение таково: вещество разворачивается в энергию, энергия распаковывает информацию⁵.

Эти номотетические максимы очень важны. Придет время, и ученые разных специальностей выскажут свои соображения на этот счет. Я же полагаю, что тезис о структурирующем импульсе энергии влечет за собою проблемы *ритмики* процесса и конфигуративной специфики создающейся предметности, в том числе и эстетической; этот же импульс определяет процедуру раскодировки содержания — будь оно безмысленно-морфным или осиянным семантической прозрачностью. Вполне понятно, что обращение к упомянутым законам ко многому обязывает исследователей, ведь от них требуется владение державностью разума, чтобы уметь не только что-то обобщать, но и дифференцировать, различать, классифицировать и тем самым сохранить ориентиры в гуще семиотической реальности.

Апеллируя к теории эпистем М. Фуко, Д. Смирнов — и это достойно подражания! — не отказывается от честолюбивых научных планов, когда пишет, что «при таком подходе можно пойти и дальше. Раз познавательный стиль формируется сознанием, можно говорить не только о стилях эпох, но и о стилях наций и народностей или религиозных познавательных стилях»⁶.

Несомненно, что эта идея поддержана классической наукой об искусстве и литературе, выдвигавшей формационный идеал обобщений в конце XIX — начале XX века. Ныне поэтологи говорят и пишут, к сожалению, несмело, о так называемом Большом стиле. В свое время академик Д. Лихачев исследовал системы Великих стилей. Становится ясно, что без дефиниций поэтики обойтись трудно. Я надеюсь, что в недалеком будущем Д. Смирнов вернется к намеченной им проблематике, тем более, что ему как философу есть на кого опереться, хотя бы, например, на О. Шпенглера. Но его ждут сложные вопросы. Так, придется размышлять над судьбой стилей в соотношении их с дискурсами — еще и потому, что некоторые мыслители связывают будущее культуры исключительно с развитием дискурсов, которые окончательно вытеснят стили, нейтрализуют их, заменив искусство писателя на умение скриптора. Но — довольно об этом.

Заключительные главы книги посвящены обсуждению проблем интеллигенции, что логично: ведь она — создатель теперь уже почти тотально семиотизированного универсума. В ней же практически реализован образ самого себя осознающего челове-

ка, выступающего в роли вселенского, если так можно выразиться, регулятива. Он — высшая точка культурного пирамидиона. В связи с этим Д. Смирнов напоминает слова Тейяра де Шардена: «Человек не статический центр мира <...> а ось и вершина эволюции, что много прекраснее»⁷. Хорошо сказано! Заметим, что, помимо прочего, здесь акцентирован момент эстетизма, проявляющийся в конфигуративном понимании универсума. И все это ассоциировано с интеллигенцией, то есть, буквально, с самосознающим себя человеком.

В работе освещается множество аспектов обширной темы, но мы отметим на настоящий момент самый животрепещущий из них. Речь идет об информационно-семиотическом сегменте ноосферного образования. Д. Смирнов остается верен себе, настаивая на положении о том, что образовательные процессы обязательно должны быть дополнены современной гуманитарной составляющей — прежде всего философской антропологией. Автором исследования не забыта и древняя, в частности античная, традиция, это — «пайдейя», что в переводе с греческого означает «культура», «образование», «воспитание». Греки видели в ней посредника между космосом и человеком. В книге приведенный термин употребляется в значении «доводка, шлифовка, совершенствование, воспитание»⁸ — на основе того, что в человеке заложено биосферой и импульсами ноосферности. Соглашаясь с лестницей понятий, выстроенной Д. Смирновым, пайдейя входит в состав семиософии... Я не буду комментировать содержание этой отрасли знания, надеясь, что читатель откликнется на зов собственного любопытства и самостоятельно уяснит, что это за наука.

Не могу удержаться от одного замечания, которое мне представляется весьма существенным. Анализируя структурно-семиотические аспекты универсума и отмечая эвристический потенциал связанных с ними методологических стратегий, Д. Смирнов полагает, что далеко не все из них могут служить гарантией креативного постижения знаковой реальности. О том, что подобные средства познания нуждаются в обогащении со стороны антропного принципа, уже говорилось. А далее следует развитие этой идеи. Исследователь считает, что будущее семиософии сопряжено с выработкой не только структурно-морфологического, но и целостно-организменного анализа уни-

версума, чем гальванизируется традиция, идущая из глубин античности. В философии, как и в науке, часто наблюдается схождение концов и начал. Как филолог добавлю, что упоминавшаяся выше поэтика, равно как и языкознание, активно реагирует на подобные перспективы синтеза, уходя тем самым от возможных рецидивов формализма при изучении художественных произведений в их текстовом своеобразии.

Эти заметки хочется заключить следующими оценочными соображениями.

Очевидно, что книга, читая которую, испытываешь удовольствие от текста, написана широко образованным и даровитым автором, который комфортно чувствует себя в системе различных философских систем и ментальных формаций. Многие страницы сочинения написаны с большим мастерством и не без стилистического блеска, о других достоинствах этого труда уже было сказано. Приобщим сюда и наше одобрение усилий, приложенных Д. Смирновым для составления обширного библиографического списка, имеющего большую ценность. Всякий, кто хочет войти в мир книги, будет иметь возможность увидеть его проблемно-тематические горизонты. Но нам хотелось бы высказать, с полной симпатией к автору, и некоторые критические соображения.

Вероятно, оттого, что творчество есть, по слову Л. Толстого, «энергия заблуждения», мы, пишущие люди, находимся под обаянием собственных теорий и концепций. В подобных ситуациях порою исчезает ощущение драматизма исследуемого материала. Да и чего вы хотите: идея «работает», выводы из нее «вытекают» и формулируются, убеждая нас в том, что «все гармонично». В сочинении Д. Смирнова нота некоего нечувствия противоречивости отдельных проблемных сюжетов все-таки дает знать о себе, например, там, где пишется об универсумной семиотичности в контексте глобализационных процессов. Хотя автор и задумывается над вопросами этнической идентичности народов, особенно малых, об угрозе нивелирования форм национального быта, обычаев и религиозных ритуалов, его мысль, тем не менее, движется в изначально заданном русле. Не напоминает ли эта редукция экзистенциально важной проблематики о попытках создания единого языка, оказавшихся заурядной утопией? Думаю, что — нет, не напоминает, но все же...

Выше я отметил четкую структурированность книги и ее частей. Однако при переиздании этого труда надо бы устранить излишнюю дробность повествования, где встречаются чрезмерно краткие параграфы и разделы. Читаешь их названия и думаешь: вот сейчас узнаю о том-то и о том-то. Ан нет: узнаёшь только о чем-то одном, а о другом, что могло бы углубить предыдущее, — ни слова. Помни поучение: восхищаясь и любопытствуя, не обольщайся!.. Впрочем, мои лирические вздохи ничуть не преуменьшают актуальности и ценности превосходно выполненного исследования, но лишь подтверждают истинность слов В. Набокова о том, что хорошая книга своей последней страницей не кончается, а продолжает жить в трепете читательской мысли...

Приятно констатировать, что труд Д. Смирнова создавался в атмосфере творческого содружества двух сообществ — кафедры философии и НИИ интеллигентоведения при Ивановском государственном университете. Хочется надеяться, что этот союз и в дальнейшем будет плодотворным, а его результаты — столь же высокого качества, как и монография, побудившая меня, хотя и к дилетантским, но, может быть, для кого-то небесполезным размышлениям...

Примечания

¹ *Смирнов Д. Г.* Семиософия ноосферного универсума : ноосфера и семиосфера в глобальном дискурсе. Иваново, 2008.

² Там же. С. 154.

³ Там же. С. 158.

⁴ Там же. С. 34.

⁵ Там же. С. 103—104.

⁶ Там же. С. 175.

⁷ См.: Там же. С. 154.

⁸ Там же. С. 306.

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ

ББК 74.580+283.2

Г. П. Красина, Т. Н. Маркова

ФОРМИРОВАНИЕ СУЩНОСТНЫХ ЧЕРТ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ КУЛЬТУРОЛОГИИ (Из опыта использования музейных экспозиций)

В начале 90-х годов XX века курс культурологии вводился как обязательный компонент гуманитарной составляющей в подготовке специалистов с высшим образованием. Тогда это решение было обусловлено реакцией на несколько объективных факторов, характеризовавших отечественную высшую школу. Во-первых, выяснилось, что уровень гуманитарного образования в российской высшей школе далеко отстает от мировых тенденций и стандартов. В европейских, даже инженерно-технических вузах, не менее 30 % учебного времени приходилось на гуманитарные дисциплины, в то время как в России эта цифра едва достигала 10 %. Во-вторых, путь демократии, на который тогда вступила Россия и в которую «чисто и свято» верили многие, требовал готовить не просто специалистов, а специалистов-интеллек-

© Красина Г. П., Маркова Т. Н., 2009

Красина Галина Павловна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культуры России Ивановского государственного университета. (4932) 30-20-38

Маркова Татьяна Николаевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культуры России Ивановского государственного университета. (4932) 29-86-44

туалов, а по большому счету — интеллигентов. Эта новая цель требовала гуманитаризации образования и естественным образом приводила к расширению гуманитарных дисциплин в высшей школе. В-третьих, вскрылись негативные тенденции, связанные с общим низким культурным уровнем выпускников средних школ и высшей школе предстояло заполнить этот пробел.

Новый учебный курс — «культурология» — был одним из первых интегративных курсов, введенных в программы отечественных высших учебных заведений. Интегративные предметы — это предметы новой школы, призванные на качественно новом уровне представить знания о мире и человеке. Сейчас как никогда остро обозначилась проблема интегративной направленности в реальном процессе обучения. Уже нынешнее молодое поколение должно осознавать, что все в мире взаимосвязано и взаимозависимо. Современная действительность с ее экологическими, межнациональными и другими острейшими проблемами поставила перед педагогами трудную задачу выработки планетарного мышления. Здесь необходим именно интегративный учебный предмет, содержание которого складывается из общих закономерностей художественного развития человечества в контексте его социальной и культурной истории, изучения ярких и разнообразных проявлений художественного гения народов и наций в каждую конкретно-историческую эпоху. «Культурология» и стала тем курсом, который был призван решить наболевшие проблемы и новые задачи. Мыслилось, что курс поможет молодым людям понять суть феномена культуры, сформирует базовые знания и навыки использования и охраны культурного наследия, воспитает в новом поколении россиян привычку к культурной толерантности. С курсом культурологии связывались надежды на то, что полученные знания, умения и навыки помогут гармоничному сочетанию профессиональных и гуманитарных знаний, выработке профессиональной культуры, этики и нравственности и формированию качеств подлинного русского интеллигента.

Годы, прошедшие с тех пор, подтвердили, что курс культурологии способен решать задачи подобного рода. Это ясно выразилось в том факте, что, несмотря на изменение статуса курса с обязательного на элективный, он не утратил своих позиций в высшей школе. По здравому смыслу руководителей вузов, ка-

федр, факультетов, курс культурологии остался в программах абсолютного большинства высших учебных заведений страны.

Преподавание курса культурологии невозможно без решения вопроса о знакомстве студентов с памятниками культуры. Наиболее доступным вариантом реализации этой проблемы является использование репродукций, текстов, аудио- и видеоматериалов (последнее — увы, если позволяет техническая оснащённость аудиторий). Но в большинстве случаев эти средства дают возможность увидеть копию произведения. И только музеи предоставляют в распоряжение преподавателей оригинальные памятники культуры. Преподаватели, освоившие курс культурологии, сразу осознали значимую роль музеев в процессе обучения и воспитания студентов.

Современные ученые определяют музей как организацию, занимающуюся собиранием, хранением, реставрацией, демонстрацией, популяризацией ценностей культуры. История возникновения музеев, как своеобразных общественных институтов, уходит в глубокую древность. Предшественники музеев в их современном понимании появились на том этапе развития человеческого сообщества, когда подлинные предметы, взятые из природы или общественной жизни, стали сохраняться не в утилитарных целях, а как мемориальные свидетельства или эстетические ценности. Таковыми прообразами музеев можно считать хранилище Кносского дворца (о. Крит, XVI в. до н. э.), Архив иньских оракулов во дворце Ванов (Китай, XIII—XII вв. до н. э.), библиотеку Ниневийского дворца (VII в. до н. э.). Античный Рим ввел моду (или начал процесс) на частные коллекции произведений искусства (галереи Суллы, Варески, коллекции Сервилия, Лукулла, Цезаря и др.).

Ретроспективу изменения функции музеев можно проследить, начиная с античных времен. В частности, уже Александрийский музей (IV—III вв. до н. э.) являлся не столько хранилищем предметов, сколько местом научной деятельности. С эпохи Возрождения окончательно определяется статус музеев. Они становятся культурными центрами, позволявшими приобщиться к нравственно-эстетическим и научным достижениям человечества. Именно с этого времени музеи приобретают публичный характер. В России такая эпоха началась с Кунсткамеры, открытой в 1719 году по решению Петра Великого.

Таким образом, сама логика становления и развития музейного дела утверждала значимую роль музеев в пропаганде культурных знаний. Так, с самого начала состав коллекции ныне известного на весь мир Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина определялся его связью с учебной работой кафедры истории и теории искусств Московского университета. Основатель музея, заведующий этой кафедрой — И. В. Цветаев заказывал в музеях Парижа, Лондона, Берлина, Неаполя слепки с хранящихся там оригинальных работ.

Безусловно, у преподавателей столичных вузов имеются большие возможности продемонстрировать студентам подлинные экспонаты мировой и отечественной культуры. Но это не означает обделенность провинции. Взять хотя бы Ивановский художественный музей. Он принадлежит к редкому типу провинциальных музеев России, который отличает пространственно-временная универсальность. Специфика уникального тематического диапазона определяется наличием крупных целостных коллекций памятников культуры и искусства Древнего мира и Средних веков, отечественного и западного искусства XVI—XX веков, русского авангарда, произведений советского и постсоветского времени. Музей был основан в 1959 году по решению правительства и министерства культуры РСФСР на базе выделенных художественных фондов Ивановского областного краеведческого музея.

Первый и очень значимый этап формирования музейного собрания связан с именем иваново-вознесенского фабриканта, мецената и филантропа, страстного коллекционера Дмитрия Геннадьевича Бурьлина (1852—1924). Его разновременная и многопрофильная, невиданная для небольшого фабричного городка по масштабу и экзотичности коллекция включала археологию и нумизматику, ценнейшие образцы текстильного и книжного производства, оружие и изделия из кости, серебра, редкие географические материалы, произведения художественной промышленности и кустарных промыслов, знаки масонских лож и мн. др. В 1914—1915 годах Д. Г. Бурьлин разместил свои сокровища в специальном здании, построенном на собственные средства по проекту архитектора П. А. Трубникова. Ныне Музей промышленности и искусства, в котором представлены древности и редкости, стал первым в Иваново-Вознесенске частным общедоступным музеем. Собранные Д. Бурьлиным и завещанные

городу бесценные коллекции и поныне определяют статус и своеобразие музейного мира Ивановского края.

Кроме богатых возможностей Ивановского художественного музея, город располагает уникальным музеем ситца, музеем промышленности и искусства, домами-музеями выдающихся деятелей ивановской культуры, таких, как Б. И. Пророков, А. И. Морозов, семья Цветаевых и др. Наконец, в распоряжении преподавателей Ивановского государственного университета имеются еще два музея — археологический и литературный, функционирующие на базе самого университета. Игнорировать такое богатство в процессе преподавания культурологии было бы, по меньшей мере, неразумно. В данной статье обобщается более чем десятилетний опыт работы по использованию музейных экспозиций в процессе преподавания курса культурологии в Ивановском государственном университете.

Работа начиналась с обзорных экскурсий. Но очень скоро стало ясно, что это не самый лучший вариант приобщения студентов к культурным ценностям музеев. Такие экскурсии оказались утомительными, так как несли большую эмоциональную нагрузку. Студенты были лишь пассивными участниками, несмотря на то, что перед экскурсией получали специальные задания. Например, написать эссе об увиденной экспозиции, о наиболее интересном экспонате и т. п. На самой экскурсии студенты как бы раздваивались: с одной стороны — богатство экспозиции, с другой — необходимость запомнить или записать увиденное. В результате терялось главное — наслаждение и глубокое постижение того культурного наследия, которое представлено в музее. Экскурсии организовывались чаще всего в часы, отведенные на практические занятия, и это также создавало определенные организационные затруднения. В последующем обзорные экскурсии мы сохранили для знакомства с экспозициями музеев Ивановского государственного университета.

Следующим этапом в работе стала подготовка индивидуальных заданий и заданий по защите групповых проектов, в том числе и в форме презентаций. Приводим примеры некоторых заданий:

1. *Типология культуры* (на примере экспозиции Ивановского художественного музея):

- какие типы культур представлены в экспозиции музея;
- дать характеристику каждому из этих типов культур, используя коллекцию музея.

2. *Городская культура и ее роль в становлении цивилизации. Городская усадьба XIX века* (на примере истории г. Иванова, экспозиций музея промышленности и искусства, дома-музея семьи Бубновых).

3. *История шедевра*. Рассказ об одном из шедевров, находящихся в экспозиции ивановских музеев.

4. *Ремесло на Руси* (на примере экспозиции музея ситца рассказ о зарождении качества).

Такие задания предполагают неоднократное посещение музея и вдумчивое изучение экспонатов. Студенты также приобретают навыки выражения своего отношения к увиденному, у них формируется эстетический идеал и вкус, меняется отношение к экскурсиям в музей. Как свидетельствуют отзывы студентов, экскурсии из *«добровольно-принудительных превращаются в священнодействие»*. *«Музеи становятся друзьями. Чем их больше, тем лучше. Чем лучше их узнаешь, тем интереснее и увлекательнее становится твоя жизнь»*, — пишет одна из студенток юридического факультета.

В практику преподавания культурологии на экономическом факультете (специальность «Менеджмент организации», «Прикладная информатика в экономике») с 2005 года была введена тема семинарского занятия «Музей — место в культуре». Она предполагает разговор о проблеме сохранения культурных ценностей и знакомство с работой музеев г. Иванова в этом направлении. На семинаре студенты представляют групповые проекты о деятельности всех ивановских музеев. Опыт показал творческий потенциал студентов в реализации поставленной задачи, их заинтересованность в самостоятельной оценке музеев. Проекты выявили как достоинства работы местных музеев, так и недостатки. Например, студенты отметили равнодушие и некомпетентность работников дома-музея семьи Бубновых, подвижничество работников музея семьи Цветаевых, которые сумели факт открытия и функционирования музея превратить в культурное явление села Ново-Талицы.

В 1995 году авторы статьи познакомились с методическими указаниями по изучению курса культурологии во Всероссийском сельскохозяйственном институте заочного обучения¹, в которых студентам было предложено выполнять контрольные задания на основе экспозиций ряда музеев Москвы и Подмоскovie (Музей

изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, Музей-усадьба XVIII в. Кусково, Дом-музей К. Циолковского, Дом-музей А. С. Пушкина, Геологический музей им. В. И. Вернадского, Музей искусств народов Востока и др.). Эта небольшая книжечка стала началом нашей работы со студентами-заочниками в ИвГУ. В настоящее время им предлагается обзорная экскурсия по залам Ивановского художественного музея, разработана тематика контрольных работ, выполнение которых требует знакомства с экспозициями музеев Иванова, Ивановской области (Юрьевец, Плёс, Палех) или аналогичных музеев других областей (учитывается география проживания студентов).

Насколько же эффективна такого рода работа? Что она дает в деле решения образовательных, воспитательных и культурологических задач? Ответы на эти вопросы мы находим в студенческих работах — отзывах, эссе и групповых проектах. Следует отметить равнодушие как преобладающее настроение в выполнении индивидуальных заданий. Студенты стремятся найти нестандартные формы высказывания своих позиций. Это и стихи, и фоторепортажи, и компьютерные презентации. Студенты открывают для себя новые знания, и эти знания не пассивны, так как приводят к размышлениям о жизни и культуре:

- *Материалы этого музея расширили мой кругозор в целом, дополнили картину моего представления о первобытной культуре. Экспонаты музея, комментарии о них и исторический видеоклип навели меня на мысль о том, что суть первобытной культуры состоит в том, что любая деятельность древнего человека была направлена на выживание. Острая необходимость выживания — вот что двигало эволюцией (И. Лисник, экономический ф-т).*

- *В маленьком музее исторического факультета я увидела примитивные предметы быта и поразила существующей неразрывной связи времен. В экспозиции музея я увидела не только мертвые предметы, но и экспонаты духовной жизни первобытных людей. Вероятно, они радовались окружающему миру, как и мы, но выражали свою радость и свое понимание сопричастности с миром геометрическими узорами орнамента на одежде и посуде. Суть первобытной культуры состоит в том, что материальные и духовные ценности первобытных людей являются фундаментом культурных ценностей современного человека (К. Иванова, экономический ф-т).*

Посещения музеев оказывают и непосредственную практическую помощь — *Экскурсовод очень помог нам выполнить групповое задание на тему: «Орудия труда и быта». Она давала исчерпывающие ответы на все наши вопросы* (Л. Кривулина, юридический ф-т).

Новые знания, которые студенты получают, посещая музеи, становятся основой для таких эмоциональных состояний, как удивление, гордость, что, в свою очередь, является базой для патриотического воспитания подрастающего поколения отечественных специалистов — интеллигентов:

- *Мои впечатления от музея? Во-первых, я удивлена тем, что в ИвГУ есть музей первобытной культуры. Во-вторых, я удивлена, что Ивановская область богата экспонатами. В-третьих, я живу рядом с Сахтышем и не знала, что там проходили раскопки!?* (М. Сазонова, биолого-химический ф-т).

- *Я была приятно удивлена, что многие экспонаты, найденные студентами нашего университета, периодически отправляются на различные выставки, а многие предметы экспозиции представляют ценность и даже уникальны* (Е. Гусева, экономический ф-т).

Таким образом, опыт работы по использованию музейных экспозиций в процессе преподавания культурологии убеждает нас в несомненной полезности этого вида учебной деятельности. Она, безусловно, налагает на преподавателя большую методическую и организационную нагрузку, но и конечная цель преподавания курса культурологии — повышение культурного, эстетического и нравственного уровня молодых специалистов — значима на порядок по сравнению с отвлеченным, книжным восприятием культуры как феномена человеческой жизни. Студенты это поняли и — для себя? для нас? для своих детей? — написали: *«Обязательно ходите в музеи, и вы попадете в мир, где время может двигаться назад, вперед или стоять на месте»*.

Примечания

¹ Культурология : методические указания по изучению дисциплины и задания для контрольной работы студентам-заочникам сельскохозяйственных вузов всех специальностей / сост. Л. З. Немировская и др. М., 1995.

Информация для авторов

Редколлегия междисциплинарного журнала социально-гуманитарных наук «Интеллигенция и мир» приглашает к сотрудничеству как ведущих специалистов, так и начинающих исследователей, работающих в различных сферах гуманитарного знания. Журнал уже получил регистрацию в Комитете по печати РФ. Сейчас готовятся документы для его ваковской аккредитации. Мы будем рады видеть Ваши публикации на страницах журнала «Интеллигенция и мир».

Предполагается публиковать статьи по следующим **актуальным проблемам** современной науки:

- **Актуальные проблемы современного интеллигентоведения;**
- **Генезис, становление, развитие и деятельность интеллигенции;**
- **Роль интеллигенции в развитии государственности и культуры России и зарубежных стран;**
- **Интеллигенция и общество в современных условиях;**
- **Роль личности в мировой и отечественной культуре и истории;**
- **Международные отношения и личность;**
- **Роль религии в развитии мировой культуры;**
- **Учебно-методические проблемы преподавания интеллигентоведения и других дисциплин социально-гуманитарного цикла;**
- **Рецензии на научные издания и диссертации, хроника научной жизни;**
- **Из архивных фондов: публикация исторических источников.**

Редколлегия также рассмотрит и другие Ваши предложения.

Требования к оформлению статей

1. В журнал принимаются материалы в электронном виде на диске стандартного формата с приложением одного экземпляра распечатки на белой бумаге.

Максимальный размер статьи — 1,0 авт. л. (20 страниц текста через 1,5 интервала, 30 строк на странице формата А4, не более 65 знаков в строке, выполненного в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman или Times New Roman Cyr, кегль 14), сообщения — 0,5 авт. л. (10 страниц).

2. Материал для журнала должен быть оформлен в следующей последовательности: **ББК** (в библиографическом отделе библиотеки ИвГУ); на русском и английском языках: **инициалы и фамилия автора, название материала**, для научных статей — **аннотация** объемом 10—15 строк и **ключевые понятия; текст статьи** (сообщения).

3. Библиографические источники должны быть пронумерованы в алфавитном порядке, ссылки даются в тексте статьи в скобках в строгом соответствии с пристатейным списком литературы. Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТом 7.1-84.

4. Фотографии, прилагаемые к статье, должны быть черно-белыми, контрастными, рисунки — четкими.

5. В конце представленных материалов следует указать полный почтовый адрес автора, его телефон, фамилию, имя, отчество, ученую степень, звание, должность, полное название кафедры (для внешних авторов — учреждения). Материал должен быть подписан всеми авторами.

6. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

7. Материалы, представляемые к публикации в журнале, должны пройти научную экспертизу и сопровождаться положительной рецензией.

8. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, корректирование и сокращение текстов статей.

9. Рукописи аспирантов публикуются бесплатно.

Соколова Ф. Х. Интеллигенция во власти: российские реалии

Ключевые понятия: интеллигенция и власть, интеллигенция во власти, профессионализм, образование, вовлеченность во власть, структура власти, нравственность, сервиллизм, толерантность, переходные периоды.

Основное внимание посвящено анализу степени вовлеченности интеллигенции в институции политической власти. Автор указывает, что о широкой вовлеченности интеллигенции во власть говорить не приходится. Между тем делается акцент на том, что востребованность знаний и профессионализма интеллигенции повышается на переходных этапах развития общества. Завершается анализ выводом, что представительство интеллигенции в структурах власти должно быть шире, за счет чего будет обеспечен профессионализм самой государственной власти.

Сибиряков И. В. Интернет-интеллигенция: миф или реальность?

Ключевые понятия: Интернет-интеллигенция, информация, нравственные ценности, социальная группа.

Проанализирован ряд факторов, определивших серьезные изменения в развитии отечественной интеллигенции на рубеже XX—XXI вв., выявлены некоторые существенные характеристики такой новой социальной группы, как интернет-интеллигенция, намечены наиболее перспективные пути дальнейшего исследования этого феномена.

Умное делание всегда приносит плоды (Интервью **В. П. Ракова** с **В. С. Меметовым**)

В представленном материале обсуждаются актуальные проблемы интеллигентоведения, высшего образования, уровень гуманитарных научных исследований и многое другое.

Письма друзей

Публикуются избранные письма В. С. Меметову его коллег и друзей.

Веселов В. Р. Верность теме

Рассматривается творческий путь В. С. Меметова и анализируется его вклад в развитие интеллигентоведения.

Волков В. С. Школа историка В. С. Меметова: взгляд из Петербурга

Прослеживается трансформация оценки петербургских ученых в отношении деятельности В. С. Меметова: от восприятия как одного из ряда ученых-интеллигентоведов до признания его своеобразным феноменом современной историографии.

Кондрашева М. И. К вопросу о традициях российской интеллигенции: теоретические аспекты исследования проблемы и их перспективы

Автор рассматривает деятельность Научно-исследовательского института интеллигентоведения, возглавляемого В. С. Меметовым, в контексте традиций отечественных интеллигентов и интеллигентоведов.

Зябликов А. В. «Союз 17 октября» и «Новое время»

Ключевые понятия: умеренно-консервативное движение, октябристская партия, политическая пресса, либерально-консервативная интеллигенция.

Анализируются взаимоотношения партии октябристов и праволиберальной прессы начала XX века, и, прежде всего, газеты «Новое время», прослеживается трансформация политики партии в зависимости от изменения внешней обстановки и отражение этих изменений в прессе.

Гусев А. В. Подготовка инженерно-технических кадров в системе промысловой кооперации губерний Верхнего Поволжья в 20—30-е годы XX века

Ключевые понятия: инженерно-технические кадры, техническая интеллигенция, промысловая кооперация, рабфак, техникум, ликвидация безграмотности, студент.

Рассматриваются вопросы организации подготовки инженерно-технических кадров в образовательных учреждениях для союзов и артелей промысловой кооперации губерний Верхнего Поволжья.

Раскатова Е. М. Власть и художественная интеллигенция позднего социализма: методологические ракурсы современного исследования проблемы

Ключевые понятия: Познавательные «повороты», «новая культурная история», «устная история», власть и художник, неофициальная культура, конфликт.

Статья, выполненная в рамках научного направления «интеллигентоведение», посвящена проблеме определения методологии изучения интеллигенции на современном этапе. Автор рассматривает перспективы междисциплинарных подходов к исследованию интеллигенции, опирающихся на опыт европейских гуманитарных школ и направлений XX века — «новой культурной истории», «интеллектуальной истории», «кейс стадис», «устной истории» и др.

Репников А. В. От сумы и от тюрьмы... (Послевоенная судьба В. В. Шульгина на основе архивных материалов, документов и воспоминаний)

Ключевые понятия: белая эмиграция, Белое движение, монархическая интеллигенция, советская пропаганда, органы госбезопасности.

На основе широкого круга разнообразных источников рассматривается жизненный путь в период после Великой Отечественной войны бывшего депутата Государственной думы, деятеля Белого движения и белой эмиграции В. В. Шульгина.

Ахунзянова Ф. Т. Роман Д. С. Мережковского «Данте» в культурологическом контексте русской эмиграции

Ключевые понятия: новая философия религии, числа в поэтологической системе Д. Мережковского, Данте и пророческий дух писателя, свет времени и история.

Исследуется проблема «образ Данте и культурный контекст русской эмиграции», нашедшая отражение в романе Д. Мережковского. Автор проводит наблюдения над поэтикой романа «Данте».

Мурванидзе Б. Ю. Грузинские интеллектуалы эпохи Эдуарда Шеварднадзе

Ключевые понятия: «старая» интеллигенция, «молодые демократы», грузинская культура, внешнеполитическая доктрина Грузии, грузинская элита.

Исследователь освещает деятельность ведущих интеллектуалов Грузии в период правления Эдуарда Шеварднадзе, их общественно-политические ориентиры и взаимоотношения с главой государства. Выявлены проблемы и противоречия участия грузинской интеллигенции в общественно-политической жизни современной Грузии.

Раков В. П. Заметки дилетанта (О книге доцента Д. Смирнова)

Работа представляет собой рецензию на монографию Д. Г. Смирнова «Семиософия ноосферного универсума: Ноосфера и семиосфера в глобальном дискурсе», вышедшую в издательстве Ивановского государственного университета в 2008 году.

Красина Г. П., Маркова Т. Н. Формирование сущностных черт интеллигенции в процессе преподавания культурологии (Из опыта использования музейных экспозиций)

Ключевые понятия: культурология, музей, музейная экспозиция, интеллигенция, сущностные черты интеллигенции, нравственно-эстетические достижения человечества, студенты.

Показана роль современных музеев в нравственном воспитании студентов высшей школы. Анализируются особенности использования музейных экспозиций в тематике учебного курса «культурология» с точки зрения формирования сущностных черт интеллигенции. Оценивается потенциал музейных экспозиций г. Иваново в преподавании культурологии.

Sokolova F. H. *Intelligentsia in authority: Russian reality*

Key notions: intelligentsia and authority, intelligentsia in authority, professionalism, education, involvement in authority, structure of authority, morality, servility, tolerance, periods of change.

Much attention is given to the analysis of the degree of intelligentsia involvement in the institutions of political authority. The author states that there is no discussion of the fact of intelligentsia large involvement in authority; whereas she points out that the requirement of knowledge and professionalism of intelligentsia is increased during the periods of change of society's development. The analysis is finalized with the conclusion that the presence of intelligentsia in authority structures should be larger resulting in the increased professionalism of state authority.

Sibiryakov I. V. *Internet-intelligentsia: myth or reality?*

Key notions: Internet-intelligentsia, information, moral values, social group.

A lot of factors that defined great changes in the development of Russian intelligentsia at the end of 20th and the beginning of the 21st centuries are analyzed, several basic characteristics of such new group as Internet-intelligentsia are defined, the most perspective ways of further research of this phenomenon are planned.

Clever actions are always fruitful (Interview of *V. P. Rakov* with *V. S. Memetov*)

This material is about the actual problems of intelligentsia studies, higher education, level of research in the Humanities etc.

Letters of friends

Selected letters to V. S. Memetov from his colleagues and friends are published.

Veselov V. R. *Following the subject*

The article deals with the creative way of V. S. Memetov and his contribution to the development of intelligentsia studies.

Volkov V. S. The school of historian V. S. Memetov: view from St. Petersburg

The work shows the appreciation transformation of St. Petersburg scientists to V. S. Memetov's activity: from the perception of his activity in intelligentsia studies to the acknowledgement of V. S. Memetov's phenomenon in contemporary historiography.

Kondrasheva M. I. To the Problem of Russian intelligentsia traditions: theoretical aspects of the problem and their perspectives

The author analyzes the activity of Science Research institution of intelligentsia studies headed by V. S. Memetov, in the context of traditions of Russian intellectuals and intelligentsia researchers.

Zyablikov A. V. "Union of October, 17" and "Novoe Vremya"

Key notions: mild-conservative movement, Octobrist party, political press, liberal-conservative intelligentsia.

The article analyzes the relationships between the Octobrist party and liberal press at the beginning of the 20th century, and mostly the newspaper "Novoe Vremya". The article shows the party policy transformation depending on the change of external situation, and in this connection the reflection of these changes in the press may be seen.

Gusev A. V. Training of technical-engineering specialists in the system of provinces' trading cooperations of upper towns on the Volga river in 20s—30s of the 20th century

Key notions: technical-engineering specialists, technical intelligentsia, trading cooperation, working faculty, technical college, illiteracy liquidation, student.

The article deals with the problems of training of technical-engineering specialists organization in educational institutions for unions and artels of trading cooperations in the upper towns on the Volga river.

Raskatova E. M. Authority and artistic intelligentsia of late socialism: methodological foreshortenings in the contemporary research of the problem

Key notions: cognitive "turnings", "new cultural history", "oral history", authority and artist, unofficial culture, conflict.

The article made within the framework of scientific trend "intelligentsia studies" is devoted to the problem of defining the methodology of intelligentsia research in the present-day phase. The author shows the perspectives of interdisciplinary approaches to the intelligentsia research based on the experience of European humanity schools and trends of the 20th century — "new cultural history", "intellectual history", "case studies", "oral history" etc.

Repnikov A. V. “No fence against a flail” (Post-war destiny of V. V. Shulgin according to the archive materials, documents and memoirs)

Key notions: white emigration, white movement, monarchical intelligentsia, Soviet propaganda, organs of government security.

Based on the great variety of different sources the author describes the life of the former deputy of the State Duma, activist of the white movement and white emigration, V.V. Shulgin, in the period after the Great Patriotic war.

Akhunzyanova F. T. The Novel of D. S. Merezhkovsky “Dante” in the cultural context of Russian emigration

Key notions: new philosophy of religion, numbers in the poetical system of D. Merezhkovsky, Dante and the prophetic spirit of the writer, light of time and history.

The article analyzes the problem “Image of Dante and cultural context of Russian emigration”, which was reflected in D. Merezhkovsky’s novel. The author explores the poetics of “Dante”.

Murvanidze B. Y. Georgian intellectuals in the epoch of Eduard Shevardnadze

Key notions: “old” intelligentsia, “young democrats”, Georgian culture, foreign policy doctrine of Georgia, Georgian elite.

The scientist shows the activity of Georgian leading intellectuals in the epoch of Eduard Shevardnadze, their socio-political guiding lines and interrelationships with the Head of the State. The problems and contradictions of participation of Georgian intelligentsia in the socio-political life of the present-day Georgia are reflected in the article.

Rakov V. P. Notes of dilettante (About the book by senior lecturer D. Smirnov)

This is a review of the monograph by D. G. Smirnov “Semiosophy of noospheric universum: Noosphere and semiosphere in the global discourse”, published by the publishing house of Ivanovo State University in 2008.

Krasina G. P., Markova T. N. Formation of essential features of intelligentsia in the process of culturology teaching (From the experience of the use of museum expositions)

Key notions: culturology, museum, museum exposition, intelligentsia, essential features of intelligentsia, moral and esthetical achievements of mankind, students.

The article shows the role of present-day museums in moral education of the students in the University. It analyzes the peculiarities of the use of museum expositions in the educational course “culturology” from the point of formation of intelligentsia essential features. It also evaluates the potential of museum expositions of Ivanovo in culturology teaching.

Информация для авторов

Редколлегия междисциплинарного журнала социально-гуманитарных наук «Интеллигенция и мир» приглашает к сотрудничеству как ведущих специалистов, так и начинающих исследователей, работающих в различных сферах гуманитарного знания. Журнал уже получил регистрацию в Комитете по печати РФ. Сейчас готовятся документы для его ваковской аккредитации. Мы будем рады видеть Ваши публикации на страницах журнала «Интеллигенция и мир».

Предполагается публиковать статьи по следующим **актуальным проблемам** современной науки:

- *Актуальные проблемы современного интеллигентоведения;*
- *Генезис, становление, развитие и деятельность интеллигенции;*
- *Роль интеллигенции в развитии государственности и культуры России и зарубежных стран;*
- *Интеллигенция и общество в современных условиях;*
- *Роль личности в мировой и отечественной культуре и истории;*
- *Международные отношения и личность;*
- *Роль религии в развитии мировой культуры;*
- *Учебно-методические проблемы преподавания интеллигентоведения и других дисциплин социально-гуманитарного цикла;*
- *Рецензии на научные издания и диссертации, хроника научной жизни;*
- *Из архивных фондов: публикация исторических источников.*

Редколлегия также рассмотрит и другие Ваши предложения.

Требования к оформлению статей

1. В журнал принимаются рукописи *в электронном виде* на дискете (**новой**) стандартного формата с приложением 2 экземпляров распечатки на белой бумаге (**обязательно**).

2. Максимальный размер статьи – 1,0 авт. л. (20 страниц машинописного текста через 1,5 интервала, 30 строк на странице формата А4, не более 65 знаков в строке или компьютерного набора, выполненного в редакторе *Microsoft Word XP* (или другой более ранней версии – формат: *.doc или *.rtf); шрифт Times New Roman, кегль 14 или Times New Roman Cyr, кегль 13 через полтора интервала), сообщения – 0,5 авт. л. (10 страниц).

3. Материал для журнала должен быть оформлен в следующей последовательности: инициалы, фамилия автора, название материала, текст статьи (сообщения).

4. Текст должен удовлетворять следующим требованиям: отступ – 1,25 см; отступы со всех сторон – 2 см; между инициалами и фамилиями, годом и сокращением «г.» ставится неразрывный пробел (клавиши: Ctrl + Shift + «пробел»).

5. Библиографические ссылки (**автоматические**) даются в конце статьи, нумерация ссылок сплошная. Библиографическое описание выполняется в соответствии с ГОСТом 7.1-84.

6. Фотографии, прилагаемые к статье, должны быть черно-белыми, контрастными, рисунки – четкими.

7. В конце представленных материалов следует указать полный почтовый адрес автора, его телефон, фамилию, имя, отчество полностью, место работы (**полное название учреждения и кафедры**). **Материал должен быть подписан всеми авторами.** Кроме того, в сведениях об авторах должны быть указаны **контактные телефоны или адрес электронной почты.**

8. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

9. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, корректирование и сокращение текстов статей.

Уважаемые коллеги!

В издательстве Ивановского госуниверситета вышли в свет коллективная монография и сборник научных и учебно-методических материалов, подготовленные Межвузовским Центром гуманитарного образования по политологии, политической культуре и мировой политике:

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

В издании анализируются дискуссионные проблемы интеллигентоведения и теоретико-методологические аспекты феномена интеллигенции с древнейших времен по настоящее время. Коллектив авторов с позиций истории, философии, филологии, политологии и других наук рассматривает интеллигенцию в рамках комплексного междисциплинарного подхода.

ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЕ В СИСТЕМЕ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК: ИССЛЕДОВАНИЯ И УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ РАЗРАБОТКИ

Сборник посвящен проблемам интеллигентоведения в их историческом, философском, политологическом, культурологическом и методическом аспектах. Интеллигентоведение рассматривается как самостоятельная отрасль научного знания, изучающая генезис, формирование, становление, развитие и деятельность интеллигенции.

Издания адресованы научным работникам и преподавателям высшей школы, а также всем, интересующимся проблемами интеллигенции.

Заявки на приобретение Вы можете высылать по адресу:

153025 г. Иваново, ул. Ермака, 39. Ивановский госуниверситет, кафедра истории и культуры России. E-mail: vs_memetov@mail.ru.

Стоимость одного экземпляра составляет 150 руб. Книги будут Вам высланы наложенным платежом с учетом стоимости упаковки и пересылки.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР

**Российский междисциплинарный журнал
социально-гуманитарных наук**

2009 № 2

Подписано в печать 11.06.2009 г.

Формат 60 × 84¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская.

Усл. печ. л. 9,3. Уч.-изд. л. 7,5. Тираж 500 экз.

Издательство «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39

☎ (4932) 93-43-41 E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

Типография ГОУ СПО «Ивановский энергетический колледж»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 41

☎ (4932) 32-50-89 Адрес в Интернете www.tip1.ru